

В.А. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЯ

ОНТИ
1935

В. А. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЯ

НЕОБЫЧАЙНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
В НЕДРА ЗЕМЛИ

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

ОНТИ / ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И ЮНОШЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕНИНГРАД — 1935 — МОСКВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед вами лежит книга академика В. А. Обручева «Плутония или необычайное путешествие в недра земли». Задача этой книги — рассказать читателю о животном и растительном мире доисторических времен, но автор сделал это в необычайной форме. Он обратил сухую науку, которая имеет дело только с разрозненными костями и странными отпечатками на камнях и носит трудное имя «палеонтология», в увлекательный роман, который может на книжной полке встать рядом с томиками Жюль Верна.

Для этого автор использовал гипотезу о существовании открытой полости внутри земного шара, серьезно обсуждавшуюся учеными в конце XVIII и в начале XIX века, и отправил на розыск этой полости научную экспедицию на судне «Полярная Звезда». Страницы, посвященные оправданию этой гипотезы, занимают одну главу книги и в популярной форме знакомят читателя с прежними и новыми взглядами на строение внутренней земли; кто этим не интересуется, — может их пропустить. Заметим только, что гипотеза, на которую опирается герой романа Труханов, в современной науке не принята. Зато мы получаем возможность глазами научной экспедиции заглянуть в доисторический мир и представить себе его обитателей, особенно ярко потому, что нам не раз приходится волноваться за участь наших героев.

Благодаря этому же вымыслу книга в первой своей части выполняет еще одну службу, а именно знакомит нас с нашим крайним северо-востоком и с работой рядовой полярной экспедиции. За последние годы Советский Союз очень много сделал

для овладения и освоения своих северных окраин. О поставленных на крайнем севере радиостанциях, о колониях на островах Франца-Иосифа, Новой Земли, Врангеля, о зимовщиках на мысе Челюскина, Северной Земле и др., о рейсах «Красина», «Литке», Малыгина», «Сибирякова», «Челюскина» и их борьбе с полярными льдами, туманами и пургами все конечно знают.

Но предоставим слово автору, книгу которого выпускаем в третьем, исправленном издании.

А. С. Сидоров

1

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о, нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал оглавление нового номера английского географического журнала и каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII-1913

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ
ПЕТР ИВАНОВИЧ!

Зная вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке во всяком случае будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий вас
НИКОЛАЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ ТРУХАНОВ.

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов кончил университет в Америке и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил на свои средства обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами.

Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера во всяком случае менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык?

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он конечно решил съездить в Москву.

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где было уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руку, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог, приват-доцент Семён Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

— Полярный мореплаватель, капитан Отто Нордстрем.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 г.¹

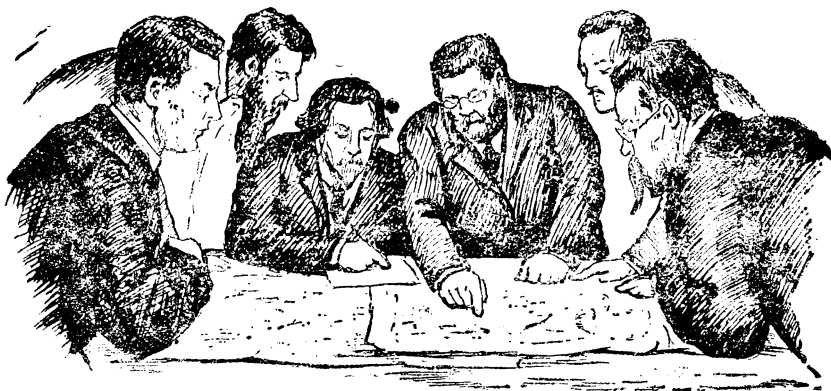
Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь.

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, северной Европой, Гренландией и Северной Америкой искрещены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, так близко от маршрутов «Веги» Норденшильда, «Фрама» Нансена и «Зари» барона Толя, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для

¹ Теперь она называется Северной Землей.

науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

— После славных экспедиций XVII и XVIII веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине XIX века на крайнем севере Сибири, участие русских ученых в разоблачении тайн околополярной области было очень невелико и почти ограничивалось изучением Новой Сибири, Новой Земли и Шпицбер-

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь.

гена. Последняя экспедиция барона Толя погибла близ острова Беннета, а экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, скудно снабженные и легкомысленно организованные, вероятно постигнет или уже постигла та же печальная участь в Карском или Баренцовом море. В ту же область проник и Вилькицкий и конечно будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу.

— Мои планы, — продолжал Труханов после небольшой паузы, — касаются другой части арктической области.

— Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски, — ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жанетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердруп и Амундсена, в которых участвовал и капитан Нордстрем, здесь присутствующий и могущий подтвердить мои слова. ра-

ботали восточнее, среди островов северо-американского архипелага.

— Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще неизвестная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии. А может быть там лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

— Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов северо-американского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк — приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожать друг друга. Но наблюдения Мак-Клора у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада из моря Бофора.

— Итак, — закончил Труханов свой доклад, — существование материка или тесной группы больших островов в этой части арктической области можно считать почти несомненным и остается только открыть и занять их для России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока. Дальше медлить нельзя, — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и занята англичанами.

— Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие. Хотя во главе судна, которое повезет нас в эту область, будет стоять норвежец, но экспедиция будет все-таки русская. Я пригласил капитана Нордстрема, известного своими успешными плаваниями в северных и южных морях.

Когда Труханов кончил свой доклад, норвежец поднялся и вкратце изложил свое мнение о существовании большой земли в северной части моря Бофора. Он опирался на рассказы эскимосов северо-американского архипелага и на наблюдения за весенним и осенним пролетом птиц у северного берега Аляски. Нордстрем был убежден, что земля существует. Его рассказ вызвал несколько вопросов со стороны Каштанова и Борового, после чего Труханов снова заговорил.

— Теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится в Японии, — у нас на Дальнем Востоке к сожалению нет хороших верфей. На днях оно будет спущено на воду, и капитан Нордстрем поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к 1 мая оно прибудет во Владивосток с членами экспедиции. В начале мая мы снимаемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском по-

дуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой¹ для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жанетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год, на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад, или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии друг от друга депо с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год, в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

— Как видите, — закончил Труханов, — хотя задачей экспедиции не является достижение северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Аляски, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть, — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения

¹ Юколой на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая туземцами впрок для пропитания зимою себя и собак.

плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Каштанов, — вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выразились: «мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем все время, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, т. е. пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт. Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении, — ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции, — продолжал Труханов. — Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я к сожалению дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я должен искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время.

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме Нордстрема, уже выехавшего в Японию. Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это един-

душие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы подготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

3

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по уговору из разных концов России; через десять дней они прибыли к вокзалу Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали причалившее в порт судно «Полярная Звезда» («Stella polaris»), с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо Нордстрема.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, всевозможных съестных припасов, консервов, разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности кончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавню рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная Звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток. Все пять человек экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по холмам, поради зеленой бухты; в душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской

ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончили с береговыми воспоминаниями.

Кроме капитана Нордстрема и его помощника, также норвежца, экипаж «Полярной Звезды» состоял из девяти норвежских матросов, подобранных молодец к молодцу, и шести русских — машиниста, его помощника, двух кочегаров, повара и буфетчика, исполнявшего также обязанности и эконома.

Раздался гонг, призывавший к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная Звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходящего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати-двадцати километров, тянулась темная линия уссурийского берега. На закате солнца, за мысом Поворотным — и эта линия быстро исчезла из вида.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море наверно наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого океана всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выспались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сборов. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволгло серыми тучами и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная

Звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Нордстрем сходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью шторм не был сильный и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова Маканруш и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого подымался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибоя резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

— Как угрюмы эти острова! — воскликнул Папочкин, вышедший на палубу при известии, что видна земля. — Черные и красноватые мрачные скалы, стелющийся кустарник.

— И постоянные туманы; летом дожди, зимой пурги, — прибавил Труханов. — И все-таки люди живут здесь.

— Курильские острова сплошь вулканического происхождения, — пояснил Каштанов. — На них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более или менее постоянно. Эта цепь, соединяющая Камчатку с Японией, тянется по западному краю большого провала морского дна, впадины Тускарора, достигающей девяти с половиной тысяч метров глубины. Линии крупных разломов земной коры обычно

венно сопровождаются вулканами, а частые землетрясения, происходящие здесь, доказывают, что движения в земной коре еще продолжаются и равновесие нарушается.

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

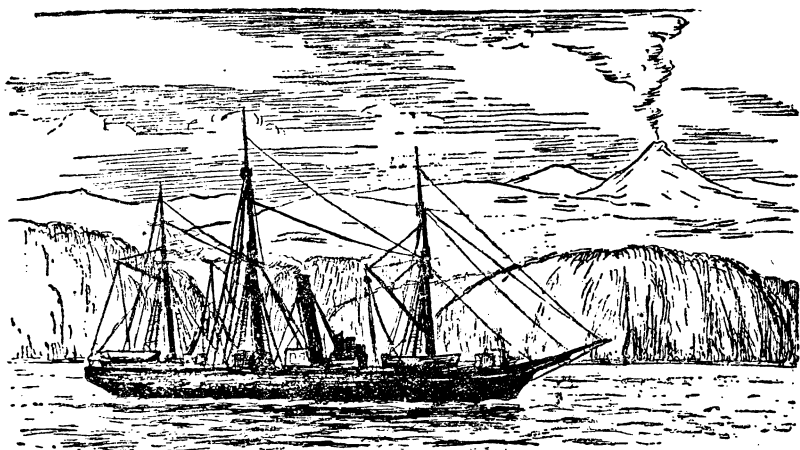
После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная Звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников вытянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные друг с другом ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопек и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрав паруса, прошла «Полярная Звезда» тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск давно спал. Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле сонного городка. Грохот цепей разбудил собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который однако никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно представляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены бегом и возней, начавшейся на палубе. Происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожил.

После долгого плаванья всем хотелось почувствовать под

ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и, чтобы переправиться на берег, воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары. Это население впрочем не превышало четырехсот человек и представляло небольшую толпу на берегу. Позади нее на пологом склоне расположились в живописном

Перед глазами путешественников потянулась линия вулканов — сопки.

беспорядке жалкие домишки горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юк. Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной

воды, и прохожим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостков не было.

Всех поразило полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, уничтожают всякую мелкую живность. Особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки, красивые мохнатые звери различной масти, виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной Звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке, собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаять, нашлись молодые листья анемонов.¹ Весна на Камчатке, вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря, начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывававшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

¹ Анемоны — разноцветущие травянистые растения, например — подснежники, ветреницы, веснухи и др.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишки одноименного селения, единственного кроме Петропавловска жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в поперечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынною. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, назначенные для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, т. е. собаковод, схватил пару сопротивлявшихся и вывихших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливающие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадалскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли, — гвалт стоял невообразимый.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались. Когда

лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стоя, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но как только лодка толкнулась о корпус «Полярной Звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак попарно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на

Иголкин оттолкнул лодку от берега и стал бросать собак попарно через воду в лодку.

веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суета на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная Звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль и вместе с тем на заднем плане из-за бли-

жайших к городу гор стал выплывать белоснежный конус Ава-чинской сопки. Тонкой, прозрачной струей из его вершины подымался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был одет в кухлянку — куртку из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косой прорез его карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скудные черные усики сразу обнаруживали принадлежность его к желтой расе. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюр передней нарты, который обучит нас управлять этими беспокойными животными, — сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот. — Они уже затихли. Ведь покидать родину никому не охота, потому они и выли. Вот и моя баба выла на расставаньи, звончее собачки, — прибавил он улыбувшись.

Путешественники с трудом подавили улыбки при этом сравнении. Каштанов спросил:

— Вы давно женаты?

— Годков пять будет! Как прибыл на Камчатку, так и женился на здешней камчадалке. И детки есть, парнишка и девчонка. Парнишку жалко, ему четыре года, шибко плакал и просил взять его с собой. Он уж с собаками управляться умеет. «Буду тебе помогать, тятя», — говорил. Вот и мою избу видно, последняя с левого края!

Но город уже превратился в такую маленькую кучку на склоне горы, что разве только острый глаз каюра мог различить отдельные строения.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой ос-

тался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся сопок, ее при-волье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволявшая построить хороший дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная Звезда» входила уже в ворота Авачинской бухты, которые тянутся на пять с лишком километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин камень, около ста метров вышиной, с плоской вершиной, весьма удобный для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, залетали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками.

Обогнув мыс Дальний с маяком, круто повернула «Полярная Звезда» на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было не спокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова св. Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения была фактория американской фирмы, торговавшей с чукчами; там же для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным японским судном. «Полярная Звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля. После недельного плаванья все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная Звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к материку Азии, где низкие горы круто падали к мор-

скому берегу или полого спускались к широким долинам, уходившим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега, и только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно сво-

бодны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими листочками на низких, стелющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостеприимные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых айсбергов, прихотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Приближение более значительного ледяного поля обыкновенно предвещалось появлением полосы тумана, так что капитан судна всегда имел возможность приготовиться к встрече и уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами. Оказаться очень близко от айсберга было опасно для судна, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают в своей подводной части, омываемой водой, температура которой выше нуля. В конце концов их надводная часть оказывается уже в положении неустойчивого равновесия, и гора от пустяшной причины — порыва ветра, выстрела, даже громкого крика — внезапно опрокидывается и может потопить судно, рискнувшее подойти к ней слишком близко.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественников, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, плывя наперерез курсу «Полярной Звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.

Нордстрем дал сигнал замедлить ход и прокричал в рупор, чтобы лодка плыла к судну. Когда она приблизилась, оказалось, что это чукотский каяк. Капитан, предполагая, что какой-нибудь чукча остановил судно, чтобы выпросить себе спирта или табаку, хотел уже крикнуть «полный ход вперед». Но

Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою меховую шапку с наушниками и поклонился членам экспедиции.

в это время грбец, бывший уже совсем близко, закричал по-английски:

— Ради бога, возьмите меня на борт.

Машину застопорили, и каяк подплыл к борту; спустили трап. Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою меховую шапку с наушниками и, обращаясь к членам экспедиции, радостно произнес по-английски:

— Благодарю вас, джентльмены, теперь я спасен!

Это был рослый, широкоплечий человек, с загорелым ли-

цом, голубыми глазами и всклокоченной светлой бородой. Ветер трепал его рыжеватые волосы, вероятно давно уже не стриженные. Он был одет по-чукотски и в левой руке держал небольшой, но повидимому очень тяжелый кожаный мешок.

Труханов подошел к нему, протягивая руку, и сказал:

— Вы очевидно европеец?

— Совершенно верно, мое имя Джакоб Мак-Шиф. Я золотоискатель, — открыл на Чукотском берегу золотой прииск. Но шхуна, которая должна была доставить мне разные припасы на целый год из Америки, не пришла и я узнал от чукчей, что она потерпела крушение. Запасы пищи у меня кончились и поневоле пришлось бросить прииск. Я плыву уже второй день на юг в надежде выбраться в жилое место. Дайте мне пожалуйста поесть, я уже два дня питаюсь только морскими ракушками.

Мак-Шиф говорил по-английски совершенно свободно, но с легким акцентом. Его фамилия, как будто, указывала на шотландское происхождение.

В это время Громеко, наклонившийся над трапом, воскликнул по-русски:

— Какя сносит течением, его не мешало бы поднять вверх!

При звуках русской речи лицо незнакомца просияло. Он оглянул быстро всех членов экспедиции, поставил свой мешок на палубу и начал поочередно пожимать всем руки, говоря второпях по-русски:

— Я вижу, что вы мои соотечественники! Я ведь русский, Яков Макшеев из Екатеринбурга. Это меня в Америке в Джакоба Мак-Шифа перекрестили! Вот счастье-то — и судно встретил, и к русским попал!

Труханов, сопровождаемый остальными путешественниками, повел нового пассажира в кают-компанию, где ему предложили холодную закуску и чай. Уплетая за обе щеки, Макшеев рассказал историю своих приключений: за пятнадцать лет он побывал в Аляске, в Калифорнии и на Командорских островах, служил на китобойном судне и лакеем в гостинице, кончил курс горного отделения в университете, работал на золотых приисках Клондайка и Номэ в Аляске и наконец высадился на

Чукотский берег, где ему удалось найти богатую золотоносную россыпь и намыть за лето много золота.

Когда Макшеев кончил свой рассказ, Труханов объяснил ему, что «Полярная Звезда» не торговое судно и что, торопясь на север, они не могут везти его в какой-нибудь порт на Аляске, откуда есть удобное сообщение со Штатами.

— Мы можем только передать вас на встречное американское китобойное судно, — закончил он.

— Но если ваше судно не торговое, то чем же оно занимается, куда держит курс?

— Оно везет русскую полярную экспедицию, членов которой вы видите перед собой, и направляется в море Бофора.

— Ну что же, придется мне видно до поры до времени поплавать с вами, если вы не захотите высадить меня в качестве Робинзона на необитаемый остров! — засмеялся Макшеев. — Но я рассказал вам, что у меня ничего нет, кроме того, что на мне: ни белья, ни приличной одежды, ничего, кроме презренного металла, который даст мне возможность расплатиться с вами.

— Об этом не может быть и разговора, — прервал его Труханов. — Мы помогли соотечественнику выпутаться из беды и очень рады этому. Белья и одежды у нас достаточно, вы почти одного роста со мной и такого же телосложения.

Макшееву отвели свободную каюту, где он мог умыться, переодеться и сложить свое золото. Вечером он присутствовал в кают-компании уже в преображенном виде и развлекал путешественников рассказами о своих приключениях в Калифорнии и Аляске. Новый пассажир произвел на всех самое приятное впечатление, и, когда он удалился спать, Труханов обратился к членам экспедиции с вопросом:

— Не пригласить ли нам его в свою среду? Это повидимому энергичный, крепкий и бывалый человек с приятным общительным характером, который будет полезен во всяком случае и при всяких обстоятельствах.

— Да, и вполне культурный, несмотря на свою тяжелую жизнь в диких местах и среди авантюристов, — заметил Каштанов.

— Знает эскимосский язык, что может пригодиться на предполагаемой земле, которая если населена, то эскимосами, — прибавил Громеко.

— Пожалуй и в самом деле я предложу ему участвовать в экспедиции с вашего общего согласия, — закончил беседу Труханов, — или лучше подожду несколько дней, все равно ему деваться некуда, и мы познакомимся с ним поближе.

6

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Поздно вечером, когда незаходящее уже солнце катилось красным шаром на северном горизонте, «Полярная Звезда» вышла из Берингова пролива в Ледовитый океан. Вдали, на западе, виднелся северо-восточный конец Азии — мыс Дежнева, на крутых откосах которого атели освещенные солнцем многочисленные снежные поля. Путешественники послали последний привет негостеприимному, безлюдному берегу, все-таки составлявшему часть родной земли.

На востоке можно было различить в легком тумане оставшийся уже позади мыс принца Уэльского. Впереди море было почти свободно от льдов. За последнее время господствовали южные ветры, которые совместно с теплым течением вдоль американского берега пролива угнали большую часть льда на север, — это было очень благоприятное обстоятельство для дальнейшего плавания.

Когда на следующее утро наши путешественники вышли на палубу, на западе уже не видно было земли. На востоке земля оставалась в виду, — это были берега Аляски со скалистыми мысами Лисбёрн и Надежды, ограничивавшими с севера залив Коцебу.

Ветер был попутный, и, распустив паруса, «Полярная Звезда» неслась по волнам, словно огромная чайка. По временам попадались ледяные поля и небольшие айсберги, которые, слегка покачиваясь, медленно плыли, полгоняемые ветром, на северо-восток.

Когда берега Аляски начали скрываться на горизонте, Макшеев, стоявший вместе с остальными пассажирами у борта, воскликнул:

— Прощай, бывшая русская земля, драгоценность, подаренная американцам.

— Как так? — удивился Боровой. — Насколько помню наше правительство продало Соединенным штатам эту унылую страну.

— Да, продало за семь миллионов долларов. А знаете ли вы, сколько янки уже выручили из этой унылой страны?

— Ну, столько же или может быть вдвое!

— Вы жестоко ошибаетесь! Одного золота они вывезли из Аляски на двести миллионов долларов. А кроме золота, еще полностью не исчерпанного, там есть серебро, медь, олово и каменный уголь, который начинают добывать. Потом пушнина, большие леса по Юкону. Строят железную дорогу, по Юкону ходят пароходы.

— Ну, нам жалеть нечего! — заметил Труханов. — У нас и Аляска осталась бы в таком же первобытном состоянии, как Чукотская земля, где тоже есть и золото, и уголь, и пушнина, а толку от всего этого никакого.

— До поры до времени, — возразил Каштанов, — свободное развитие России вообще задавлено самодержавием. Но переменится правительство, и мы может быть начнем работать в американском масштабе, и тогда Аляска нам бы очень пригодилась. Владея ею и Чукотской землей, мы бы командовали всем севером Тихого океана и ни один американский хищник не смел бы сунуться сюда; а теперь они чувствуют себя хозяевами в Беринговом море и в Ледовитом океане.

— И даже в Чукотской земле! — добавил Макшеев. — Они снабжают чукчей товарами и выменивают у них пушнину, моржевую кость, шкуры. Вы скорее найдете чукчу, говорящего по-английски, чем по-русски.

На следующее утро земли не было видно, и «Полярная Звезда» плыла с уменьшенной скоростью по морю, казавшемуся безбрежным, несмотря на льды, которые белели со всех сторон. Впереди на горизонте стоял густой туман. Ветер осла-

бел, по временам шел крупный снег, и тогда горизонт быстро суживался, а судно замедляло ход; температура воздуха была только $+0,5^{\circ}$. Около полудня проглянуло солнце и позволило определить широту, которая оказалась $70^{\circ}3'$. Таким образом «Полярная Звезда», благодаря попутному ветру и почти свободному морю, за тридцать шесть часов успела пройти треть расстояния между выходом из Берингова пролива и берегом искомой земли.

Следующие два дня эти благоприятные условия продолжались, и путешественники оказались уже под широтой $73^{\circ}39'$. Но к вечеру четвертого дня плавания по морю Бофора льды быстро сгустились, и судну приходилось уже лавировать тихим ходом в узких промежутках между ледяными полями.

На всем этом пути не встретили никаких судов; очевидно время года было слишком раннее для китобоев. Когда это выяснилось, Труханов заявил Макшееву:

— Как видите, Яков Григорьевич, мы китобоев не встретили и вам волей-неволей придется остаться на «Полярной Звезде» в качестве моего гостя. Или вы может быть предпочтете принять участие в санной экспедиции, если мы найдем искомую землю?

— Как ни приятно ваше общество, — возразил Макшеев, — но сидеть полгода или год без дела на судне среди льдов мне будет тяжело. А в экспедиции я приму участие с большим удовольствием и, думаю, не без пользы для нее. Я опытен в ходьбе на лыжах, в езде на собаках и беру на себя вместе с Иголкиным заботу о них. Могу также готовить пищу для всей компании, вести съемку, помогать профессору Каштанову в геологических наблюдениях. Как горный инженер, я кое-что смыслю в геологии.

— В таком случае я считаю вопрос решенным и очень рад, что состав экспедиции увеличивается одним энергичным и опытным человеком, — сказал Труханов.

Условия участия Макшеева установили очень быстро, а вечером он показал Каштанову коллекцию горных пород Аляски и Чукотской земли, захваченную им с прииска.

Профессор просмотрел ее с большим интересом и убедился

в серьезной подготовке американского инженера, который мог сделаться хорошим помощником в работе.

Ночью пришлось простоять несколько часов на месте. При полном штиле туман сгустился до того, что в десяти шагах ничего не было видно, все словно потонуло в жидком молоке. «Полярная Звезда» остановилась у большого ледяного поля и все, кроме вахтенных, спокойно спали.

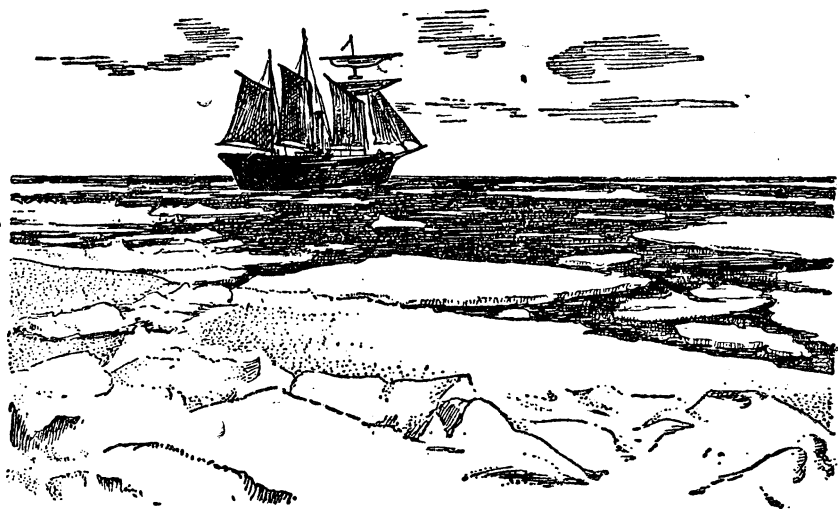
Утром туман начал слегка расползаться и клубиться под дуновением северного ветерка. Приготовились к продолжению плавания. Ветер скоро засвежел, туман постепенно исчезал, уносимый на юг, ледяные поля зашуршали и тоже пришли в движение.

Впереди открылся довольно свободный проход, и «Полярная Звезда» под парами опять поплыла на северо-северо-восток, но медленно, во избежание столкновения со льдами и чтобы иметь возможность быстрой остановки или поворота в ту или другую сторону.

Весь вечер и до полуночи шли вперед то медленно, то довольно быстро. Но затем солнце, светившее с полудня, хотя и с перерывами, скрылось в пелене тумана на северном горизонте и вскоре надвинувшегося на «Полярную Звезду». Эта ночь была менее спокойна, чем предыдущая: дул легкий северный ветер, ледяные поля двигались, напирали друг на друга, трескали и ломались. Клубившийся туман не позволял различать путь, приходилось большею частью стоять на месте и быть все время настороже, чтобы не оказаться зажатыми между большими льдинами.

Утром северный ветер усилился, туман разогнало, но зато льды пришли в сильное движение, и день прошел в большом напряжении. Нордстрему потребовалась вся его опытность, чтобы пробиваться медленно вперед, лавируя между полями, отступая, поворачивая то направо, то налево. Матросы с длинными баграми стояли у обоих бортов, чтобы отталкивать судно от напиравших на него льдин. К счастью, окраины ледяных полей были уже сильно поломаны, айсберги отсутствовали и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли более серьезную опасность.

Ночью в борьбе со льдами пришлось принять участие всем пассажирам, чтобы дать матросам возможность поочередно отдыхать. Тумана не было, дул довольно свежий норд, и судно продвигалось вперед. Утром заметили стаю каких-то птиц, пролетевших на север, и двух медведей, гулявших по большому полю в километре от судна. Это были признаки близости земли.

Окраины ледяных полей были сильно поломаны, айсберги отсутствовали и только грады мелкого льда представляли опасность.

Определение широты около полудня дало $75^{\circ}12'5''$. Следовательно, несмотря на льды, «Полярная Звезда» за трое суток успела продвинуться на север на $1^{\circ}33'$.

Когда Нордстрем проложил на карте курс судна, Труханов заметил собравшимся вокруг стола членам экспедиции:

— До сих пор нам везет чрезвычайно! В 1879 году «Жаннетта», вышедшая подобно «Полярной Звезде» из Берингова пролива, все лето билась во льдах, не проникнув даже до 73° северной широты, и в начале сентября была окончательно затерта немного севернее и восточнее острова Врангеля. А мы в четверо с половиной суток без особых затруднений успели пробиться за 75° .

— Теперь до земли можно добраться и пешком, если льды окончательно преградят нам плавание, — сказал Нордстрем. — Я полагаю, что осталось не более восьмидесяти или ста километров.

7

ЗЕМЛЯ ФРИТТИОФА НАНСЕНА

В тот же день поздно вечером северный горизонт против обыкновения очистился от тумана и туч, и когда солнце спустилось почти до горизонта, на алом фоне неба можно было различить отдаленную мелкозубчатую цепь.

— Это несомненно земля! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу. — Ледяные поля не имеют таких очертаний и кроме того на белом фоне видны многочисленные темные пятна!

— И она ближе, чем мы думали! Мне кажется, что до нее не более пятидесяти-шестидесяти километров, — заметил Макшеев.

— Итак, полярный материк существует, соображения Гарриса подтверждаются, и наша экспедиция снаряжена не даром! — с удовлетворением сказал Труханов.

Все были возбуждены видом земли и долго не ложились спать. Отсутствие тумана дало возможность видеть редкое зрелище: полуночное солнце, прокатившись огненным шаром над гребнем отдаленной горной цепи, снова начало постепенно подниматься выше.

«Полярная Звезда» всю ночь и все утро подвигалась вперед, пробираясь попрежнему через более или менее густые льды. В полдень определение широты указало, что за сутки судно опять подвинулось на север почти на полградуса.

Под вечер солнце, светившее с утра почти без перерыва, что представляло большую редкость в этих широтах, скрылось за тучами. Вскоре все небо заволокло, и разыгралась метель, словно глубокой зимой. Мелкий снег слепил глаза, все скрывалось в белесоватой мгле. Сильного волнения на этом море,

густо покрытом льдами, ветер не мог развести, но ледяные поля пришли в движение, сталкивались друг с другом и на их краях вздымались торосы из нагроможденных друг на друга льдин, достигавшие четырех или даже шести метров вышины. Положение судна было опасное. Пришлось, оставаясь под парами, стоять почти на месте, отбиваясь от льдов, то подвигаясь немного вперед, то отступая назад. Все были наготове, и только благодаря специальной конструкции корпуса судно выдерживало страшный напор льдов.

Наконец «Полярной Звезде» удалось забраться в большую выемку на восточной стороне огромного ледяного поля, защищенную от непосредственного нажима, где судно и провело спокойно остаток ночи.

К полудню метель утихла, солнце проглянуло и позволило определить широту. К всеобщему неприятному изумлению оказалось, что норд-угнал судно вместе со льдами на юг. Но этот же ветер вместе с тем сильно разбил и разъединил ледяные поля, так что за следующие два дня, при пасмурной и тихой погоде, «Полярная Звезда» довольно легко пробивала себе дорогу и несомненно значительно подвинулась на север.

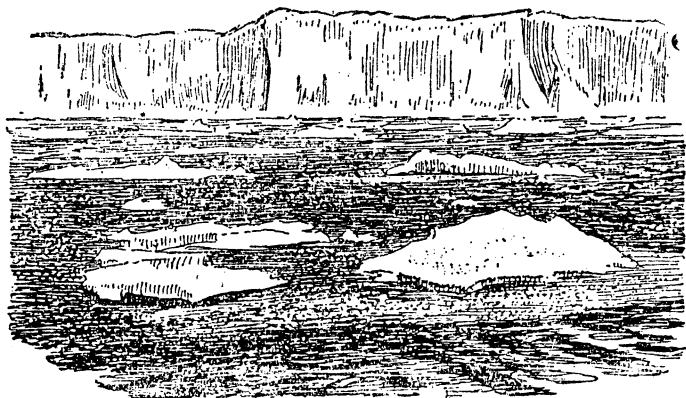
Земля должна была находиться близко, судя по тому, что лот, который до сих пор в море Бофора показывал неизменно глубины в 500—700 морских сажен, теперь встретил дно уже на 80 саженях. Очевидно тут начиналась уже континентальная подводная платформа полярного материка. Но вследствие пасмурной погоды, низко стлавшихся туч и моросившего дождя эту близкую землю совершенно не было видно.

К вечеру того же дня, 2 июня, лот показал только 20 сажен глубины и впереди белели сплошные льды. Судно двигалось тихим ходом, чтобы не наткнуться на мель, которая была очень возможна вблизи земли. Ночью пришлось постоять несколько часов, потому что густой туман совершенно скрыл окрестности.

Утром поднялся восточный ветер, туман рассеялся и оказалось, что «Полярная Звезда» находится недалеко от края ледяной стены метров двадцать вышиною, которая тянулась на восток и на запад до самого горизонта.

— Это вероятно барьер из материкового льда, опоясывающий полярную землю совершенно так же, как и вокруг южного полюса! — заметил Труханов столпившимся на палубе членам экспедиции.

Так как место было неудобное для высадки санной партии, то судно взяло курс на восток в надежде встретить бухту или разрыв в барьере, который позволил бы взобраться на поверхность льда. Лот показал шестнадцать метров глубины, и можно было думать, что ледяная стена лежит своим основанием на дне моря.

«Полярная Звезда» находилась недалеко от края ледяной стены метров двадцать вышиною.

Итти очень близко вдоль стены было не безопасно, так как нередко от отвесной или даже нависшей массы льда, расщеченной многочисленными трещинами, отрывались более или менее крупные глыбы и падали с глухим шумом в воду. По некоторым трещинам, расширенным в глубокие, но узкие ущелья-каньоны, низвергались каскадами ручейки. По временам появлялись айсберги, отделившиеся от стены и севшие на мель или плывшие по ветру на запад.

Плавание шло медленно. Приходилось обходить мели и ледяные поля, так что за сутки подвинулись только километров на сорок. Но в этот день к вечеру впереди показался длинный выступ, как-будто стена выдвигалась к югу, меняя свое

направление. Когда же «Полярная Звезда» подошла ближе, оказалось, что этот выступ представлял не лед, а скалистый мыс самой земли.

За ужином в кают-компании обсуждался вопрос, как окрестить новооткрытую землю, и было решено назвать ее Землей Фритиофа Нансена в честь великого исследователя полярных морей и стран. Мыс, несмотря на протесты Труханова, называли его именем, как организатора экспедиции.

Перед самым мысом ледяная стена отступала немного на север, благодаря чему получалась бухта небольшая, но достаточно глубокая, чтобы можно было произвести высадку санной партии.

Всю ночь на судне кипела работа. Нужно было спешить, пользуясь благоприятной погодой. Южный ветер мог надвинуть ледяные поля к берегу и забить ими бухту. Все принимали участие в выгрузке багажа. К началу мыса ледяная стена понижалась и распадалась на отдельные части, в промежутках между которыми не трудно было проложить дорогу на поверхность льда. Пока члены экспедиции сортировали выгруженное на берег имущество и прилаживали его на нарты, матросы поднялись на гребень мыса Труханова и соорудили там высокую пирамиду из камней вокруг шеста, на котором при троекратном салюте пушек «Полярной Звезды» был поднят русский флаг.

Пирамида должна была также служить сигналом как для судна, которому предстояло крейсировать вдоль берега земли, занимаясь его съемкой и изучением, так и для санной экспедиции, которая направлялась в глубь страны, но должна была вернуться к тому же мысу, чтобы опять попасть на судно. Среди камней пирамиды был положен запаянный цинковый ящик с заявлением, что земля открыта 4/17 июня 1914 года экспедицией Труханова на судне «Полярная Звезда» под командой капитана Нордстрема и названа Землей Фритиофа Нансена. Это заявление было подписано всеми членами экспедиции и снабжено судовой печатью.

Вечером на другой день все члены экспедиции в последний раз собрались в кают-компании «Полярной Звезды» на про-

щальный ужин, во время которого были окончательно решены вопросы о дальнейшем плавании судна и мерах для оказания помощи санной экспедиции в случае, если она не вернется в известный срок.

«Полярная Звезда» должна была устроить возле пирамиды склад, оставив в нем запас провианта, топлива и одежды на несколько месяцев, чтобы экспедиция, не застав почему-либо судно в этом месте, могла устроиться на зимовку.

Санная экспедиция должна была идти прямым путем на север в течение шести или восьми недель и затем возвращаться на юг по возможности другим путем, но стараясь выйти опять к мысу Труханова. Чтобы облегчить свой груз и обеспечить себе возвращение, она должна была оставлять, приблизительно через каждые пятьдесят километров, склады провианта на три дня и сведения о направлении своего пути, на случай поисков по ее следам.

На следующее утро «Полярная Звезда», разукрасившаяся флагами, провожала салютом из обеих пушек отъезжавшую санную экспедицию.

При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет и сказал:

— Если вы очутитесь во время путешествия по Земле Нансена в безвыходном положении или будете в недоумении и не в состоянии объяснить себе то, что вы увидите вокруг себя, не будете знать, что предпринять дальше, то вскройте этот пакет! Может быть, его содержимое поможет вам принять соответствующее решение. Но без крайности — прошу вас — не вскрывайте пакета. Если все пойдет более или менее гладко, нормально, то в моих указаниях никакой надобности не будет, и они могут показаться даже совершенно необоснованными.

После дружеских рукопожатий на поверхности ледяного барьера, куда экспедицию провожал почти весь экипаж, три тяжело нагруженные нарты, запряженные каждая восемью собаками, и шесть человек двинулись на север. Шесть запасных собак бежали рядом.

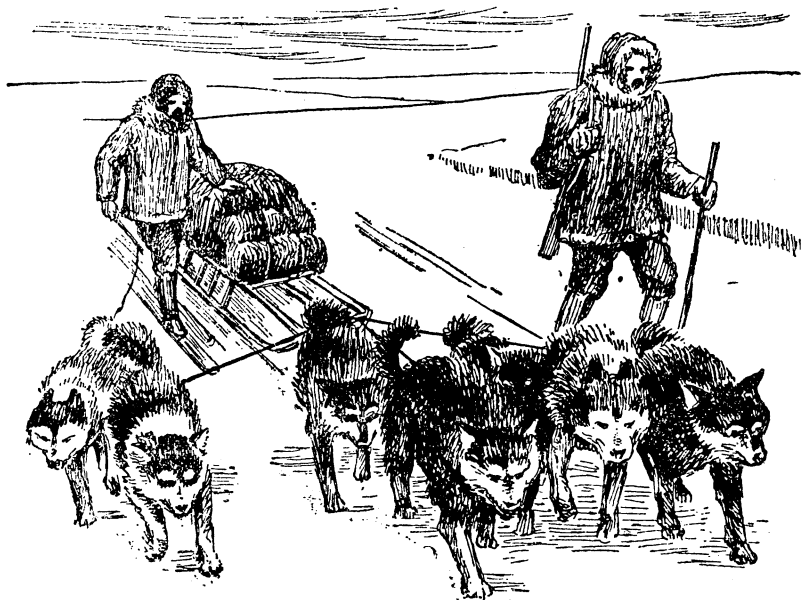
ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ РУССКИЙ

Путь экспедиции в глубь Земли Нансена продолжался в течение двух дней по снежной равнине, которая слабо поднималась к северу и не представляла препятствий для быстрого передвижения; трещины во льду встречались редко и большею частью были забиты снегом. Погода стояла пасмурная, и с юга, с попутным ветром ползли густые тучи, сыпавшие по временам снегом и скрывавшие даль. Люди и собаки постепенно втягивались в работу. Впереди всех шел Боровой, пробуя своей палкой снег, чтобы своевременно обнаружить трещины, и наблюдая компас, чтобы держаться нужного направления. Макшеев, Папочкин и Иголкин шли каждый возле своей нарты, руководя ходом собак. Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помогать той нарте, которая застревала, а Каштанов замыкал шествие также с компасом в руках, производя маршрутную съемку. На хвосте последней нарты был прикреплен одометр — легкое колесо, соединенное со счетчиком, отмечавшим пройденное расстояние, почему эту нарту нужно было особенно оберегать от повреждений.

Все путешественники были одеты в одинаковые полярные костюмы. На каждом была чукотская кухлянка, т. е. меховая рубашка, мехом внутрь, с капором для головы. На случай холода, на нартах имелись еще другие кухлянки, которые можно было надеть поверх первых, но уже мехом наружу; теперь, в виду летнего времени, достаточно было одной, да и ту в случае дождя следовало заменять шерстяной вязаной курткой, так как одежда из оленьего меха боится подмочки. Ноги были одеты в меховые же шаровары, также мехом внутрь, и меховые мягкие торбасы — сапоги. В случае особенного тепла можно было заменить всю меховую одежду шерстяной, имевшейся в запасе.

Все шли на лыжах с палками в руках. Равнина была покрыта рядами застругов, — выбоин и выпуклостей, созданных зимними пургами и только отчасти смягченных оттепелью. Они

больше затрудняли движение, чем трещины, встречавшиеся не очень часто. Макшеев развлекал всех разговорами с собаками своей нарты, которых он наделил характерными именами; головная собака, крупная, черная получила имя «Генерал». Для ночлега расставляли юрту облегченного типа с легким и прочным остовом из бамбука; в ней раскладывали по кругу вдоль стенок спальные мешки, в середине ставили спиртовую печь

Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помочь той нарте, которая застревала.

для варки пищи, к перекладине наверху подвешивали фонарь. Собак привязывали к нартам вокруг юрты. В конце второго дня пути, отшагав пятьдесят пять километров от места высадки, устроили первый склад провианта для обратного пути, отметив его пирамидой из снежных глыб с красным флагом на верхушке.

На третий день подъем по снежной равнине сделался более заметным и появилось больше трещин, которые замедляли движение, — приходилось идти осторожнее, прощупывая снег, что-

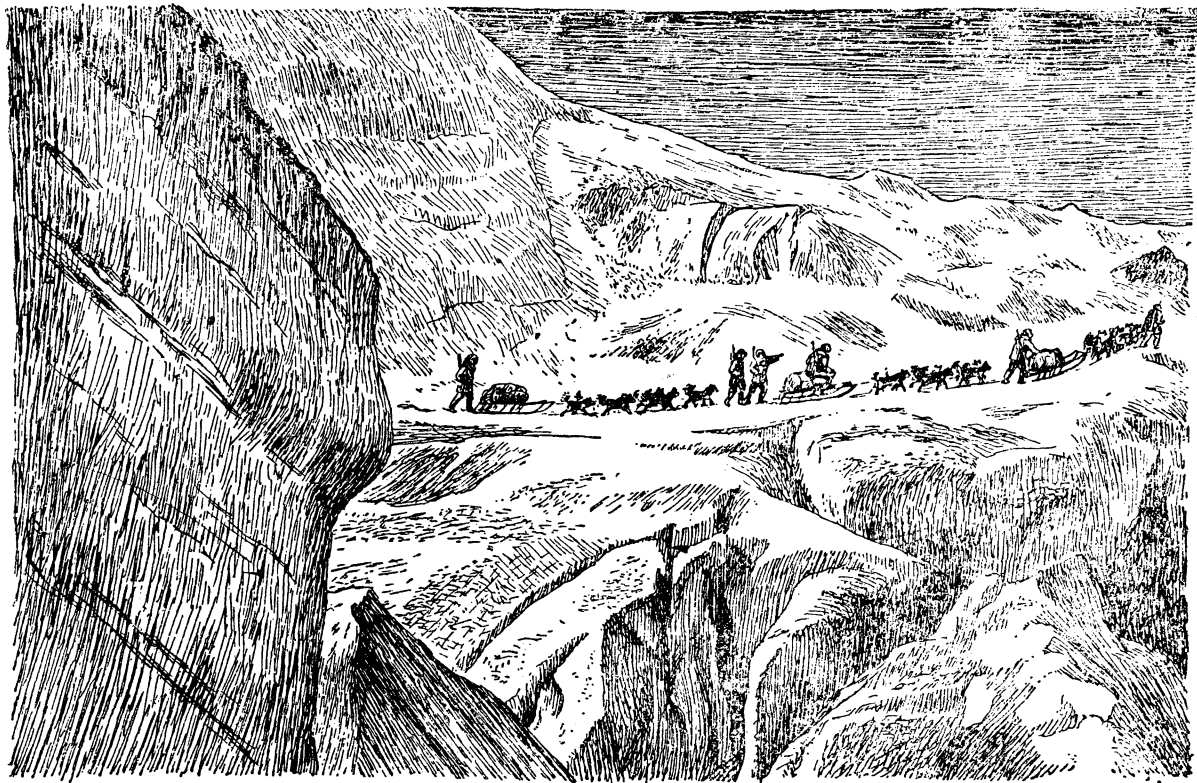
бы не провалиться через тонкий слой его, скрывающий трещину. Вечером обнаружили признаки близкой перемены местности.

На севере тучи расходились, разгоняемые ветром, и между их серыми клочьями и массами то показывались, то исчезали довольно высокие горы, которые тянулись длинной цепью по всему горизонту. На общем белоснежном фоне этих гор чернели скалистые отроги. Незаходящее солнце катилось над самым гребнем хребта, тускло светя сквозь пелену туч и окрашивая их в красноватый цвет. Снеговая равнина на переднем плане покрылась пятнами и полосами, отраженными от неба, синеватого, лилового и розового цвета. Общая картина снеговой пустыни и таинственного хребта, который впервые предстал перед глазами людей, была поразительна.

Подъем на этот хребет, названный Русским, продолжался три дня вследствие сильных трещин льда; путь шел по одной из поперечных долин между скалистыми отрогами.

Ледяной поток, т. е. глетчер, спускавшийся по долине южного склона хребта, имел до одного километра в ширину и с обеих сторон был окаймлен довольно крутыми темными скалистыми откосами, чередовавшимися с более пологими склонами, глубоко покрытыми снегом. Первые были усыпаны крупными и мелкими обломками базальта и кое-где, в защищенных местах, представляли миниатюрные лужайки с полярной растительностью. Каштанов по дороге осматривал утесы, а Громеко собирал растения. Для Пашочкина поживы почти не было; за целый день он набрал только несколько насекомых — полумертвых на снегу или живых на лужайках.

Густые тучи, скрывавшие небо, плыли так низко, что почти задевали за головы путешественников, которые двигались точно по широкому, но очень низкому коридору с белым расщелившимся полом, черными стенами и серым потолком. Везде, где уклон дна долины становился круче, более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб, по которым приходилось перетаскивать нарты; люди и собаки выбивались из сил и за день проходили всего кило-

Более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб.

метров десять такого пути. Погода оставалась пасмурной. Южный ветер нес низкие тучи, скрывавшие гребни отрогов; их черные склоны окаймляли неровную поверхность ледника, по которой пробирались с большими затруднениями нарты экспедиции. В худших местах приходилось разгружать их и переносить багаж на руках. Наконец к вечеру третьего дня выбрались на перевал, который достигал почти полутора тысяч метров над уровнем моря и представлял собой снежную равнину. Погода оставалась пасмурной, гребень хребта был сплошь покрыт серыми тучами, мчавшимися на север, и экспедиция двигалась все время в легком тумане, скрывавшем окрестности уже в сотне шагов от зрителя.

Все были очень раздосадованы этим обстоятельством, потому что при хорошей погоде вид с поверхности хребта был бы крайне обширный и позволил бы набросать карту значительной части Земли Нансена.

На перевале устроили второй склад, в котором оставили коллекции, собранные геологом на отрогах южного склона. Добыча зоолога за все время ограничилась шкурой и черепом мускусного быка; небольшое стадо этих животных попало в экспедиции перед перевалом.

9

БЕСКОНЕЧНЫЙ СПУСК

Северный склон хребта имел совершенно другой характер; это была бесконечная снежная равнина, полого склонявшаяся к северу, и собаки легко тащили нарты вниз по уклону. Но погода ухудшилась; упорный южный ветер нес густые тучи, которые клубились почти по поверхности снега, совершенно скрывая даль; часто разражалась метель, и только потому, что ветер был попутный, а мороз не превышал 10—15°, путешественники могли продолжать движение без особых затруднений. Трещины попадались довольно часто, но все были узкие, так что переходили их без затруднения. Только в виду метели пришлось идти очень осторожно, так как свежий снег часто совершенно

скрывал эти ловушки. К концу дня выюга бушевала с такой силой, что установка юрты потребовала больших усилий.

На следующее утро юрта оказалась занесенной снегом до крыши, и Боровой, вставший раньше других для метеорологических наблюдений, открыв дверь, уткнулся головой в сугроб. Пришлось прокапывать себе выход. Выбравшись наружу, путешественники увидели, что все нарты и собаки исчезли — вокруг юрты возвышались только большие сугробы. Но не трудно было догадаться, что вещи и животные просто засыпаны снегом, так как о похищении первых и бегстве вторых в этой снежной пустыне нечего было и думать. Всем пришлось заняться раскопками. Услышав голоса людей, собаки начали сами прокапываться из-под сугробов, чтобы скорее получить утреннюю порцию еды. Было интересно видеть, как то тут, то там поверхность снега начинала подниматься бугром, через который наконец прорывалась черная, белая или пятнистая косматая голова, издававшая радостный визг.

На бесконечной равнине свежесвыпавший снег лежал нетолстым слоем, не более полуметра, и накопился сугробами только вокруг препятствий — юрты, нарт и собак. Так как он падал при сильном ветре, то не был довольно плотным, и хотя лыжники не очень погружались в него, но нарты и собаки вязли. Приходилось часто меняться местами, так как передовой нарте, прокладывавшей дорожку для остальных, доставалась самая трудная работа, и собаки, тащившие ее, скоро уставали. Эти перемены в связи с рыхлостью снега не позволяли двигаться скоро, поэтому, несмотря на то, что ветер ослабел, метель прекратилась, путь шел под гору по ровному склону, и трещины были совершенно забиты снегом, — за день успели пройти только двадцать два километра и остановились в пятидесяти пяти километрах от перевала. Здесь был устроен третий склад.

Ночью метель возобновилась с прежней силой, и утром пришлось опять выкапываться, хотя из менее глубоких сугробов. Теперь уже слой свежего снега на равнине достигал почти метра, и движение сделалось более затруднительным; поэтому, пройдя за день всего пятнадцать километров все так устали,

что остановились на ночлег раньше обычного времени. Местность и погода сохраняли свое удручающее однообразие.

Вечером метель прекратилась, и сквозь тучи, попрежнему стлавшиеся почти по поверхности бесконечной снежной равнины, по временам показывалось солнце, низко повисшее над горизонтом. Картина, которая представлялась глазам наблюдателей, была совершенно фантастическая: белоснежная равнина, клубы и клочья быстро ползущих по ее поверхности серых туч, беспрерывно меняющих свои очертания; столбы крутящихся в воздухе мелких снежинок и, то тут, то там, в этой бело-серой мутной и движущейся мгле, ярко-розовые отблески от лучей прорывавшегося солнца, которое то появлялось в виде красного шара, то исчезало за серой завесой. Наши путешественники после ужина долго любовались этой картиной, пока усталость не загнала их в юрту и в спальные мешки.

На третий день спуска барометры показали, что местность находится уже на уровне моря, а уклон равнины на север все еще продолжался.

Когда Боровой, записав показания барометра, сообщил об этом своим спутникам, Макшеев воскликнул:

— Что же это! мы уже съехали с хребта Русского, не встретив ни одного ледопада, ни одной широкой трещины!

— Более удивительно, — заметил Каштанов, — что здесь должен быть берег моря, а следовательно конец огромного ледяного поля, которое спускается по северному склону этого хребта и по нашему измерению имеет семьдесят километров в длину. Здесь, подобно тому, что мы знаем об окраине антарктического материка, должен быть высокий обрыв, ледяная стена в сотню-другую метров высоты, а у ее подножия — открытое море или хотя бы поля торосов, полыньи и среди них отдельные айсберги. Ледник ведь движется, напирает на морской лед!

— А между тем, — закончил Боровой, — ледяное поле продолжается с тем же уклоном и дальше, насколько видно, и никаких признаков близости моря нет — тот же ветер с юга, те же низкие тучи, почти ползущие по поверхности земли.

— Завтра все разъяснится, — утешил Громеко, — увидим и

море, и обрыв ледяной стены, убедимся, что земля Нансена кончилась, а вместе с ней кончилась и наша санная экспедиция.

— Как это! кончилась! — раздалось несколько голосов.

— По морю нам идти незачем, — пояснил Громеко, — землю открыли, большой хребет пересекли, остается повернуть назад.

— Но сначала нужно попытаться обследовать северный берег этой земли насколько хватит сил и припасов — сказал Каштанов, — а затем уже идти назад к «Полярной Звезде».

Но следующий день не принес перемены. Снежная равнина продолжалась с тем же характером и уклоном на север; ветер упорно дул в спину путешественников, словно подгоняя их вперед; низкие тучи клубились и сыпали по временам снегом. Все ждали, что спуск вот-вот кончится, торопились, всматривались вперед, обменивались надеждами на близкий конец. Но все было напрасно, проходил час за часом, километр за километром оставались позади и наконец общая усталость заставила остановиться на ночлег.

Когда юрта была поставлена, все столпились вокруг Борового, устанавливавшего ртутный барометр; всем хотелось видеть его показания, так как на карманных анероидах стрелки уже вышли за конец делений на циферблате и не показывали давление воздуха, как следует.

— По грубому подсчету мы спустились уже на четыреста метров ниже уровня моря, — вскричал метеоролог, — если только на земле Нансена в настоящее время не находится область необычайного по величине антициклона! Барометр показывает восемьсот миллиметров!

— Насколько знаю, — заметил Каштанов, — антициклонов с таким давлением на земле не бывает. Кроме того, погода, с тех пор, как мы находимся на земле Нансена, не менялась и совсем не похожа на погоду при антициклоне.

— Но в таком случае, что же это такое? — воскликнул Папочкин.

— Очевидно земля не кончилась и северная ее часть представляет очень глубокую впадину, впадину, уходящую ниже уровня моря на сотни метров.

— Разве это возможно? — спросил Громеко.

— Почему же нет! На земле известны подобные впадины, например долина Иордана и Мертвого моря в Палестине, впадина Каспийского моря, Люкчунская котловина в Центральной Азии, открытая русскими путешественниками, наконец дно озера Байкала в Сибири, которое находится ниже морского уровня почти на тысячу метров.

— Впадина Мертвого моря также не маленькая, дно его на четыреста шестьдесят пять метров ниже уровня океана, — прибавил Макшеев.

— Во всяком случае открытие такой глубокой впадины на полярном материке будет крайне интересным и важным результатом нашей экспедиции, — заключил Боровой.

К общему удивлению спуск продолжался и на следующий день по той же равнине и при тех же условиях погоды.

— Мы лезем в какую-то бездонную дыру, — шутил Макшеев. — Это не плоская впадина, а скорее воронка, может быть кратер потухшего вулкана?

— Но только невиданных на земле размеров, — заметил Каштанов. — Мы спускаемся в эту воронку уже четыре дня, и диаметр этого кратера очевидно достигает трехсот километров или больше; вулканы такой величины известны только на луне. К несчастью на всем спуске мы не встретили ни одного утеса, ни малейшего выхода горной породы, которые разъяснили бы нам происхождение этой впадины. Склоны кратера должны состоять из разных лав и вулканических туфов.

— На северном склоне Русского хребта и на его гребне мы видели базальты и базальтовые лавы, — напомнил Папочкин. — Некоторые указания на вулканическую природу этой впадины мы имеем.

— Кратеры потухших вулканов, заполненные доверху снегом и льдом, известны в Аляске, — добавил Макшеев.

Вечером в этот день и ртутный барометр отказался служить: его трубка до верху наполнилась ртутью; пришлось достать гипсотермометр и определить давление воздуха по температуре кипения воды. Оно соответствовало глубине восьмисот сорока метров ниже уровня океана.

Все заметили, что вечером стало немного темнее. Лучи полуденного солнца очевидно не проникали непосредственно в эту глубокую впадину. Недоумение путешественников увеличилось еще в связи с тем обстоятельством, что компас в этот день также отказался служить; его стрелка вертелась, дрожала и не могла успокоиться и показать положение севера. Приходилось руководствоваться направлением ветра и общим уклоном равнины, чтобы ехать попрежнему на север. Беспокойство компаса Каштанов также приписал вулканической природе впадины, так как известно, что большие массы базальта оказывают влияние на магнитную стрелку.

Но на следующий день путешественники встретили в нескольких километрах от ночлега неожиданное препятствие; снежная равнина уперлась в цепь ледяных скал, тянувшуюся в обе стороны поперек пути насколько было видно. Скалы местами поднимались отвесно на десять-пятнадцать метров, местами же представляли хаос крупных и мелких глыб льда, нагроможденных друг на друга. Взбираться на эти груды и без груженых нарт было трудно. Пришлось остановиться для разведки. Макшеев и Боровой вскарабкались на самую высокую грудку и убедились, что и впереди, насколько хватает взор, тянутся такие же груды и скалы.

— Это не похоже на пояс торосов морского льда, — заявил Макшеев, вернувшись к нартам. — Тороса не тянутся на несколько километров в ширину без перерыва.

— Очевидно мы достигли дна впадины, — сказал Каштанов, — и этот хаос обусловлен напором огромного ледника северного склона хребта Русского, по которому мы спускались.

— Следовательно все дно впадины занято хаосом льдин, — заметил Боровой. — Остальные склоны ее также должны быть покрыты ледниками, спускающимися на дно.

— А благодаря колоссальной величине впадины она до сих пор не успела заполниться льдом, как заполнены кратеры вулканов Аляски, — добавил Макшеев.

— Но нам необходимо так или иначе перебраться через это дно, чтобы продолжать путешествие на север и выяснить раз-

меры впадины и характер противоположного склона, — заявил Каштанов.

— Всего легче идти вдоль подножия хаоса, чтобы обогнуть его по дну впадины до противоположного склона, — предложил Громеко.

— Но если эта впадина не кратер вулкана, а долина между двумя хребтами? — заметил Папочкин. — В таком случае она может тянуться на сотню-другую километров и мы не успеем закончить пересечение Земли Нансена.

— И куда идти вдоль подножия хаоса, направо или налево, чтобы обогнуть его? — спросил Боровой.

— Пойдем налево; может быть мы встретим такое место, где хаос позволит перейти раньше на ту сторону без особого труда.

Приняв это решение, путешественники направились налево, т. е. на запад, судя по ветру, так как компас попрежнему не мог успокоиться и показать север. Слева от них поднималась снежная равнина с едва заметным уклоном, справа громоздились ледяные груды и скалы; низкие тучи попрежнему закрывали небо и даже задевали за вершины более высоких льдин. Около полудня заметили место, где хаос льдин казался проходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки. Здесь остановились для устройства четвертого склада, а Боровой и Макшеев налегке направились в глубь ледяного пояса для разведки. К вечеру они вернулись и сообщили, что пояс имеет около десяти километров в ширину, что он проходим, хотя и не без затруднений, и что за ним начинается ровный подъем на противоположный склон впадины.

Преодоление пояса потребовало два дня серьезной работы; часто приходилось прорубать тропу через нагроможденные льдины, чтобы протаскивать нарты одну за другой соединенными усилиями людей и собак. Ночевали не расставляя юрты, приютившись для защиты от ветра за огромной льдиной, стоявшей отвесно; собаки попрятались в щелях и ямах между глыбами. Но после тяжелой работы все спали крепко, несмотря на стоны и завывания ветра, гудевшего в хаосе на разные лады.

Около полудня заметили место, где хаос льдин казался непроходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки.

На следующий день выбрались на другую сторону преграды. На ночлеге Боровой зажег спиртовку гипсотермометра в полной уверенности, что он покажет ту же высоту как и перед ледяным поясом, т. е. около девятисот метров ниже уровня моря. Но когда он вставил термометр в трубку кипятильника, ртуть поднялась до 105° , затем 110° и все еще шла вверх.

— Стой, стой! — вскричал Боровой. — Куда ты прешь, хочешь разбить стекло!

— Что такое? В чем дело? — раздалась возгласы.

Все вскочили и столпились вокруг прибора, стоявшего на одном из дорожных ящиков.

— Это нечто невиданное, неслыханное! — воскликнул Боровой прерывающимся от волнения голосом. — Вода кипит в этой проклятой дыре при температуре $+120^{\circ}$.

— А это значит?

— Это значит, что по ледяному поясу мы спустились в какую-то бездну. Я сейчас даже не соображаю, сколько тысяч метров ниже уровня моря соответствуют этой температуре кипения. Подождите, нужно справиться в таблицах.

Он опустил на свой спальный мешок, вытащил из кармана справочник по определению высот, порылся в таблицах и на полях стал вычислять что-то. В это время спутники один за другим подходили к прибору, чтобы убедиться, что термометр действительно показывает $+120^{\circ}$. Светлый столбик остановился у этого деления и сомнений быть не могло. Царившее молчание среди пораженных изумлением людей нарушалось легким клокотанием кипевшей в приборе воды.

Но вот раздался глубокий вздох Борового и затем следующие слова, произнесенные торжественным тоном:

— По грубому вычислению этой температуре кипения при $+120^{\circ}$ соответствует отрицательная высота в пять тысяч семьсот двадцать метров.

— Не может быть! Вы не ошиблись — раздалась возгласы.

— Проверьте сами! Вот вам таблицы. В них конечно нет данных для этой температуры кипения, которую никто никогда не наблюдал вне лабораторий. Приходится вычислять приблизительно.

Каштанов проверил вычисление и сказал:

— Совершенно верно. За эти два дня, карабкаясь через льдины, мы спустились на четыре тысячи девятьсот метров на протяжении каких-нибудь десяти-двенадцати километров.

— И не заметили такого спуска!

— Лезли вниз с высоты Монблана и ничего не знали! Это что-то невероятное!

— И непонятное! Приходится думать, что ледяной хаос — это ледопад на крутом обрыве, ведущем из кратера в жерло этого колоссального вулкана.

— Из которого нам придется теперь вылезать по такому же ледопаду на другую сторону!

— А мне непонятна и эта густая пелена туч, и этот ветер, который упорно дует с юга уже столько дней без перерыва, — заявил Боровой.

Но предположение о втором ледяном поясе не оправдалось. На следующий день путь шел по снежной равнине с пологим подъемом; вследствие этого и благодаря теплой погоде движение стало труднее. Термометр показывал немного выше нуля, снег размокал и прилипал к полозьям нарт, собаки тащили все время шагом. К вечеру с трудом сделали двадцать пять километров. В подъеме местности нельзя было сомневаться и, устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет меньшую глубину, чем накануне.

Но вода не закипала долго; наконец пошел пар и Боровой вставил термометр. Немного спустя раздался его крик:

— Это чорт знает, что такое! Это... это... — он разразился проклятиями.

— Что такое? В чем дело? Термометр лопнул? — раздались возгласы.

— Я сам лопну или сойду с ума в этой дыре! — неистовствовал метеоролог. — Посмотрите сами, кто рехнулся — я или термометр?

Все вскочили и подошли к гипсотермометру. Ртуть показывала $+125^{\circ}$.

— Мы сегодня поднимались, а не спускались? — дрожащим голосом спросил Боровой.

— Конечно поднимались! Целый день поднимались! Спору быть не может!

— А вода кипит на 5° выше, чем вчера у ледяного барьера! И это значит, что мы сегодня не поднимались, а спустились на тысячу четыреста тридцать метров, приблизительно.

— И находимся, следовательно, на семь тысяч сто пятьдесят метров ниже уровня океана, — быстро подсчитал Макшеев.

— Но это же ни с чем не сообразно! — засмеялся Папочкин.

— Поверить в крутой спуск по льдам еще можно было, — прибавил Каштанов. — Но верить, что мы опустились почти на полтора километра, когда путь явственно шел вверх по уклону, это противоречит здравому смыслу.

— Если только у нас не повальное помешательство, то я с вами согласен! — угрюмо ответил Боровой.

В это время Громеко и Иголкин, выходявшие из юрты покормить собак, вернулись и первый сказал:

— Еще один странный факт! Сегодня заметно светлее, чем вчера у льдов.

— А вчера было светлее, чем по ту сторону барьера, — прибавил Макшеев.

— Совершенно верно! — подтвердил метеоролог. — Самая темная ночь, в роде петербургской белой ночи, была перед ледяным барьером. Мы полагали, что находимся на дне впадины, и ослабление света было понятно: лучи низкого полярного солнца не могут проникать так глубоко.

— Но теперь мы спустились несравненно глубже, а ночь гораздо светлее!

Долго еще обсуждали все эти противоречивые факты, но, ничего не выяснивши, уснули. Утром Боровой первый вылез из юрты, чтобы сделать свои наблюдения.

Ветер дул попрежнему с юга и нес все такие же низкие серые тучи, скрывавшие местность на расстоянии сотни-другой метров. Термометр показывал -1° и шел снег.

— Сегодня нужно проверить, поднимаемся мы или опускаемся, — предложил Макшеев. — У нас среди инструментов есть легкий нивелир и рейки.

Продолжалась та же снежная равнина, но снег немного под-

мерз и идти было легче. Уклон был небольшой, но несомненно вверх, и несколько нивелировок, произведенных в течение дня, подтвердили то, что видел глаз и что показывали собаки своим ходом.

За день сделали двадцать три километра, так как нивелировки отняли довольно много времени.

Как только юрта была расставлена, Боровой вынул свои приборы; кипятильник показал $+128^{\circ}$.

Боровой сочно выругался и плюнул.

— Единственное объяснение это то, что в этом провалище не применимы физические законы, установленные для земной поверхности, и нужно вырабатывать новые, — сказал Каштанов.

— Легко сказать вырабатывать, — сердился Боровой. — Налету их не выработаешь! Сотни ученых десятки лет трудились, а тут все идет на смарку, словно на другой планете. Я не могу примириться с этим и готов подать в отставку!

Все рассмеялись при этой выходке метеоролога, который все-таки взялся за вычисление и объявил, что за день поднялись, то бишь — спустились, на восемьсот шестьдесят метров, и место находится на девять тысяч метров ниже уровня моря.

— Я навел справку в руководстве по физике. — заметил Каштанов. — Оказывается, что вода кипит при 120° при давлении в две атмосферы и при 134° при давлении в три атмосферы. Сейчас мы испытываем давление приблизительно в две с половиной атмосферы.

— Понятно, что при таком давлении чувствуешь себя скверно и голова идет кругом. — заявил Боровой угрюмо.

Остальные подтвердили, что уже с ночи, проведенной среди льдов берьера, самочувствие ухудшилось, ощущается давление в груди, тяжесть в голове, вялость движений; сон беспокойный, с кошмарами.

— И собачки тоже чувствуют себя плохо. — заявил Иголкин. — Они словно ослабели и тянут хуже, хотя подъем не крутой. Я думал, они просто пристали, а дело-то вот в чем!

— Интересно пощупать пульс у всех, — предложил Громеко. — У вас нормальный сколько, Иван Андреевич?

— Семьдесят два, — ответил Боровой, протягивая руку врачу.

— Ну вот, а теперь сорок четыре! Разница чувствительная. Сердце при таком давлении работает медленнее, а это и отражается на самочувствии.

— Что же, если спуск будет продолжаться, то сердце совсем остановится? — спросил Макшеев.

— Ну, не до центра же земли мы будем спускаться! — рассмеялся Громеко.

— Почему нет? — проворчал Боровой. — Эта чудовищная воронка может быть доходит до центра земли. Я теперь всему поверю. И не удивлюсь даже, если мы выйдем из нее среди льдов южного полюса.

— Это уж, извините, ерунда! — заметил Каштанов. — Ни сквозной дыры через земной шар, ни воронки до центра быть не может. Это противоречило бы всем данным геофизики и геологии.

— Вот как! А с противоречиями всем законам метеорологии, которые мы уже наблюдаем, вы миритесь? Вот увидите, и законы вашей геологии полетят еще кувыркком.

Каштанов рассмеялся.

— Метеорология, Иван Андреевич, наука легкомысленная, — сказал он шутливо. — Она имеет дело с непостоянной средой атмосферы с ее циклонами и антициклонами, причины которых до сих пор неясны. А геология основана на прочном базисе — твердой земной коре.

— Прочный базис! — вскипел Боровой. — Пока его не тряхнет хорошеньким землетрясением, при котором любой геолог потеряет голову, если не что-нибудь похуже!

Все покатались от смеха.

— И потом, — продолжал метеоролог ядовито, — вы знаете каких-нибудь два-три километра вглубь земной коры, а судите о состоянии недр! И сколько голов — столько гипотез о природе этих недр. По мнению одних — ядро земли твердое, по мнению других — жидкое, по мнению третьих — газообразное. Разберитесь тут!

— Разберемся со временем! Каждая гипотеза, если она обос-

нована, представляет лишний шаг к познанию истины. А на-счет недр вы не правы. Теперь именно сейсмология, т. е. изучение землетрясений, дает нам новые способы узнать больше о состоянии земного ядра.

— Интересно, что будет завтра? — закончил он. — Теперь каждый день можно ждать каких-нибудь фактов, на первый взгляд непонятных, но слагающихся в общую цепь причин и следствий, когда в них разберешься.

На следующий день продолжалась снежная равнина с подъемом вверх, но более слабым; ветер попрежнему дул с юга, низкие тучи клубились и стлались почти по поверхности земли, скрывая даль. К полудню подъем равнины сделался совершенно незаметным, а под вечер он перешел в спуск, — собаки побежали быстрее, так что лыжники едва поспевали за ними. Температура держалась немного ниже нуля, и путь был легкий. И вдруг Боровой, шедший как всегда впереди, замахал руками и закричал:

— Стойте, подождите! Я боюсь, что мы сбились с пути!

Все подбежали к нему. Он держал в руках компас и упорно смотрел на него.

— В чем дело? — спросил Каштанов.

— Мы идем не на север, а на юг, назад к ледяному поясу. Смотрите, северный конец стрелки показывает не вперед по нашему пути, а назад.

— Когда же вы заметили это?

— Только что. Ведь с тех пор как компас начал чудить, я перестал доверять ему, и вел караван по ветру, который все время дует упорно с юга. Но меня теперь смутил обратный уклон равнины, потому что из воронки мы не могли еще выбраться. Я вынул компас и увидел, что он перестал чудить и показывает направление пути на юг, а не на север.

— Но ветер дует попрежнему нам в спину!

— Он мог перемениться в течение ночи.

— Нет, — заявил Макшеев, — ветер не переменялся. Мы все время ставим юрту дверью по ветру, т. е. на север, чтобы не задувало. Сегодня утром, я помню это твердо, юрта стояла еще по ветру.

— Значит он менялся постепенно в течение сегодняшнего дня, мы описали полукруг и пошли обратно.

— Или же компас каким-то образом перемагнитился!

— Хотя бы выглянуло солнце или показались звезды, чтобы проверить, куда мы идем, — жаловался Боровой.

— Во всяком случае следует остановиться на ночлег и проверить с компасом в руках несколько километров нашего пути, который ясно виден по следам на снегу, — заявил Каштанов. — Если мы кружили, — это обнаружится быстро.

Поставили юрту, Макшеев и Громеко побежали по следам назад, Боровой вскипятил гипсотермометр, который показал почти то же, что и накануне. Небольшой подъем первой половины дня очевидно был уравновешен спуском второй половины. Через два часа следопыты вернулись, они проверили десять километров пути, который шел все время по прямой линии, согласно направлению ветра. Поэтому решили, что последнему можно больше доверять, чем компасу, и что следует идти и дальше по ветру.

И в этот раз темное время ночи так и не наступило; тусклый свет под покровом туч не изменился.

На следующий день уклон местности вниз стал более заметным. Температура поднялась немного выше нуля, снег размок, и дорога, несмотря на спуск, сделалась труднее. После полудня появились лужицы и небольшие ручейки, которые извивались между неровностями и наконец исчезали в трещинах, забитых снегом. Для ночлега пришлось выбрать возвышенную площадку и окопать юрту канавками, чтобы отвести воду тающего снега.

Устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет еще большее число градусов, чем накануне, так как целый день продолжался спуск на дне загадочной впадины. Но термометр показал 126° , и отрицательная высота местности, несмотря на спуск, не увеличилась, а уменьшилась на пятьсот семьдесят метров. Метеоролог, совершенно растерянный, разразился нервным смехом.

— Новый сюрприз, новое недоразумение! Сегодня утром мы

решили не верить компасам, теперь приходится поставить под знак вопроса и гипсотермометр!

Опять все путешественники собрались вокруг шалившего прибора, проверяли его показание, кипятили воду еще и еще раз, но результат получался прежний. Несмотря на ясный спуск, в котором нельзя было сомневаться, потому что ручейки текли в том же направлении, давление воздуха не увеличилось, а уменьшилось. В предшествующие же дни, наоборот, при подъеме давление не уменьшалось, а увеличивалось. Казалось, что законы физических явлений, выработанные поколениями ученых на основании наблюдений на земной поверхности, здесь, в этой впадине полярного материка, были неприемлемы или получили совершенно другой смысл. Необъяснимые явления умножались.

Все были заинтересованы и возбуждены, но понять, объяснить никто не мог. Оставалось надеяться, что ближайшее будущее даст ключ для разъяснения загадки.

— Но что за снежная пустыня! — заметил Папочкин. — После встречи с мускусными быками на перевале через хребет можно было надеяться, что следующие дни дадут мне и Михаилу Игнатьевичу какую-нибудь научную добычу. Между тем мы идем с тех пор чуть ли не двенадцать дней, прошли более двухсот пятидесяти километров — и абсолютно ничего, кроме снега и льда!

— И даже Петр Иванович, которому до сих пор везло всего больше по части коллекций, не поживился ничем, — прибавил Громеко.

— Один только Иван Андреевич коллекционирует! — смеясь заметил Макшеев.

— Я! Что же я собрал за это время? — удивился Боровой.

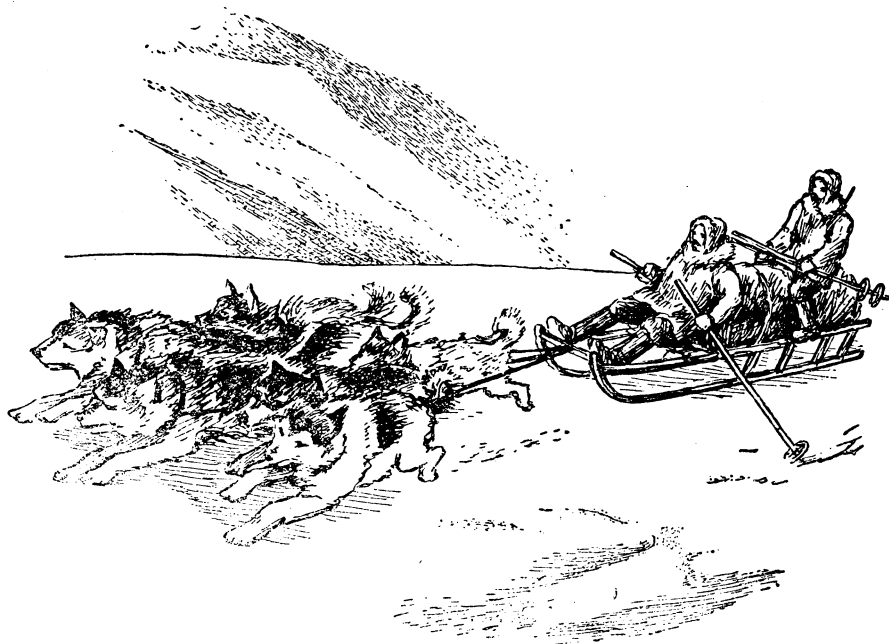
— Коллекцию непонятных физических явлений. — ответил за Макшеева Каштанов, догадавшийся, на что первый намекает.

— Это очень странная коллекция, но зато легковесная, не то что ващи камни! — смеялся Боровой. — Она наши нарты не задавит!

— Но может оказаться и очень тяжеловесной, в смысле итогов экспедиции. Ведь каждому исследователю хочется найти

что-нибудь особенное, ранее неизвестное! Вам повезло до сих пор больше, чем нам.

На следующий день спуск продолжался и стал даже еще заметнее. Ледяная равнина начала распадаться на плоские увалы. Во впадинах между ними текли ручьи, снег размок, и идти на лыжах стало тяжело: лыжи скользили, раскатывались в стороны. Поэтому способ передвижения изменили: люди уселись на

Люди уселись на нарты, по-двое на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону

нарты, по-двое на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону; лыжными палками направляли нарты и сдерживали их раскаты на неровностях льда.

В этот день обратили внимание на то, что тучи, клубившиеся попрежнему низко, имеют не серый, а красноватый цвет, словно их озаряет заходящее, но невидимое солнце.

Красноватые тучи клубились попрежнему низко, ледяная пустыня уходила во все стороны до недалекого горизонта и также

казалась красноватой. Это странное освещение на дне глубокой впадины, куда не могло заглянуть низкое полярное солнце, также принадлежало к коллекции необъяснимых явлений, которую собирал Боровой.

В этот день остановились на гребне увала вблизи большого бурного ручья с чистой водой, избавлявшей от необходимости растапливать снег для супа и чая.

10

НЕОБЪЯСНИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЛНЦА

После ужина метеоролог установил свой кипятильник в твердой уверенности, что после такого длинного и сильного спуска на протяжении сорока пяти километров ртуть покажет по крайней мере 130° , и снижение будет около десяти тысяч метров, т. е. рекордным за все время. Он даже заранее вычислил высоты для точек кипения от 130° до 135° , чтобы огорошить ими своих спутников. Каково же было его удивление, когда термометр показал только 120° .

— Моя коллекция опять увеличилась! — заявил он торжественным тоном. — Вы конечно не сомневаетесь, что мы сегодня ехали все время и очень быстро под гору?

— Ну конечно! Ясно! Вода в гору не течет! — раздался голоса.

— Так! А вот гипсотермометр показывает, что мы ехали в гору и поднялись за день на тысячу семьсот метров с лишком. Как вам это понравится?

После того, как все убедились собственными глазами, что Боровой не шутит, последний заявил:

— Очевидно, идя и далее все вниз, мы скоро выберемся из этой удивительной впадины, может быть у самого северного полюса!

— А я думаю, что готовится какая-то катастрофа! — загадочным тоном произнес Громеко. — В таинственной яме происходит необыкновенное разрежение воздуха, давление падает, предвещая ураган, циклон, тайфун, смерч или что-нибудь по-

добное. А в ожидании этой пертурбации, чтобы перенести ее спокойно, я предлагаю всем благоразумным людям залезть в спальные мешки!

Все, даже Боровой, рассмеялись и последовали совету врача. Но метеоролог предварительно осмотрел, крепко ли вбиты колья, хорошо ли натянуты веревки, державшие юрту. Он, действительно, опасался какой-то атмосферной катастрофы, спал тревожно, просыпаясь и прислушиваясь, не усиливается ли ветер, не начинается ли ожидаемое явление. Но все было спокойно, ветер гудел равномерно, как все это время, сотоварищи похрапывали, собаки сквозь сон ворчали или взвизгивали. И Боровой опускал голову на подушку, стараясь отогнать тревожные мысли и заснуть.

Утром он раньше всех вышел из юрты, чтобы отсчитать показания инструментов, вывешенных на ночь. Остальные путники лежали еще в спальных мешках.

Вдруг войлочная дверь юрты поднялась; метеоролог, бледный, с вытаращенными глазами, вернулся в юрту и произнес, заикаясь:

— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно.

— Ну, что такое опять? В чем дело? Какая катастрофа разразилась? — слышались вопросы, у одних испуганные, у других иронические.

— Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце, стоит в зените! — прокричал Боровой.

Все бросились к выходу, толкая друг друга и на ходу одеваясь.

Над ледяной равниной клубился легкий туман и сквозь него то ярче, то тусклее светил красноватый диск, стоявший прямо над головами, а не низко над горизонтом, как полагалось полярному солнцу в пять часов утра в начале июля под 80° северной широты.

Все стояли, задравши головы кверху, и смотрели молча на это странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте.

— Странная эта местность — Земля Нансена, — промолвил Макшеев не то трагическим, не то ироническим тоном.

— Да не луна ли это! — предположил Папочкин. — Может быть теперь полнолуние?

Боровой порылся в карманном справочнике.

— Теперь действительно полнолуние, но только этот красный диск не похож на луну — и светит сильнее, и греет заметно.

— Может быть на Земле Нансена... — начал Макшеев, но Каштанов перебил его:

— В полярных странах в летние месяцы луна никогда не бывает в зените: или ее совсем не видно, или она стоит очень низко.

— А если это не луна и не солнце, то что же это такое?

Но ответа никто не мог дать. Все продолжали делать догадки и опровергать их; затем позавтракали и собрались в путь. Термометр поднялся до $+8^{\circ}$. Туман то сгущался, скрывая красное светило, то разрежался, а оно показывалось неизменно в зените, не двигаясь с места. Путь шел попрежнему вниз по ледяной равнине вдоль берега большого ручья. Уклон как-будто становился более пологим.

Собаки бежали дружно, путешественники сидели на нартах, по временам вскакивая, чтобы поправить упряжь или устроить мостик через более глубокое русло.

Как только солнце пробивалось сквозь клубы тумана, все поднимали головы и смотрели на это странное светило, принявшее такое противоестественное положение на небе.

В обед сделали обычный привал.

Полдень впрочем показывали только часы, солнце же стояло попрежнему в зените и казалось не думало менять своего места.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — ворчал Боровой. — Солнце и под 80° северной широты должно перемещаться по небу, а не стоять на одном месте! Ведь земля-то вертится!

Во время привала он определил высоту солнца, которая оказалась равной 90° .

— Можно подумать, что мы находимся под тропиком в день летнего солнцеворота или под экватором во время равноденствия! — сказал он после наблюдения. — Какую широту прикажете записать? Хоть убейте, я не понимаю, где мы находим-

ся и что вокруг нас происходит. Мысли в голове путаются, и все кажется каким-то странным сном!

Все в сущности разделяли это чувство Борового и совершенно не могли объяснить себе это новое непонятное явление, по своей загадочности превосходящее все остальные: противоречивые показания инструментов, постоянный ветер с одной стороны, беспросветные тучи, ненормальное тепло, красноватый свет и колоссальная впадина с глубиной большей, чем все известные на земле.

Во время обеда и отдыха строили всевозможные догадки о катастрофах, происшедших с землей с тех пор как они на «Полярной Звезде» и на Земле Нансена были отрезаны от всякого общения с остальным миром.

11

ПОЛЯРНАЯ ТУНДРА

Под вечер ледяная равнина превратилась в ледяные увалы. Редкий туман плыл в воздухе, почти не заслоняя красноватое солнце, которое попрежнему оставалось в зените, словно издеваясь над путешественниками, продолжавшими смотреть на него с изумлением.

Приближалось время остановиться на ночлег; на ледяном гребне это было не особенно удобно: хотя места было достаточно, но вода — далеко внизу, и спускаться к ней по гладкому ледяному откосу было невозможно. Поэтому продолжали ехать, в надежде найти более подходящее место, тем более, что впереди сквозь туман видна была какая-то темная равнина.

И вот около семи часов вечера ледяные увалы снизились, и плоскими белыми языками, словно исполинскими фестонами, окаймляли эту темную равнину, в которую ручьи врезывались неглубокими руслами и текли далее в плоских болотистых берегах. Нарты, съехавшие со льда, сразу остановились на липкой, голой земле, собаки высунули языки и отказались везти. Все соскочили с нарт — последний километр ехали уже в напряженном ожидании нового сюрприза, который поднесет им эта странная Земля Нансена в виде бесснежной равнины.

Словно по уговору, люди наклонились, рассматривая и щупая руками эту долгожданную землю после стольких дней, проведенных на снегу и льду. Земля была буро-черная, пропитанная водой, липкая, но не совершенно голая, а покрытая приматыми стебельками мелкой пожелтевшей травки и искривленными стелющимися ветвями приземистого кустарника, лишенного листьев. Нога погружалась в землю сантиметра на четыре, и из-под подошвы струйками и фонтанчиками выжималась желтая вода.

— Как вам это понравится? — проворчал Каштанов. — Под 81° северной широты снег исчезает, тепло, как в Финляндии, голая земля и солнце в зените!

— Неужели придется ставить юрту в этом болоте? — печально спросил Папочкин.

— Это не болото, а северная тундра, — пояснил ему Макшеев.

— От этого не слаще, что тундра, — заметил Боровой. — Собаки отказываются везти нарты, а почевать в грязи действительно не особенно приятно. Лучше уже вернуться на лед!

Все стали оглядываться вокруг в надежде увидеть более сухое местечко.

— Вот там, я думаю, будет хорошо! — воскликнул Громеко, указывая вперед, где над черно-бурой равниной поднимался плоский холм, приблизительно в километре от конца ледяных языков.

— Но как мы туда дотащимся?

— Ничего, доплетемся, будем помогать собакам!

— Попробуем надеть лыжи, чтобы меньше вязнуть.

Действительно, на лыжах идти оказалось легче. Собаки тихоньку тащили облегченные нарты, которые люди сзади подталкивали палками от лыж. В полчаса доплелись до холма, поднимавшегося метров на восемь над равниной и представлявшего сухое и удобное место для ночлега. На нем среди пожелтевшей прошлогодней травы пробивались уже свежие зеленые побеги, а приземистый кустарник наливал почки.

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили ниже на склоне. Позади на севере белел ровным, вы-

соким валом край льдов, уходивший в обе стороны за горизонт; впереди черно-бурая равнина уже принимала зеленоватый оттенок.

В полусотне шагов от холма беззвучно струился широкий ручей между топкими берегами. Туман клубился над равниной. Появлявшееся по временам красноватое солнце попрежнему стояло в зените, хотя часы показывали уже половину девятого вечера. За этот день отмахали пятьдесят километров.

Пока Боровой кипятил воду, остальные строили догадки, какую температуру кипения покажет инструмент после такого очевидного длинного спуска.

Одни стояли за 125° , другие за 115° . Макшеев даже держал пари с Папочкиным.

— Никто из вас не выиграл! — заявил метеоролог, когда наблюдение кончилось. — Термометр показывает только 110° .

— Все-таки я был ближе к истине, — сказал Макшеев, — я стоял за 115° .

— А не думаете ли вы, что лучше будет перебить все эти негодные инструменты? — желчно спросил Боровой.

— Вы право слишком принимаете к сердцу непонятные фокусы атмосферного давления, — успокаивал его Каштанов, — как-будто считаете себя ответственным за них!

— Не в этом дело, а в том, что инструмент оказывается негодным, зачем же его тащить!

— Сейчас он может быть бесполезен по неизвестной нам причине, но при дальнейшем ходе путешествия вероятно опять будет оказывать нам услуги.

После ужина совещались о дальнейшем ходе путешествия. Если бесснежная тундра простирается и далее к северу, как это ни странно, то значительная часть снаряжения оказывается не только бесполезной, но даже вредной, тормозящей быстроту движения, а именно — лыжи, нарты, собаки и запас их корма, лишняя теплая одежда, значительная часть спирта и даже сама юрта. При установившейся здесь теплой погоде можно было бы довольствоваться легкой палаткой, которая имелась в запасе, а топливо пришлось бы собирать в тундре.

Поэтому решили устроить на холме дневку и разослать на-

легке две партии в разные стороны, чтобы выяснить характер местности и условия передвижения, ожидавшие экспедицию. После этого можно было оставить все лишнее в складе на холме для обратного пути по льдам.

12

БРОДЯЧИЕ ХОЛМЫ

На следующий день Иголкин и Боровой остались у юрты: первый для надзора за собаками, второй для разных метеорологических наблюдений. Остальные четверо отправились на разведки, разделившись на две партии: Каштанов и Папочкин пошли на юго-восток, а Макшеев и Громеко на юго-запад. Все пошли на лыжах, но с намерением оставить их, если почва делается достаточно сухой.

Каждый исследователь был вооружен ружьем. Нельзя было думать, что и на тундре не попадется никакой дичи, как это было на снежной равнине. Беспокойное поведение собак в течение ночи заставляло догадывать, что какие-то животные могут встретиться. Свежее мясо было очень нужно не только людям, но и собакам.

Каштанов и Папочкин на своем пути вскоре наткнулись на широкий ручей, за которым тундра продолжалась.

Вскоре она стала настолько сухой, что лыжи пришлось совершенно оставить. Их поставили конусом, связав наверху веревкой, чтобы легче заметить и взять на обратном пути.

На сухой тундре зеленела уже молодая травка, а приземистый кустарник покрылся зелеными листочками и цветами. По равнине клубился туман, местами разрежаясь очень мелким дождем. Но в промежутках светило и заметно грело красноватое солнце, диск которого все-таки не был ясно виден.

Километрах в десяти от стоянки путники заметили впереди несколько темных крутобоких холмов, очертания которых из-за тумана были не резки.

— Вот прекрасное место для обзора окрестности в минуты разрежения тумана! — воскликнул Папочкин. — На этой гладкой равнине с высоты холма должно быть видно далеко.

— Еще интереснее те коренные породы, которые мы найдем на них, — возразил ему Каштанов. — До сих пор геологическая добыча нашей экспедиции была очень скудна.

— Зоологическая еще скуднее!

— Ну, теперь тундра вознаградит нас. А по форме и цвету этих холмов можно думать, что это — куполы базальта или другой вулканической породы.

Оба исследователя пустились почти бегом к желанной цели, которая то виднелась сквозь пелену тумана, то совершенно скрывалась в ней.

Каштанов и Папочкин бежали более четверти часа, а темные холмы казались почти такими же далекими, как вначале.

— Этот проклятый туман ужасно мешает правильной оценке расстояний! — сказал зоолог, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Я был уверен, что до холмов недалеко, а мы бежим, бежим и почти не приблизились. Я запыхался.

— Ну что же, отдохнем! — согласился Каштанов. — Холмы ведь не убегут от нас никуда.

Они стояли, опершись на ружья. Вдруг Папочкин, смотревший в сторону холмов, воскликнул:

— Удивительно, если только это не обман зрения! Мне показалось, что наши холмы двигаются.

— Это ползет туман, потому и кажется! — спокойно ответил Каштанов, закуривая трубку.

— Ну, теперь я ясно вижу, что холмы передвигаются! Смотрите, смотрите скорее!

Впереди, недалеко, теперь ясно были видны четыре темные массы, которые медленно передвигались по тундре.

— Холмы базальта или иной вулканической породы обыкновенно стоят на одном месте! — саркастически заметил Папочкин. — Впрочем, в этой стране необъяснимых явлений, может быть, и такие холмы бродят с места на место! Как жаль, что с нами нет Борового!

Каштанов в это время вынул бинокль и направил его на двигавшиеся холмы.

— А знаете ли, Семен Семенович, — сказал он голосом, дрожащим от волнения, — эти холмы подлежат не моему, а вашему

ведению, потому что это крупные животные вроде слонов, — я ясно различаю длинный хобот.

Они опять побежали вперед и остановились только тогда, когда туман начал снова рассеиваться; темные массы были уже гораздо ближе.

— Ляжем! — сказал зоолог, — иначе они могут заметить нас и убегут.

Они прилегли на тундру. Теперь Папочкин прильнул к биноклю в ожидании удобного момента. Наконец туман рассеялся настолько, что на расстоянии четырехсот-четырёхсот пятидесяти шагов можно было ясно различить четырех слонообразных животных, которые обрывали веточки ползучего кустарника и, красиво изогнув хобот, отправляли их в свою пасть. Три из них были побольше, а один поменьше.

— У них огромные бивни, — сказал Папочкин, — сильно изогнутые. Тело покрыто шерстью красно-бурого цвета. У них короткие хвостики, которыми они весело помахивают. Если бы я не знал, что мамонты исчезли с лица нашей планеты, я бы сказал, что это не слоны, а мамонты.

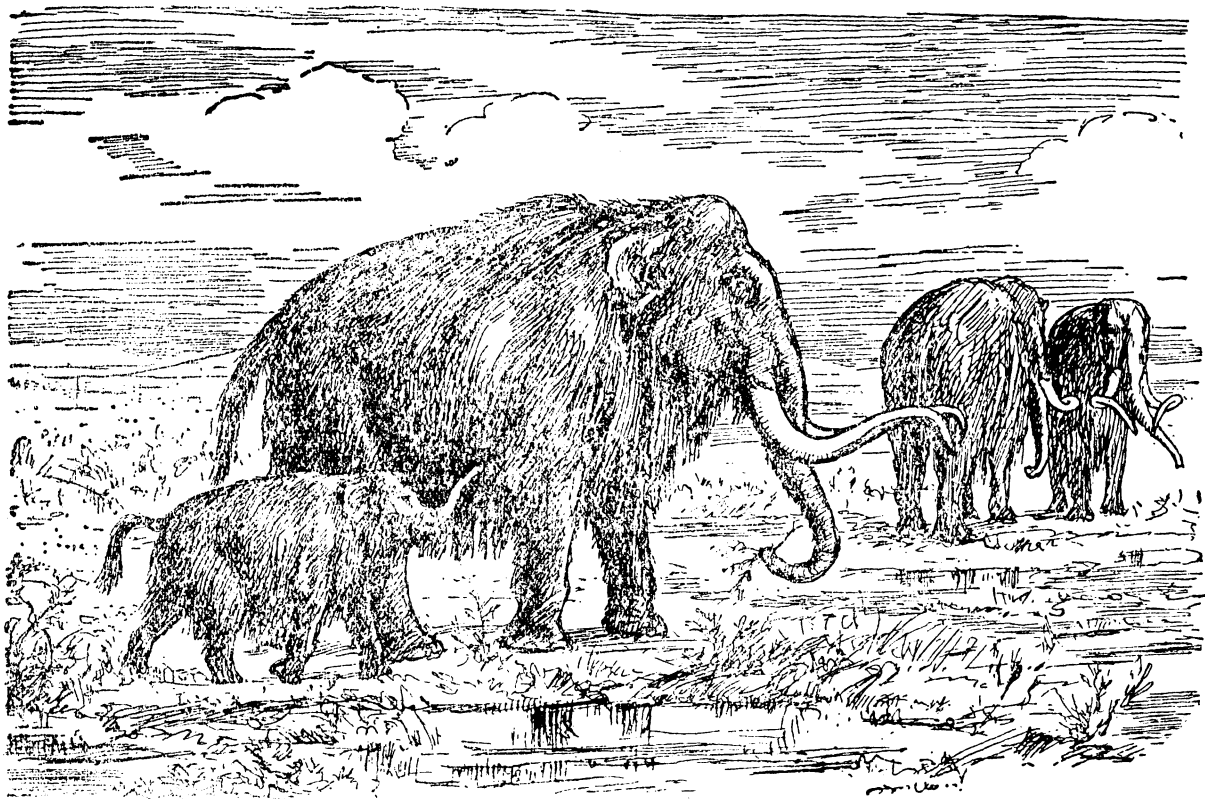
— Впрочем, в этой стране необыкновенного может быть и мамонты уцелели!

Каштанов в это время вставил патрон с разрывной пулей в свою дальнобойную винтовку и прицелился в ближайшего зверя, повернувшегося левым боком к охотнику.

Раздался оглушительный выстрел. Слон взмахнул хоботом, упал на колени передних ног; затем вскочил, пробежал несколько шагов и тяжело рухнул на землю.

Остальные звери шарахнулись в стороны, а затем, подняв вверх хоботы и испуская рев, напоминавший протяжное мычание быка, побежали тяжелой крупной рысью по тундре и исчезли в тумане.

Каштанов и Папочкин, стгорая от нетерпения, бросились к добыче. Она лежала на правом боку, разбросав ноги и откинув голову с огромными бивнями. Из зиявшей под лопаткой огромной раны вытекал целый ручеек крови, круглое брюхо еще судорожно вздымалось и хобот вздрагивал.

Можно было ясно различить четырех слонообразных животных, которые обрывали веточки с кустарника и, красиво изогнув хобот, отправляли в свою пасть.

— Осторожнее, — сказал Каштанов. — В агонии он может так двинуть хоботом или ногой, что переломает нам кости.

Охотники остановились шагах в десяти от слона и рассматривали его с понятным воднением и интересом.

— Я тоже думаю, что это мамонт, — сказал Каштанов. — Огромные размеры (ведь эта махина имеет метров шесть в длину!), бивни, согнутые вверх и внутрь, длинная красноватая шерсть, — все это признаки мамонта. Кроме того слоны в полярных странах никогда не водились, а мамонт жил в сибирской тундре.

— Если бы я не видел его собственными глазами, — ответил Папочкин, — я бы никому не поверил! Это такое открытие, такое открытие!..

— Ну, пожалуй, не больше, чем вся эта глубокая впадина и зеленеющая тундра под 81° северной широты. Очевидно на этом полярном материке, совершенно отрезанном льдами от остальных стран нашей планеты и обладающем непонятно мягким климатом, мамонты сохранились до наших дней. Они представляют собой живые окаменелости.

— Или ископаемую фауну Земли Нансена, приспособившуюся к новым условиям жизни. Очевидно прежде эта земля не была отделена от других стран льдами и снегами, а имела флору и фауну, общую с севером Америки и Азии. А затем, может быть во время ледникового периода, мамонты нашли здесь свое последнее убежище.

— Теперь оно обнаружено нашей экспедицией! Но что мы будем делать с этим чудовищем? Чтобы доставить его к стану, нужна товарная платформа и паровоз!

— Если мамонт не может быть передвинут к стану, то во всяком случае стан может перебраться к мамонту! — пошутил зоолог.

— Идея! Но если в тундре могут водиться мамонты, то могут также водиться медведи, волки, песцы, вообще какие-нибудь хищники. И пока мы будем переселяться сюда, они успеют попортить нашу добычу!

— Это правда! Нужно сейчас же тщательно измерить, описать, сфотографировать мамонта. На «Полярную Звезду» мы

захватим разве один зуб, частицы мозга, кожи, мяса в спирту.

— Но хобот, я думаю,отрежем на всякий случай, чтобы показать товарищам! То-то они будут поражены! А потом скушаем его — это будет блюдо, которым не лакомился еще ни один естествоиспытатель. Хоботы слонов, говорят, превкусны! Но конец хобота нужно сохранить, потому что его никогда еще не находили при трупах мамонта и неизвестно, как он устроен.

Охотники подошли к мамонту, лежавшему уже неподвижно, и приступили к его измерению и тщательному осмотру.

Папочкин мерил, Каштанов записывал; потом последний сфотографировал труп с разных сторон, причем зоолог с гордостью становился рядом или влезал на него для масштаба, восклицая:

— Разве это не чудесно: в отчете экспедиции будет иллюстрация — ученый Папочкин на трупе мамонта, не ископаемого, а ныне живущего!

Окончив свою работу, путешественники отрезали у животного хвост, хобот и клок длинной шерсти, подняли ружья и, нагрузившись, хотели итти к юрте. Но тут зоолог, растерянно оглянувшись вокруг, воскликнул:

— Но в какой стороне наш стан? Кругом ровная тундра, ползет туман, вдаль не видно. Мы заблудились, Петр Иванович! Я решительно не знаю, куда итти...

Каштанов сначала немного оробел при этом возгласе, но потом сказал улыбаясь:

— Человек, у которого в кармане есть компас, не может заблудиться даже в тумане, если знает, в каком направлении он шел. От места ночлега мы направились прямо на юго-восток, значит теперь должны итти на северо-запад.

— Но, увидев мамонтов, мы кажется бежали не по компасу!

— Нет, прежде чем спрятать компас, я по привычке отметил направление, куда мы бежали. Не беспокойтесь, я вас доведу до юрты!

Каштанов с компасом в руках уверенно направился по тундре, зоолог следовал за ним.

Часа два путешественники шли по равнине. Туман попрежнему то клубился низко, то рассеивался, позволяя видеть на один-

два километра в окружности. Как раз в такой момент Каштанов наконец увидел впереди, немного в стороне от их пути, какой-то странный предмет, возвышавшийся над равниной. Он указал на него зоологу.

— Что же это такое? — спросил последний. — Похоже на остов самоедской юрты. Неужели здесь есть и люди!

— Я думаю, что это наши лыжи. Вы забыли, что мы их оставили.

— Ну, значит, мы идем правильно!

Добравшись до лыж, путешественники могли уже не беспокоиться и спрятали компас, потому что лыжные следы виднелись хорошо на влажной тундре. Вскоре вдали показался холм с юртой.

13

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Когда охотники подошли настолько, что на холме можно было различить не только юрту, но и силуэты людей и собак, Каштанов сказал своему спутнику, обладавшему менее острым зрением и слухом:

— А на стану у нас что-то происходит неладное — люди бегают, собаки заливаются лаем.

Оба остановились, чтобы прислушаться. Действительно, явно слышен доносился неистовый лай собак, и затем послышался выстрел, другой, третий.

— Уж не напали ли мамонты или другие ископаемые звери? Я теперь готов поверить! — сказал зоолог.

— Бежим скорее, может быть наша помощь очень нужна.

Они побежали, насколько позволяли их ноша и усталость. У подножия холма они бросили лыжи и хобот и мигом вбежали наверх.

Собаки рвались и лаiali на привязи, в юрте никого не было. Но на противоположном склоне бежавшие увидели темную массу, возле которой стояли Боровой и Иголкин с ружьями в руках.

В один миг Каштанов и Папочкин очутились возле своих товарищей.

— В чем дело, что случилось?

— А вот полюбуйтесь, — отвечал взволнованный Боровой. — Этот странный зверь напал на собак или собаки напали на него. Мы сидели в юрте и не видели начала схватки — одним словом, пока мы выбежали с ружьями, он затоптал у нас двух собак! Ну-с, чтобы остановить это занятие, мы запустили ему пару разрывных пуль в брюхо и у него произошло смертельное расстройство желудка.

Иголкин урел собак, вертевшихся вокруг убитого зверя, и три путешественника начали рассматривать его. При первом взгляде на голову Каштанов и Папочкин в один голос воскликнули:

— Да это носорог!

— Носорог, здесь, на полярном материке? — недоверчиво сказал Боровой. — Правда, что он довольно похож на носорогов, которых я, впрочем, видел только на картинках. Но все-таки может ли быть здесь в тундре животное, родина которого под тропиками?! Не могу этому поверить!

— А вы поверите, — перебил Каштанов, — что мы только что охотились на мамонтов, понимаете ли, мамонтов, которые до сих пор считались только ископаемыми животными, существовавшими десятки тысяч лет тому назад?

— Помилосердствуйте! — завопил Боровой. — Не шутите так жестоко. Я боюсь за свой рассудок. Все, что мы видим за последние дни, так необыкновенно, противоестественно! Мне просто кажется, что я вижу это во сне или же сошел с ума!

— Да успокойтесь, мой дорогой! — вскричал Каштанов, схватив Борового за руку. — Мы все испытываем волнение. Мы тоже поражены тем, что видим за это время. Все это странно, пока необъяснимо, но противоестественного в природе не бывает! Вспомните, что мы на уединенном полярном материке, глубоко вдавленном в поверхность нашей планеты, отрезанном широким поясом льдов от остальной суши. На таком материке должны быть своеобразные физические условия, благодаря которым продолжает существовать мамонт, давно уже

вымерший в других странах. Почему же не мог сохраниться и его современник — носорог?

— Африканский или индийский носорог на полярной тундре!

— Да не африканский, а сибирский, длинношерстый, живший в Сибири на тундрах вместе с мамонтом.

— Вот как! Я и не знал, что и такие носороги существовали. Но почему же вы думаете, что это не африканский?

Этот странный зверь напал на собак или собаки напали на него.

— А вот посмотрите! У него длинная бурая шерсть, тогда как носорог тропических стран голый; размеры его больше, чем у ныне живущих представителей этого рода млекопитающих; передний рог огромных размеров и сплюснутый с боков.

Увидев, что Каштанов и Папочкин относятся так спокойно к этому удивительному происшествию, Боровой также успокоился и спросил:

— А где же мамонт, на которого вы охотились?

— Не могли же мы притащить его на себе сюда! — рассмеялся Папочкин. — Мы убили его довольно далеко отсюда в тундре. Там было маленькое стадо в четыре головы, и наш геолог издали принял их за крутобокие базальтовые холмы! Но потом эти вулканические холмы начали бродить по тундре, к нашему ужасу, ха-ха-ха! А кстати, где наш хобот? Мы принесли только хобот и хвост. Не испортили бы его собаки. Идем за ним!

Фотографирование, измерение и описание носорога заняли больше трех часов времени, и только после этого исследователи подумали, что пора отдохнуть. Завтракая, они вспомнили, что нехватает еще двух товарищей и встревожились их долгим отсутствием.

— С этим солнцем, вечно стоящим в зените, решительно теряешь всякое представление о времени, — ворчал Боровой. — Утром, в полдень, вечером — все одно и то же! День кажется бесконечным.

— Он здесь действительно бесконечный, если солнце остается в одном пункте небосклона. — подтвердил Каштанов.

— Прошлой, так называемой, ночью свет все-таки ослабел. — заметил метеоролог. — Хотя вы склонны были объяснить это сгустившимся туманом, но я выходил из юрты около полуночи и обратил внимание, что туман был не гуще, чем днем, а это странное солнце светило заметно слабее, и на его диске, как будто, видны были большие темные пятна.

— Это очень интересно! — воскликнул профессор. — Почему вы не сообщили нам об этом новом странном факте?

— Станных фактов здесь не оберешься! Да я хотел проверить себя прежде, чем говорить вам. Сегодня около полудня я опять наблюдал это сумасшедшее светило и убедился, что темных пятен нет. Я и думал, что ночью просто ошибся.

— Я думаю, — сказал Папочкин. — что с центральным телом нашей планетной системы случилась какая-то катастрофа, пока мы путешествовали в тумане по Земле Нансена. Поэтому оно и очутилось в зените под 81° северной широты и светит круглые сутки.

— Может быть земля наша повернулась постепенно так, что

ее северная полярная область оказалась обращенной прямо к солнцу?

— Это что-то непонятное, — проворчал Боровой. — Как мог без серьезных потрясений произойти в короткое время такой значительный наклон земной оси?

— Мы могли и не заметить эти потрясения в тумане среди льдов. Иначе я не могу объяснить себе это странное положение солнца, — настаивал Каштанов.

— А почему вы уверены, что это светило, которое мы видим теперь, то же самое, которое мы видели в последний раз над гребнем хребта Русского? — спросил Боровой.

— Что же это может быть иное? — удивился Папочкин.

— Почему нельзя предположить с таким же основанием, что луна загорелась вновь или что в нашу планетную систему залетело случайно новое самосветящее тело и увлекло за собой нашу землю в качестве спутника? — с загадочной улыбкой говорил метеоролог.

— Зачем делать разные невероятные предположения! — сказал Каштанов. — Ведь есть же гипотезы, основанные на геологических фактах, что ось вращения нашей земли перемещалась. Этим объясняют например оледенения, имевшие место в некоторые геологические периоды в Индии Африке, Австралии, Китае, и субтропическую флору других периодов на Земле Франца-Иосифа, Гренландии и т. п.

— Не спорю, это вам лучше знать. Но я сегодня измерил угловой радиус этого светила и оказалось, что он равен 20 минутам, тогда как угловой радиус солнца равен почти 16 минутам, как вы, конечно, знаете.

— Вот это важный факт! — воскликнул пораженный Каштанов.

— А затем этот красноватый свет вместо желтого?

— Не вследствие ли тумана? — вставил Папочкин.

— Я сам думал так. Но сегодня удалось видеть это светило, когда туман на некоторое время совершенно рассеялся. И диск был все-таки красноватый, какой бывает у солнца, когда оно стоит низко над горизонтом и светит через более влажные нижние слои атмосферы или во время пыльной бури.

— Да, это тоже странно!

— А эти темные пятна, обуславливающие ослабление света в известные часы суток! Сегодня ночью я постараюсь проверить и это. Если они повторятся, то я буду окончательно убежден, что над нами не солнце, а что-то другое.

— Где же, куда же девалось наше солнце? — с тревогой спросил Папочкин.

— Почему я знаю! Это еще одно звено в цепи непостижимых явлений, свидетелями которых нам суждено было сделаться за последние дни.

— Да, целая цепь! — задумчиво сказал Каштанов. — Огромная впадина на материке; странные показания магнитной стрелки; непонятные изменения атмосферного давления; теплая погода под широтой 81° — не случайная, судя по этой границе льдов и зеленеющей тундре; мамонты и носороги, разгуливающие по ней, солнце — не солнце в зените днем и ночью...

— И еще будет не мало, я в этом уверен. Вот идут наконец наши товарищи и несут, держу пари на что угодно, еще один странный факт.

Все вскочили, всматриваясь вдаль, где уже хорошо видны были два человека, несшие что-то темное, подвешенное на длинную палку. Папочкин поставил чайник на спиртовую печь и принялся готовить шашлык из носорожьего мяса, остальные побежали навстречу приближавшимся.

— Ну и намаялись мы нынче! — заявил Макшеев. — Видели и коров, и быков, стреляли, но добыли только теленка и тащим его уже часа три.

— И набрали интересную флору тундры, совершенно своеобразную, я бы даже сказал ископаемую, если бы не рвал ее сам! — добавил Громеко, за спиной которого болталась набитая ботаническая папка.

Закусывая и попивая чай, Макшеев и Громеко рассказывали о виденном.

— Километров десять по нашему пути шла та же тундра, но более сухая, чем здесь. Затем на ней растительность стала богаче, появились кусты и даже небольшие деревья...

— Полярная береза и полярная ива, но новых видов, а за-

тем и тощая лиственница, — добавил Громеко. — Попались и цветущие растения, частью совершенно незнакомые мне, частью описанные разными исследователями в качестве представителей послетретичной (ископаемой) флоры Канады.

— Мы дошли наконец до узкой, но очень глубокой речки, через которую не было брода, и направились вниз по ее течению. Деревья становились выше человеческого роста, кусты между ними образовали чащу, через которую трудно было пробираться. Вот тут-то мы и набрали на стадо быков, пришедших на водопой.

— Какого вида быков? — спросил Папочкин.

— Они походили скорее на диких яков, — поправил Громеко, — черных, с длинной шерстью, с огромными толстыми рогами и с горбом на спине.

— Такой вид имели быки, — продолжал Макшеев, — а другие, очевидно коровы, ростом были немного меньше и с рогами потоньше и покороче; кроме того там было несколько телят. Я надеялся встретить на тундре только болотную птицу и мелкого зверя, поэтому взял с собой дробовик.

— А я совсем не взял ружья!

— Ну вот и пришлось стрелять только в теленка крупной картечью, которая нашлась в патронташе. Стадо скрылось в чаще, а теленок свалился в речку, откуда мы его выловили и прикончили ножом.

— Теленок весил добрых пятьдесят килограммов, а тащить домой нужно было двенадцать километров. Поэтому мы, для облегчения ноши, выпотрошили его, хотя и знали, что Семен Семенович будет недоволен этим.

— Ну, он получил достаточное утешение! — засмеялся Каштанов. — Знаете ли вы, какой шашлык вы сейчас скушали?

— Какого-нибудь полярного зайца, что ли? Не знаю, есть ли такой вид?

— Не зайца, а носорога и даже ископаемого!

— Тьфу! Это вы значит нашли где-нибудь труп носорога в вечно мерзлой тундре и решили попробовать мясо, пролежавшее десятки тысяч лет? — удивился Громеко. — Если бы я знал, не стал бы есть. Меня теперь будет тошнить.

— Но шашлык был превкусный, немного жестковат только, — заявил Макшеев.

— И не удивительно, такое древнее мясо!

— А знаете ли вы, — спросил в свою очередь Папочкин, — что к ужину мы вас угостим вареным хоботом мамонта?

— Ну, это уже чорт знает что такое! — возмутился Громеко, — что вы, отравить нас хотите, что ли? Пробуете, как действует на желудок современного человека разная геологическая падаль!

Макшеев, который во время своих скитаний по Аляске и Чукотской земле отвык от брезгливости, сказал:

— Я читал, что хобот слона — лакомое блюдо; но хобот мамонта должен быть верхом совершенства.

— Нет, я не стану его есть! — сердился Громеко. — Я лучше поджарю себе телячью печенку, она по крайней мере свежая.

Насладившись удивлением своих товарищей, остальные наконец посвятили их в события этого дня, показали им труп носорога, хобот, хвост и клоч шерсти мамонта, и ботаник успокоился. Он принял даже участие в решении вопроса, как и с чем сварить пресловутый хобот, и вынул из кармана несколько головок дикого чеснока, который нашел недалеко от места встречи с быками.

— Эти овощи будут хорошей приправой к хоботу, — сказал он; — жаль, что их попало так мало.

За ужином решили пробыть на том же месте еще один день, чтобы сходить впятером к месту, где лежал убитый мамонт, и доставить к юрте запасы мяса и части, подлежащие сохранению.

— Теперь мы можем обсудить серьезно, куда и как нам двигаться дальше, — предложил после ужина Каштанов. — Наша разведка дала некоторый материал для этого. А во время разговоров поможем зоологу отпрепарировать черепа носорога и теленка, назначенные для сохранения. Кстати, Семен Семенович, к какому виду вы относите теленка?

— Если бы я не видел собственными глазами живого мамонта и сибирского носорога, — ответил зоолог, — я бы сказал,

что встреченные быки близки к современному яку Тибета. Но теперь я решаюсь думать, что это были первобытные быки, исчезнувшие с лица земли вместе с мамонтом и носорогом.

14

ПИСЬМО ТРУХАНОВА

При обсуждении вопроса о дальнейшем маршруте экспедиции все согласились, что Земля Нансена дала уже экспедиции не только много нового, но и много необъяснимого, и что необыкновенные факты множились с каждым днем движения вперед.

Экскурсии последнего дня показали, что впереди за тундрой начинаются леса, итти по которым с нартами и собаками было немислимо; следовательно приходилось оставить нарты, лыжи, часть груза и собак и итти дальше пешком, унося на себе необходимое.

Между тем было совершенно неизвестно, далеко ли тянутся эти леса и что предстоит встретить за ними. Наиболее вероятным казалось, что тепло, растения и животные ограничиваются дном глубокой впадины Земли Нансена и что дальше, на противоположном склоне ее, опять начнутся снега и льды; следовательно снова понадобятся нарты, лыжи и собаки.

В виду такой возможности целесообразным был и другой план дальнейшего движения: итти по тундре вдоль окраины льдов на нартах, чтобы обследовать таким образом окружность всей впадины, а в глубь последней делать экскурсии налегке. Но тогда середина последней, вероятно наиболее интересная в отношении флоры, фауны, а может быть и геологии, могла остаться неисследованной. Судя по тому, что с окраины льдов в глубь впадины стекали многочисленные речки, там должны были находиться обширные озера или одно большое озеро.

Каждый план имел свои достоинства и свои недостатки. На который же из них решиться? Боровой, Иголкин и Макшеев стояли за маршрут по окраине льдов, тогда как естествоиспы-

татели конечно предпочитали углубиться к центру впадины где ожидали найти больше материала по своей специальности.

Наконец можно было разделиться на две партии, направив одну с тяжелым багажем по окраине, другую налегке поперек впадины, с тем, чтобы встретиться на противоположной стороне. Но кто же мог знать, как далеко впадина простирается на восток и на запад и можно ли ее обогнуть? Не окажутся ли препятствия непреодолимыми и не будут ли поставлены обе партии или одна из них в безвыходное положение? Не приведет ли это разделение к гибели всей экспедиции?

Решение оказывалось, следовательно, очень трудным и могло быть чревато тяжелыми последствиями.

Взвесив все это, Каштанов сказал товарищам, спорившим еще с ожесточением, отстаивая каждый свое предложение:

— Вспомним, что у нас есть запечатанный пакет, данный нам организатором экспедиции на случай затруднительного положения. Его разрешено вскрыть, когда мы не будем понимать, где мы находимся и что делать дальше. Не полагаете ли вы, что этот момент наступил? За последнее время мы видели столько необъяснимого, необычайного, а теперь даже не знаем, куда направить наши дальнейшие шаги!

Об этом пакете Труханова все остальные забыли, и предложение Каштанова встретило всеобщее сочувствие. Пакет был извлечен из ящика, в котором хранились наиболее ценные инструменты и деньги. Каштанов распечатал его и прочел вслух:

Дорогие товарищи!

Минута, когда вы прочитаете эти строки, будет быть может очень тяжелой для вас, но я надеюсь, что ваши ожидания совета и разъяснения не будут обмануты мною.

Я должен сознаться, прежде всего, что вовлек вас в настолько рискованное и необыкновенное предприятие, что если бы вы знали, куда я приглашаю вас ехать, вы бы сочли меня безумным и отказались бы от экспедиции. Я уже сделал опыт — поделился своим планом с одним ученым и приглашал его организовать экспедицию на мои средства, но он категорически отказался и назвал меня беспочвенным фантазером.

Поэтому единственным способом создать экспедицию для проверки моих теоретических предположений являлось умолчание о ее конечной цели и задачах. Ее надлежало снарядить якобы ради изучения неизвестной еще площади арктической области. Ведь могло оказаться, что мои предположения действительно ошибочны и что экспедиция только и найдет острова или материк, скованные льдами, и, ограничившись их изучением, благополучно вернется назад. Мои затраты на нее и в этом случае не были бы напрасны, так как она доказала бы раз навсегда ошибочность моей гипотезы и вместе с тем уничтожила бы последнее большое белое пятно на карте арктической области.

Но перехожу к сути дела. Целый ряд наблюдений на обсерваториях Монблана и Мунку-Сардыка, изучение литературы, данных многих сейсмических станций и исследования над распределением и аномалиями силы тяжести привели меня к выводу, что ядро нашей планеты имеет совершенно не тот характер, который геологи и геофизики принимают до сих пор. Я убежден, что земля имеет более или менее обширную внутреннюю полость, пустоту, скорее всего с маленьким центральным светилом, возможно уже погасшим. Эта полость может сообщаться с поверхностью шара одним или двумя более или менее значительными отверстиями, дающими быть может возможность проникнуть на внутреннюю поверхность этого пустотелого шара.

Подтвердить или опровергнуть мои соображения могла только специальная экспедиция, отправленная на поиски одного из указанных отверстий, которые конечно нужно было искать в неизвестных еще пространствах обеих арктических областей. Для начала я выбрал северную область, как более доступную для русской экспедиции.

Если вам удалось найти отверстие, попытайтесь спуститься в него. Может быть вы уже спустились в него незаметно, полагая, что спускаетесь в глубокую впадину материка. Если да и если вы сохранили еще силы и средства для передвижения, попробуйте проникнуть глубже и исследовать, насколько возможно, эту внутреннюю полость земли, не рискуя только без надобности своей жизнью.

Если эта задача почему-либо окажется непосильной, вернитесь назад, так как уже одно констатирование входа во внутреннюю полость земли явится громадным открытием, а исследование полости может быть поручено новой экспедиции, снаряженной на основании приобретенного опыта. Как истинные ученые вы, я уверен, будете рваться вперед, когда очутитесь на пороге великих

и чудесных открытий. Но прошу вас, обсудите тщательно положение, взвесьте все за и против и поступайте наиболее разумно, чтобы не рисковать потерей уже достигнутого.

Может быть, вы разделитесь на две партии, из которых одна пойдет в глубь полости, а другая останется у входа, чтобы затем идти на выручку первой или доставить науке весть о чудесном открытии.

Я глубоко скорблю, что судьба лишила меня возможности разделить ваши труды, лишения и открытия и что я вынужден ограничиться этим письмом. Если оно ничего не разъяснило вам, не считайтесь с ним. Во всяком случае желаю вам от души всяких успехов.

Н. И. ТРУХАНОВ.

«Полярная Звезда».
14 июня 1914 года.

15

СТРАНА ВЕЧНОГО СВЕТА

С возрастающим интересом и изумлением все члены экспедиции слушали чтение письма ее организатора. Когда Каштанов кончил, на некоторое время воцарилось молчание. Все обдумывали слышанное и старались применить его к объяснению всех странных фактов и явлений, наблюдавшихся в последние дни.

— Теперь у меня в голове прояснилось, — со вздохом облегчения сказал Боровой. — Я понимаю и это солнце в зените, и тепло, и мамонта с носорогом, и вечные туманы, и фокусы компаса. Только шалости барометра не могу еще объяснить себе как следует.

— Да, почти все понятно! — подтвердил Каштанов. — Я думаю, что спуск в отверстие земного шара начался с перевала через хребет Русский. Ледяной вал очевидно представляет самый край, место перегиба, миновав который, мы очутились уже во внутренней полости и пошли вместо севера на юг, как правильно показал компас, хотя направления пути мы не изменяли. Затем мы поднимались и перевалили через плоский ледяной хребет, спустились с него и очутились в тундре вблизи оконеч-

ности льдов, которые образуются из зимних снегов, наносимых в глубь полости. Мамонт, носорог, первобытный бык сохранились здесь благодаря равномерной, благоприятной для них температуре и отсутствию истребителя — человека. . .

— Да, мы только что вступили в эту внутреннюю полость и уже истребили трех обитателей ее, — заметил Громеко.

— Солнце, которое мы видим постоянно в зените, это очевидно настоящее маленькое ядро земного шара, находящееся еще в раскаленном состоянии и дающее свет и тепло внутренней поверхности толстой и совершенно отвердевшей оболочки, наружную сторону которой мы до сих пор только и знали. Теперь, благодаря трудам и жертвам Труханова, мы можем познакомиться хоть отчасти с этой внутренней поверхностью, которая представит нам несомненно чрезвычайно много интересного и неожиданного. Ведь на первых же шагах мы уже встретили представителей флоры и фауны, давно исчезнувших на наружной стороне.

— Нам следует окрестить эту новооткрытую страну, а то будем все говорить «внутренняя поверхность» да «внутренняя поверхность». Это ведь уже не Земля Нансена! — заявил Макшеев.

— Да, она слишком обширна и от Земли Нансена отделена поясом льдов. Как же мы ее назовем? — спросил Громеко.

— В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о божестве огня, таящемся под землей. Я предлагаю назвать светило Плутоном, а страну — Плутонией, — предложил Каштанов.

Были предложены еще другие названия, но после некоторого спора все согласились, что Плутония — наиболее подходящее.

— Теперь важный вопрос: удовольствуемся ли мы тем, что не только открыли отверстие, но и спустились в глубь его и осмотрели кусочек Плутонии? Не повернем ли назад к «Полярной Звезде», чтобы сообщить Труханову о блестящем подтверждении его выводов? Или же мы попытаемся проникнуть в глубь страны вечного света?

— Конечно идем вперед! Вперед, пока есть силы и средства! У нас еще много времени! — послышались возгласы.

— И я так думаю, — продолжал Каштанов, — но как мы организуем дальнейшее исследование Плутонии?

— Я полагаю, — сказал Боровой, — что дальше вглубь, вдали от снегов и льдов, являющихся результатом проникновения холода и осадков с наружной стороны земли, температура будет выше. Нарты, лыжи и собаки будут для нас только обузой и их нужно оставить здесь.

— Одних собак оставить нельзя. Значит нужно последовать совету Труханова и отделить часть членов экспедиции — не менее двух человек, потому что кто же решится остаться в одиночестве надолго? Эти двое с собаками, нартами, лыжами и прочим лишним грузом будут ждать здесь, производить наблюдения на тундре и на краю льдов. А если остальные не вернутся к определенному сроку, они направятся назад на одной нарте, чтобы доставить на «Полярную Звезду» отчет об открытиях и быть проводниками новой экспедиции, посланной для поисков пропавшей партии и для дальнейшего исследования Плутонии.

— Ну, а как же пойдут через льды эти пропавшие, если они вернутся немного позже назначенного срока? — спросил Макшеев.

— Две нарты, лыжи и склад провизии должны быть оставлены на месте, на случай, о котором вы говорите. Запоздавшим придется идти без собак, тащить самим нарты, что не будет так затруднительно, потому что склады провизии, оставленные по всему пути, позволят сделать груз нарт минимальным.

Все согласились, что этот план наиболее целесообразен, но никому не хотелось остаться в тундре, так сказать, у порога таинственной страны. Приходилось решать вопрос, кто из членов экспедиции более необходим для путешествия вглубь, — таковыми явились прежде всего зоолог, ботаник и геолог, которым в тундре было мало работы; следовательно Каштанов, Папочкин и Громеко должны были ехать. С другой стороны — Иголкин, единственный не ученый член экспедиции, главной

обязанностью которого был уход за собаками, естественно осуждался на сиденье в тундре. Таким образом оставались еще Боровой и Макшеев, один из которых мог ехать.

Так как каждый из них великодушно уступал другому участие в поездке, соглашаясь остаться, то пришлось бросить жребий. Боровому достался билетик со словом «сидеть», а Макшееву — «ехать».

Обсуждение вопроса об организации партии, отправлявшейся в глубь Плутонии, заняло не мало времени. Нужно было выбрать способ передвижения партии и, в зависимости от этого, решить, что брать с собой. Даже отказавшись совершенно от консервов и рассчитывая добывать себе пропитание исключительно охотой, каждому из путешественников пришлось бы нести на себе порядочный груз, а на торные дороги конечно нельзя было рассчитывать.

— А что если мы возьмем часть собак и навьючим на них груз, хотя бедняжки к этому не приучены и в теплой стране будут чувствовать себя плохо, — сказал Громеко.

— Это проект мало выполнимый, — заметил Макшеев. — Мы рискуем лишиться этих животных, необходимых для обратного пути через льды. Я предложил бы воспользоваться силой более послушной и могучей, которая понесет не только наши вещи, но и нас самих.

— Какая же это сила? — воскликнули остальные.

— Сила воды. Глубокая речка, которую мы встретили сегодня и не могли пройти, течет ведь на юг, куда и нам нужно идти. А в нашем багаже есть две маленькие складные лодки, взятые для переправы через полыньи при путешествии по льдам. Мы о них совсем забыли, потому что они до сих пор не понадобились. Каждая вмещает двух человек; сядем и поплывем. А когда начнутся леса, устроим плот, если лодки будут слишком нагружены, и будем плыть, пока река будет нести нас.

— Превосходный план! — воскликнул Каштанов.

— И легко и удобно! Плыви да посматривай по сторонам и записывай, — восторгался Папочкин.

— Но только наш кругозор будет ограничен берегами реки.

наверно густо покрытыми растительностью, мы будем плыть в зеленом коридоре и ничего не увидим! — сказал Громеко.

— А кто же мешает нам останавливаться, выходить на берег, делать экскурсии, где будет интересно или нужно? Ночевать ведь тоже будем на берегу, — пояснил Макшеев.

— И эти экскурсии будем делать налегке, со свежими силами, без груза за спиной, будем свободнее! — сказал Папочкин.

— Лодка и плот позволят нам меньше стесняться в сборе коллекций. Нести все свои сборы на спине и каждый день увеличивать этот груз было бы не очень легко, — отметил Каштанов.

— Наконец лодка обеспечит нам большую безопасность от всяких зверей и гадов, живущих в лесах и болотах. Неизвестно, какие еще сюрпризы готовит нам эта таинственная страна, в глубь которой мы направляемся! — заявил Громеко.

— Словом, вы дали нам прекрасный совет, Яков Григорьевич, и заслужили общую благодарность, — заключил Каштанов. — Поэтому я предлагаю назвать реку, по которой мы поплывем, вашим именем. А теперь я бы предложил залечь в наши мешки или на них, потому что тепло, а завтра сделать экскурсию к мамонту и привезти на нартах шкуру, бивни и запас мяса сюда.

— Ведь мы же хотели перенести весь стан к мамонту? — напомнил Папочкин.

— Едва ли это будет лучше. Речка, по которой мы поплывем, течет в противоположной стороне, и удаляться от нее нет смысла. Кроме того этот холм, на котором мы расположились, имеет много достоинств: он сухой, виден издалика, отдален от края леса с разным зверьем, близок к льдам, обдувается ветром, что для собак имеет большое значение, когда станет еще теплее. С него видно далеко, так что легко заметить приближение каких-нибудь врагов.

— И он удобен для метеорологических и других наблюдений, — прибавил Боровой. — Мы здесь устроим настоящую станцию, и я надеюсь, что мои барометры начнут показывать изменение атмосферного давления.

НЕПРОШЕННЫЕ МОГИЛЬЩИКИ

Часы показывали уже десять вечера, когда беседа наконец прервалась, и все расположились на своих мешках и заснули.

Утром за завтраком обсуждали вопрос, кому идти к мамонту, и стоит ли вообще ходить к нему, не лучше ли заняться приготовлениями к отъезду?

— Если бы мы были уверены, что встретим еще мамонтов, то не стоило бы идти к этому; он уже описан и сфотографирован. Но так как вскоре начнется лес, то возможно, что мы их больше не увидим, если они живут только в тундре вдоль окраины льдов, — сказал Каштанов.

Таким образом, поездка к мамонту была решена, и в ней приняли участие четверо людей с тремя нартами и собаками. При юрте остались Громеко, который хотел еще набрать перед отъездом весеннюю флору тундры вокруг холма, и Каштанов, собиравшийся раскопать склон этого холма, чтобы определить его состав. Этот одинокий холм среди тундры казался ему странным.

Партия отправилась под предводительством Папочкина, знавшего дорогу к месту охоты. По дороге застрелили несколько болотных птиц, бродивших по тундре вблизи речки, и очень странного зайца, похожего скорее на огромного тушканчика и доставившего зоологу большую радость.

Туша мамонта виднелась издали подобно небольшому холму на ровной тундре. Когда приблизились к ней, Иголкин, обладавший более острым зрением, предупредил остальных, что вокруг трупа суетятся какие-то серые звери.

Оставив нарты на некотором расстоянии, охотники осторожно приближались к туше и вдруг остановились изумленные — суетившиеся звери исчезли, словно провалились в землю.

— Эге-ге! — воскликнул Папочкин, когда все подошли наконец к мамонту. — Смотрите-ка, тут кто-то похозяйничал со вчерашнего дня.

Казалось, что вокруг мамонта поработали огромные кроты:

кучи земли с корнями кустов, вышиной в метр, были навалены вокруг туши, и задняя половина последней лежала в яме, почти не поднимаясь уже над поверхностью тундры.

— Кто бы это мог быть? — гадали охотники.

— Какие-то опытные могильщики! Мне кажется, что они собирались закопать всю тушу в землю, может быть, чтобы скрыть ее от волков или как запас пищи, — заметил Макшеев.

Иголкин привел одну из собак, которая, понюхав разрытую землю, вдруг бросилась под брюхо мамонта и вытащила оттуда за ногу какого-то странного зверька, отчаянно отбивавшегося короткими лапами и хрюкавшего по-пороссячьи. Его прикончили ножом, отняли у собаки и начали рассматривать. Оказалось, что он очень напоминал барсука и по форме тела, и по окраске. Дальнейшие поиски обнаружили еще несколько подобных животных, притаившихся под тушей, которую они действительно намеревались закопать в землю, чтобы затем постепенно пожирать ее.

Работа этих непрошенных могильщиков сделала снятие шкуры со всего мамонта невозможным и пришлось ограничиться только левой половиной тела. Затем исследовали внутренности, отрезали переднюю и заднюю ногу, вырубili один бивень, вынули глаз, половину мозга, язык и два зуба. Собак накормили на месте досыта. Несколько крупных кусков мяса от бедра и филе были также положены на нарты, после чего партия потащила потихоньку назад. Могильщик, заяц и птицы составили зоологическую добычу этого дня, которым Папочкин мог быть вполне удовлетворен.

— Пусть могильщики закапывают остальное, — пошутил Боровой. — Когда у нас нехватит мяса для собак, мы еще раз приедем сюда с Иголкиным за провизией. А может быть сделаем это и раньше, пока мясо не протухло.

— Тогда захватите с собой и череп, — попросил Папочкин. — Могильщики его, я думаю, хорошо очистят.

Приблизившись к юрте, охотники увидели, что Каштанов и Громеко заняты какой-то странной работой. Они вытаскивали из ямы, вырытой на склоне холма, глыбы какого-то белого камня и складывали их в кучу.

— Этот холм оказался настоящим кладом для нашей экспедиции, — объяснил Каштанов подошедшим товарищам. — Для исследования его состава я вырыл яму в полтора метра и на этой глубине наткнулся на сплошной чистый лед; в другом месте оказалось то же самое. Тогда мне пришла мысль вырыть в глубине холма камеру во льду, которая послужит прекрасным ледником для хранения провизии и шкур. Ведь мамонты или носороги не каждый день будут прибегать к нам на ужин!

— Неужели весь холм ледяной и только сверху покрыт землей? — спросил Боровой.

— Думаю, что так! На севере Сибири попадаются такие ископаемые ледники. Это или большой зимний сугроб, случайно уцелевший, или часть отодвинувшейся назад ледяной массы. Она покрылась постепенно илом и песком ручьев, стекавших с ледника, а потому и сохранилась.

Это открытие Каштанова оказалось чрезвычайно ценным для партии, оставшейся на месте и получившей под самым своим жильем прекрасное хранилище для провизии.

— Мы устроим потом настоящую дверь и большую камеру в глубине, — заявил Боровой.

— А кроме того, вырою в другой части холма вторую пещеру во льду и будем держать там собак, когда станет очень жарко, чтобы они не взбесились, — прибавил Иголкин.

Разгрузив нарты, все стали помогать Каштанову и Громеко устроить помещение, достаточное для хранения всех привезенных частей мамонта и остатков туши носорога. Когда оно было окончено и наполнено, вход в него заложили глыбами льда и загородили лыжами и нартами, чтобы собаки не могли добраться до провизии.

На следующее утро занялись приготовлениями к отъезду. Рассортировали весь багаж. Консервы, спирт, юколу поместили в ледник, нагрузили нарты лодками и снаряжением, необходимым для путешествия в глубь Плутонии. Пообедали в последний раз вместе и двинулись к речке Макшеева, простившись с Боровым, который остался караулить юрту и склад. Иголкин с нартами должен был вернуться к вечеру назад. В плаванье решили взять одну собаку в качестве караульщика;

выбрали Генерала. Его обстригли, чтобы он меньше страдал от жары, и пушистый пес получил такой курьезный вид, что никто не мог удержаться от смеха. На голове у него был оставлен чуб, на верхней части ног — бахрома и на кончике хвоста — кисточка. Макшеев, который его стриг, заявил, что эти украшения оставляются для того, чтобы собака своим странным видом пугала хищников, с которыми придется встречаться.

Достигнув берега речки, которая имела до шести метров ширины и от одного до двух метров глубины, спустили лодку в воду и уселись в каждую по два: один — на руле, другой — на веслах. Генерал занял место на носу передней лодки, в которой поместились Макшеев и Громеко. Смешная морда Генерала с большими торчащими ушами и чубом между ними поднималась над бортом.

Иголкин оставался на берегу, пока обе лодки, быстро скользившие вниз по течению, не исчезли вдали. На юрте, которая чуть виднелась на горизонте, Боровой поднял белый флаг. Экспедиция, дружно несшая до сих пор все труды, разделилась, и четыре ее участника поплыли в глубь таинственной страны. Вернутся ли они назад, и если вернутся, то когда, все ли и как?

17

ВНИЗ ПО РЕКЕ МАКШЕЕВА

Быстро скользили обе лодки вниз по темной воде, спешившей с легкими всплесками на юг, между низкими берегами, с которых свешивались кустики полярной ивы, покрытые свежими листочками. По берегам в обе стороны расстилалась та же ровная тундра с приземистым кустарником и попрежнему дул попутный ветер, который путешественники теперь правильно определили как северный, стремившийся со льдов холодного отверстия, с наружной поверхности планеты в ее внутреннюю, теплую полость. Попрежнему туман клубился, то скрывая, то открывая красноватое светило, стоявшее непод-

вижно в зените. Температура достигала $+12^{\circ}$, и туман изредка разрежался мелким дождиком, впрочем быстро прекращавшимся.

Лодки плыли со скоростью до восьми километров в час. Сидевшие на руле вели съемку, замечая направление всех извилин речки. Проплыв двадцать пять километров, остановились на ночлег.

Небольшая экскурсия по берегу показала, что на тундре кусты поднимались выше, и кое-где к ним примешивалась низкорослая лиственница, образуя вместе с ивой и березой небольшие, но очень густые рощицы. Среди кустов были протоптаны узкие тропинки, приводившие к берегу реки и очевидно служившие разным животным для ходьбы на водопой.

Ночь провели впервые в палатке и без спальных мешков.

— Этот вечный свет, — сказал Макшеев, укладываясь спать, — совершенно нарушает наши привычки и представления. Говоришь — утро, полдень, вечер, глядя на свои часы, а солнце все время стоит в зените и греет одинаково, словно издеваясь над нашей терминологией.

Ночь или время отдыха прошло спокойно.

За второй день проплыли полсотни километров и остановились рано, чтобы сделать более продолжительную экскурсию в сторону от речки. Берега ее были покрыты уже более высокими кустами и отдельными деревьями, образовавшими зеленые стены, совершенно ограничивавшие кругозор путешественников.

После обеда Громеко остался у палатки собирать растения, Макшеев с Генералом отправился на запад, а Каштанов и Палочкин на восток, пользуясь звериными тропами, проложенными через чащу кустов, превышавших уже рост человека. Местами на почве видны были следы различных животных, среди которых зоолог узнал следы мамонта, носорога, крупных и мелких двукопытных, один вид однокопытных. Иногда попадались отпечатки мягких лап хищников различной величины. При взгляде на некоторые из них оба исследователя почувствовали, как у них по спине прошел холодок. Эти следы имели около двадцати сантиметров в длину, а когти, которыми

сканчивались пальцы, вдавились в землю на четыре сантиметра. По форме следа зоолог решил, что он принадлежит медведю огромной величины.

— Это вероятно пещерный медведь, современник мамонта, — заметил Каштанов. — Он крупнее всех известных нам представителей этого семейства.

— А он не охотится на пещерных людей? — спросил Папочкин.

— Кости, когти и зубы этого медведя, обработанные пещерным человеком, иногда попадались, — ответил геолог. — Но я не знаю, попадались ли кости и черепа этого человека, обработанные медведем!

— Во всяком случае с ним лучше не встречаться!

— С таким интересным зверем да не встречаться?! Наши предки, вооруженные только дубинами и каменными топорами, одолевали его, а мы, обладая современными ружьями и разрывными пулями, будем его бояться? Это было бы позорно!..

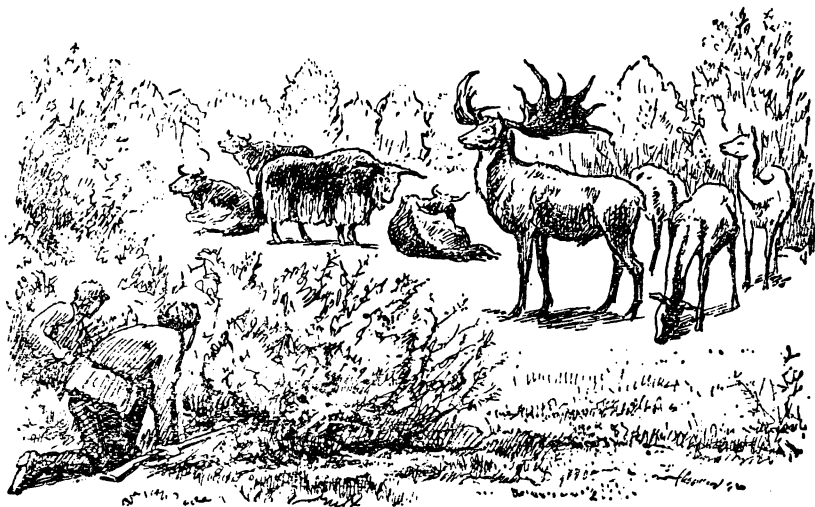
В стороне от реки исследователи вышли на обширную поляну, поросшую густой, но низкой травой, среди которой пестрели различные цветы.

Остановившись среди кустов на опушке, путешественники увидели, что на поляне пасутся порознь и стадами различные млекопитающие, среди которых сразу можно было различить породы, исчезнувшие на поверхности земли: здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполнинские олени с рогами соответствующих размеров, дикие лошади небольшого роста с косматой шерстью, скудным хвостом и короткой гривой. Пара носорогов уткнулись головами в кусты, а несколько мамонтов стояли небольшой группой и в такт размахивали головами и хоботами, вероятно отгоняя докучливых насекомых. Последних, именно комаров, слепней и оводов, появилось уже довольно много.

Насмотревшись на мирную картину пастбища «живых окаменелостей», Каштанов и Папочкин решили подойти ближе, чтобы сфотографировать некоторых животных. Вдоль опушки они подкрались ползком сначала к группе быков, затем к двум носорогам, которые были сняты в тот момент, когда они играли,

неуклюже прыгая друг на друга. Носороги скрещивали свои рога, словно исполинские сабли, вытаптывали траву своими тумбообразными ногами и взрывали почву.

На очереди были мамонты, стоявшие ближе к центру поляны. Но, прежде чем охотники успели подкрасться к ним достаточно близко, в противоположном конце поляны, где паслись олени, произошло замешательство: животные внезапно подняли головы, прислушались и сразу пустились бежать, оче-

Здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполинские олени с рогами соответствующих размеров.

видно испуганные каким-то невидимым, но несомненно страшным врагом. Олени пробежали мимо мамонтов, которые в свою очередь встревожились и побежали тяжелой рысью, подняв хоботы. И олени и мамонты бежали прямо в сторону притаившихся охотников.

— Когда олени будут шагах в ста от нас, стреляйте в переднего, — быстро проговорил Каштанов. — Я сфотографирую их, когда они остановятся на мгновение, а затем также выстрелю, не то нас могут растоптать.

Папочкин приготовил ружье и, когда передовой громадный олень с высоко поднятой головой и тревожно раздутыми но-

здрыми подбежал достаточно близко, раздался выстрел. Пораженный в грудь, олень с размаха упал на колени, а остальные, напирая друг на друга, остановились кучей, вытянув головы.

В это время Каштанов успел снять эту интересную группу, передал аппарат зоологу и в свою очередь выстрелил в другого оленя, повернувшегося к нему левым боком. Животное сделало прыжок вперед и рухнуло на землю, остальные круто повернули вправо и побежали вдоль опушки.

Мамонты, бежавшие позади оленей, в это время приблизились и остановились перед обеими жертвами охотников. Папочкин успел за это время зарядить оба ружья, а Каштанов сфотографировал группу мамонтов.

— Стрелять, что ли? — спросил зоолог дрожащим от волнения голосом.

— Зачем? Запас мяса у нас теперь достаточный, а мамонта мы уже изучили в тундре. Будем стрелять только в том случае, если они бросятся на нас.

Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом. Их было шесть, в том числе два подростка с небольшими бивнями и более короткой шерстью. Они скоро успокоились и начали играть друг с другом и резвиться вокруг старых, издававших время от времени тревожный рев. Наконец старый самец повернул вправо, и все стадо последовало за ним вдоль опушки поляны, на которой остались еще только два носорога.

— Кто же напугал мирных травоядных? — спросил Каштанов. — Уж не пещерный ли медведь?

— Или какое-нибудь еще более страшное ископаемое животное из вашего палеонтологического зверинца!

— Кто знает! Но нам, я думаю, лучше не идти в тот конец поляны, потому что зверь может броситься на нас так внезапно из чащи, что мы не успеем даже выстрелить.

— Ну, тогда займемся оленями, их нужно обмерить, освежевать и тащить к лодкам.

Олени, застреленные охотниками, принадлежали к исполинскому виду, исчезнувшему на поверхности земли, где он также

был современником мамонта, первобытного быка, пещерного медведя.

Сняв обе шкуры, охотники отрубили задние ноги меньшего оленя и потащились, тяжело нагруженные, к речке, рассчитывая еще раз вернуться за мясом, если их товарищи окажутся менее счастливыми и если неизвестный хищник, бродивший наверное вблизи поляны, оставит им еще что-нибудь.

18

ОХОТА НА ОХОТНИКА

На месте стоянки они застали Громеко, дожидавшегося их прихода с нетерпением. Он обошел окрестности стоянки, набрал растений, ощипал и поставил вариться к ужину гуся, застреленного утром. Внезапно прибежал Генерал, один, без спутника. На шее собаки оказалась записочка, привязанная бечевкой и посланная Макшеевым, который писал: *«Я застрелил крупного хищника, которого не в силах притащить к палатке. Нужно, чтобы Семен Семенович пришел ко мне осмотреть добычу на месте. Генерал знает дорогу, а на всякий случай прилагаю свой маршрут»*.

На обороте был набросан карандашом путь, пройденный охотником, с указанием направлений и расстояний в шагах.

Отдохнув немного, Папочкин и Громеко отправились искать Макшеева. Генерал вел их хорошо, но на разветвлениях тропы нередко останавливался в нерешительности, и в этом случае выручала записка, на которой все перекрестки были обозначены. Охотники шли быстро в течение получаса и уже были недалеко от места, где находился их товарищ, когда оттуда раздались один за другим два выстрела. Генерал с громким лаем бросился вперед, охотники поспешили за ним, опасаясь, что Макшееву грозит опасность.

Вскоре они достигли большой поляны, среди которой возвышалась группа кустов и деревьев. Возле нее они заметили желтоватую массу, над которой виднелась голова Макшеева; впереди же на поляне бегало более десятка красно-бурых зве-

рей, в которых не трудно было узнать волков. Генерал остановился на краю поляны, не решаясь нападать при таком явном неравенстве сил.

Заметив вышедших на поляну охотников, волки начали отходить в сторону, а Макшеев крикнул:

— Пустите в них пару зарядов картечи, если у вас двустволка, мне жаль тратить разрывные пули.

Громеко поспешно зарядил картечью свою двустволку и пустил один за другим два выстрела в стаю. Волки побежали к кустам, преследуемые Генералом, который по пути прикончил одного из упавших. Охотники подошли к Макшееву и услышали следующий рассказ:

— Достигнув этой поляны, я остановился на опушке, потому что собака стала ворчать и вздрагивать. На поляне я заметил позади этой рощицы несколько пасшихся оленей и решил поохотиться за ними, потому что подобных зверей мы еще не добывали. Я начал подкрадываться по кустам вдоль опушки и вдруг, поравнявшись с рощицей, заметил крупного желтого зверя, также подстерегавшего оленей, — он подбирался к ним из-за рощицы. . . Я подумал, что эта дичь еще интереснее оленей, и начал уже следить за ней, спрятавшись в кустах на расстоянии всего сотни шагов. Желтый зверь, увлеченный выслеживанием оленей, не замечал меня или же не удостоил своим вниманием двуногое существо, впервые попавшееся ему на глаза. Подкравшись к самой рощице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая себе жертву через кусты, которые отделяли его от мирно пасшихся и ничего не подозревавших оленей. Теперь я увидел на светлых боках хищника темные полосы и узнал в нем крупного тигра. Он стоял ко мне левым боком в великолепной позе, и я поторопился выстрелить в него разрывной пулей, которая уложила его на месте.

— Олени, испуганные выстрелом, помчались мимо рощицы, увидели бившегося еще тигра и круто повернули от него прямо на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Это были великолепные животные — один старый самец с огромными рогами, несколько коров и телят.

— Сначала я хотел ободрить тигра сам, но, рассмотрев его, убедился, что он принадлежит к какой-то необычайной породе, вероятно также вымершей там, наверху. Поэтому я подумал, что лучше вызвать зоолога. Хотел было идти сам, но боялся, что какой-нибудь хищник увидит труп и попортит шкуру. Вот почему я догадался послать Генерала, который великолепно исполнил поручение. И хорошо, что я не ушел с поляны, потому что вскоре послышался вой волка одного, другого, и постепенно на поляне собрался целый десяток. Видя меня возле мертвого зверя, они сначала боялись приблизиться, но потом обнаглели так, что я вынужден был потратить на них пару зарядов.

Зверь, убитый Макшеевым, имел бело-желтую шерсть с темнотой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках, которые и придавали ему внешнее сходство с тигром; но форма головы и тела, короткий хвост и устройство лап заставили зоолога воскликнуть:

— Это не тигр, а какой-то медведь!

Макшеев был несколько разочарован, но, осмотрев зверя внимательнее, должен был согласиться, что только бурые полосы составляли его сходство с самым свирепым представителем кошачьего семейства, а все остальные признаки указывали на медведя.

— Вероятно это пещерный медведь, современник мамонта, который до сих пор известен только по частям скелета, — пояснил Папочкин. — Это гораздо интереснее простого тигра.

После обмера, с зверя сняли шкуру и унесли ее с собой, а также череп и заднюю ногу.

Ужин в этот день был отменный: похлебка из гуся с диким луком, шашлык из оленины и ломтики медвежатины. Впрочем последние, из-за резкого запаха, не всем понравились.

В этот день туман был уже менее густой, и Плутон светил через тонкую дымку паров, изредка только совершенно заволакиваясь; температура держалась $+13^{\circ}$, ветер был немного слабее.

— Я думаю, — заметил Громеко, — что через день-другой тумана не будет, и мы увидим наконец цвет неба Плутонии.

Время отдыха нарушалось только отдаленным воем волков, вероятно пировавших на полянах над трупами оленей, медведя и собственных товарищей. На эти отдаленные звуки даже Генерал не обращал внимания, лежа у входа в палатку, где дымокур спасал его от назойливых насекомых.

Затем поплыли дальше. Речка сделалась шире и глубже; тяжело нагруженные лодки уже не рисковали задеть кормой за берег или уткнуться в него носом при крутых поворотах русла.

Берега были покрыты сплошной стеной разнообразных кустарников, достигавших уже четырех метров вышины: несколько пород ивы, верба, черемуха, боярышник, шиповник — тесно переплетались друг с другом, а над ними местами поднимались вершины белых берез и лиственниц. Термометр показывал $+14^{\circ}$, туман только изредка застилал все небо, а большей частью плыл на порядочной высоте подобно большим, но редким и бесформенным облакам, сквозь которые сильно просвечивал красноватый Плутон.

— Туман вероятно скоро кончится, — сказал Макшеев, взявший на себя ведение метеорологических наблюдений. — Но кончатся ли эти зеленые стены, кроме которых мы с лодки не видим ровно ничего?

— Если бы мы тащились тяжело нагруженные по чаще леса, то видели бы немногим больше, а быстрота движения была бы несравненно меньше! — заметил Громеко, который как ботаник всего больше интересовался этими зелеными стенами.

Во время обеденной стоянки на маленькой чистой площадке Каштанов и Громеко отправились в короткую экскурсию в лес, Папочкин занялся ловлей рыбы, а Макшеев полез на дерево, возвышавшееся немного над остальными. Вернувшись, он сказал зоологу:

— Скоро местность переменится. Вдали видны плоские высоты с обширными безлесными полянами, и наша речка бежит прямо к ним.

— А вблизи что видно?

— Вблизи только сплошной лес во все стороны, море зелени без полян.

— Наши товарищи очевидно скоро вернутся, если везде такая чаща.

Через час ушедшие вернулись почти ни с чем; они шли все время по тропе между зелеными стенами, набрали немного растений, видели мелких птиц, слышали разные шорохи в чаще, но полян не встретили. Зоолог, оставшийся у речки, оказался более счастливым: на удочку попалось несколько крупных рыб, похожих на сибирского муксуна, и огромная зеленая лягушка, достигавшая тридцати сантиметров в длину.

Отдохнув, поплыли дальше. Часа через два на правом берегу речки показался довольно высокий холм, потом другой, третий; но они были еще покрыты сплошным лесом, состоявшим уже из деревьев умеренного пояса: липы, клена, вяза, бука, ясеня, дуба; в долинах между холмами темнели ели и пихты. Ветви деревьев, оплетенные плющом, хмелем, диким виноградом, вьюнками, местами свешивались над водой. В зеленой чаще щебетали и пели птицы; по временам замечали белок и бурундуков, прыгавших с ветки на ветку.

— Во время вечерней экскурсии мы сегодня увидим кое-что новое, — заметил Громеко. — Растительность изменилась и свидетельствует о более теплом климате этих мест.

— Несомненно! — сказал зоолог. — Вчера я чувствовал себя еще на севере Сибири, а сегодня природа напоминает мне мои родные места — юг России.

— Не наткнемся ли мы сегодня уже на настоящих тигров? — предположил Макшеев.

— Пожалуй правильное будет не делиться на партии, а идти всем вместе, чтобы лучше отражать опасности, — предложил Каштанов.

Холмы постепенно становились выше, так что их можно было назвать даже горками; их северные склоны были покрыты густым лиственным лесом, тогда как южные представляли поляны с отдельными деревьями и кустами; кое-где как будто виднелись скалы, возбуждившие громадный интерес геолога.

— Ну, сегодня и геология получит кое-что! — воскликнул Макшеев.

— Давно пора; мой молоток соскучился по работе. Ведь единственный холм в тундре обманул его ожидания! — смеялся Каштанов.

— А потому остановимся на ночлег, — предложил Громеко, — мы сегодня проплыли около ста километров.

19

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Место стоянки выбрали близ подножия высокого холма, отделенного от правого берега реки неширокой полосой высокоствольного леса. Подкрепившись чаем и закуской, отправились вчетвером к холму. У палатки оставили Генерала, привязанного на длинной веревке к дереву. Через лес нашли тропу, вне которой чаща подлеска была так густа, что без топора нельзя было бы подвинуться ни на шаг — разнообразные кусты и выющиеся растения сплетались в сплошную зеленую массу, окаймлявшую тропу с обеих сторон. Через зеленый свод над головами пробивались только отдельные лучи красноватого света.

Охотники подвигались друг за другом молча, с ружьями наготове, посматривая то вперед, то вверх на деревья, где могли внезапно показаться интересная добыча или опасный враг. Но кроме мелких птиц и белок, не видно было никого.

До склона холма дошли без помехи и начали подниматься на него. Трава оказалась не выше колен, и Громеко, отставая от прочих, увлекся сбором растений.

Пока зоолог осматривал и описывал убитую им большую змею, Каштанов с трудом отбил образчик породы. Это была какая-то странная, очень вязкая порода желто-зеленого цвета с мелкими вкраплениями серебристо-белого металла; рассмотрев ее в лупу, геолог воскликнул с удивлением:

— Знаете ли из чего состоят эти скалы? Они имеют такой же состав, как и аэролиты из ряда мезосидеритов, полужелезных, с оливиновой основной массой и включением никелевого железа.

— Что это значит? — спросил Макшеев.

— А это значит, что гипотезы геологов о составе более глубоких частей земной коры оправдываются. Мы очевидно находимся в пределах так называемого оливинового пояса — пояса тяжелых каменных пород, богатых железом и по составу оказывающихся тождественными с каменными метеоритами, которые падают на нашу землю из межпланетного пространства, представляя осколки мелких планет. Нужно думать, что мы встретим еще сплошные металлические горные породы.

Когда подошел Громеко, набравший целый сноп разных растений, стали подыматься выше по склону, осторожно ступая по траве, в которой могли скрываться ядовитые пресмыкающиеся. Иногда по сторонам действительно слышалось шуршание, удалявшееся от путешественников, которые не имели желания преследовать беглецов.

На вершине холма тянулась скалистая гряда — и на скалах грелись на солнце многочисленные крупные ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами, до того похожие на выступы камня, что Каштанов даже схватил одну из них рукой, но поплатился болью укушенного пальца. После этого он сначала пробовал молотком все подобные выступы, боясь ошибиться еще раз.

Северный склон холма, обращенный в сторону влажных ветров, был покрыт густым лесом, проникнуть в глубь которого без топора было трудно. Южный склон, осмотренный охотниками, представлял луг с отдельными деревьями. С вершины холма можно было обозреть местность на далекое расстояние: на юг, восток и запад уходили подобные же или более высокие холмы до горизонта, на север же они понижались и разбегались, и в этой стороне, вдали, на равнине видна была сплошная полоса лесов, местами только разорванных серебристыми лентами рек.

Охотники сидели на вершине холма, рассматривая даль, когда из леса, оканчивавшегося на северном склоне в нескольких метрах ниже гребня, показалось стадо диких свиней. Передний кабан, с высокой щетиной вдоль хребта, с громадными белыми клыками, остановился и поднял голову с злобно свер-

кавшими глазками; его пяточок вытягивался и втягивался, нюхая воздух. За ним столпились свиньи и поросята разного возраста. Эти многокопытные по внешности отличались от знакомых зоологу диких свиней разве только более крупными размерами.

— Ну вот и ужин сам пришел к нам! — сказал Макшеев. — Я думаю, что дикий поросенок на вертеле должен быть вкусным.

— Особенной нужды в мясе нет, — ответил Громеко, заведывавший провизией. — У нас есть еще оленина.

— Но иметь запас не мешает, охота не всегда бывает удачна.

— А вы знаете, что стрелять свиней не безопасно, — предупредил Папочкин, — разъяренный кабан — страшный противник.

— Поднимемся выше на скалы, куда они не могут взобраться, и подстрелим пару поросят, — предложил Каштанов.

Взобрались на самый гребень; Макшеев заложил патрон с картечью и выстрелил в поросят. Стадо, за исключением трех поросят, забившихся в траве, шарахнулось в разные стороны; но затем вожак и свиньи подбежали к скале и стали кружить вокруг ее подножия, делая тщетные попытки вскочить на гладкие уступы, что увеличивало ярость животных. Благодаря этой осаде охотники могли рассмотреть свиней на самом близком расстоянии. Когда любознательность зоолога была удовлетворена, возник вопрос, что делать дальше.

— Ведь они могут продержаться нас здесь целые сутки! Корм у них под носом, а у нас нет, да и сидеть неудобно, — заявил Каштанов. — Придется отгонять их выстрелами.

В это время Макшеев, давно уже наблюдавший опушку леса, воскликнул:

— К нам или к кабанам вдоль опушки подкрадывается крупный зверь; я вижу только его желтую спину.

— Где, где он?

— Вот там сейчас была видна спина, перед тем кустом, который выдвинулся на поляну, следите теперь правее куста.

Все устремили взоры на указанный куст, и действительно

правее его показалась буро-желтая, медленно двигавшаяся масса, на которой можно было различить более темные поперечные полосы.

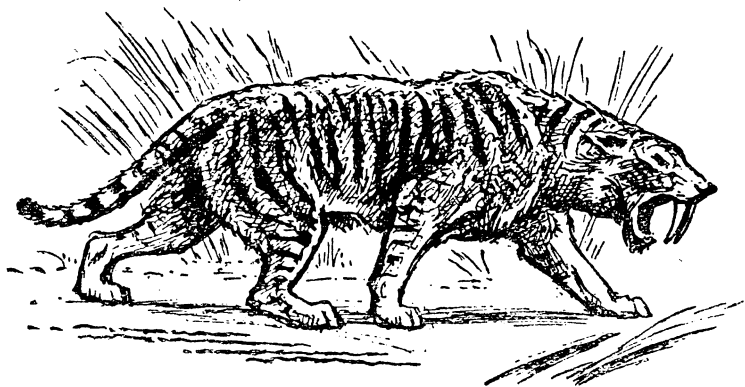
— Опять медведь? — предположил Макшеев.

— А может быть на этот раз окажется тигр, — сказал Папочкин. — Он крадется по-кошачьи.

— Я думаю, пора стрелять, — заявил Каштанов.

— В кого же стрелять, в зверя или в кабанов.

— Лучше в кабанов. Если они побегут в лес, они наткнутся прямо на хищника, и он займется их преследованием. Если

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

они повернут в другую сторону, он переменит свою позу, и мы сможем лучше рассмотреть его или подстрелить, когда он станет удобнее. А сейчас видна только спина и выстрел будет неверный.

— Дадим по кабанам сначала один выстрел, а три ружья пусть следят за хищником.

Зоолог, сидевший на выступе скалы, прицелился в вожака, когда последний вскочил передними ногами на уступ, стараясь достать клыками сапог Макшеева. Выстрел на близком расстоянии сразу свалил кабана, остальные испугались и бросились бежать к лесу. Когда они почти достигли опушки, слева от них быстро взвилось буро-желтое тело хищника и настигло

кабанов прыжком в несколько метров длины. Двое из них забились под лапами врага, остальные с визгом скрылись в лесу.

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

— Конечно, — подтвердил Каштанов, — повидимому из породы сабельных, судя по огромным клыкам верхней челюсти. Эта порода имела большое распространение в третичный период, но в конце его вероятно исчезла.

— Этот уйдет от нас к сожалению. Смотрите, он потащил свою добычу в лес, должно быть чувствует, что наше соседство небезопасно! — вскричал Макшеев.

— Ну и пусть, сегодня у нас достаточно материала, — сказал Папочкин, занявшийся обмером убитого кабана. — Потащим мы этого дьявола тоже к лодке или ограничимся поросятами?

— Если он жирен, то сало не мешало бы захватить, — заметил Громеко. — Тогда можно будет жарить мясо на сковороде. Ну, вы кончайте с ним, а я пособираю еще растений.

20

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ

Каштанов занялся опять изучением скал, Макшеев и зоолог принялись за кабана и поросят, а Громеко перевалил на южный склон холма и медленно спускался вниз, увлекаясь сбором растений, среди которых находил много новых видов и родов.

Вдруг по холму промелькнула огромная тень, словно от тучки, заслонившей солнце; зоолог и его помощник вздрогнули и подняли головы. Они увидели темную птицу огромной величины, похожую на орла, которая кружила над поляной.

Внезапно она сделала резкий нырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его. Но ноша оказалась слишком тяжелой даже для этого сильного пернатого. Усиленно махая крыльями, птица летела на высоте всего четырех метров, не будучи в состоянии подняться выше, но и

не желая бросить свою добычу, повисшую беспомощно в ее когтях.

Папочкин и Макшеев схватили ружья, но первый тотчас же опустил свое со словами:

— У меня патрон с картечью, и я могу поранить товарища.

Макшеев, зарядивший ружье пулей, назначавшейся для тигра, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним.

Внезапно она сделала резкий вырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его.

Она нырнула вниз, выпустила ботаника и, пролетев немного, рухнула на скалы.

Охотники побежали к Громеко, лежавшему без сознания на склоне, лицом вниз. Его толстая вязаная куртка была изорвана когтями птицы, но благодаря тому, что она не обтягивала тело, а лежала свободными складками, когти захватили только ее и лишь сильно расцарапали тело. Ботаника привели в чувство, перевязали раны, и когда он пришел в себя, Папочкин и Макшеев полезли на гребень холма за птицей. Это был гриф невиданной величины, достигавший более четырех метров в размахе крыльев и почти полтора метра от конца хвоста до

клюва; оперение было темнобурое сверху и светлобурое с темными полосками снизу. Вокруг почти голой шеи красовался большой воротник из грязно-белых перьев, а в начале огромного клюва поднимался большой желтый нарост.

Такая птица могла свободно унести барана, козу, небольшую свинью, но человек в семьдесят килограммов весом был для нее непосильной ношей, и она очевидно ошиблась, приняв ботаника за бурое четвероногое, бродившее по траве.

Грифа обмерили и сфотографировали с распростертыми крыльями на скале, куда поднялся и Громеко, чтобы рассмотреть своего обидчика. Он объяснил товарищам, что, когда птица внезапно вцепилась ему в спину, больно ударив с размаха своим телом, он подумал, что сделался жертвой тигра и лишился сознания.

— Не вернемся ли мы теперь к стоянке? — сказал Папочкин. — Сегодня мы уже подверглись нападению кабанов, грифа, видели близко тигра, — не довольно ли искушать судьбу?

Все устали от ходьбы и волнений и с удовольствием отправились назад, нагруженные поросятами, окороками и жирными боками кабана, горными породами и растениями.

Приближаясь уже к палатке, охотники услышали неистовый лай Генерала и поспешили к нему на помощь. Выбежав на лужайку речного берега, они увидели, что собака лает из-за палатки, а наполовину в воде, наполовину на суше стоит огромный гиппопотам. Чудовище очевидно хотело попасться или повалиться на лужайке, но было озадачено шумом, который подняла собака. Гиппопотам тупо смотрел на этого невиданного, беспокойного зверя своими маленькими глазками и по временам разевал свою ужасную пасть с редкими длинными зубами и огромным розоватым языком. При виде этой пасти Генерал начинал выть и визжать от страха.

Заметив людей, выбежавших на лужайку, чудовище неуклюже повернулось передом тела, мягко бухнулось в воду и поплыло вниз по реке, выставляя широкую жирную спину с мелкими бородавками.

— Хорошо, что мы вернулись домой, — заявил Громеко, от-

вязава Генерала. — Это чудовище могло бы нам натворить неприятностей: изорвать палатку, перетоптать все вещи и утопить или продырявить лодки.

— А целы ли еще лодки? — воскликнул Макшеев и побежал к берегу, откуда сейчас же крикнул:

— Одна на месте, а другая исчезла! Не оборвал ли этот урод ее причал?

— Нужно погнаться за ней сейчас, пока она не уплыла далеко! — вскричал Каштанов, также подбежавший к берегу.

Оба сели в оставшуюся лодку, захватив на всякий случай ружья, и поплыли вниз по течению; вскоре они увидели беглянку, которая вместо того, чтобы плыть спокойно вниз, вертелась на одном месте посреди реки. Они быстро приблизились, и Каштанов хотел уже зацепить ее багром, но лодка внезапно, точно живая, отпрянула в сторону и понеслась дальше, но гораздо быстрее течения. Пришлось опять гнаться; Макшеев греб изо всех сил, а Каштанов стоял с багром в руках.

— Да ее кто-то тащит! — воскликнул он, когда лодка, бывшая опять совсем близко, снова начала отделяться толчками.

— Не подцепил ли ее гиппопотам? Он мог запутаться ногой или захватить зубами причал.

— Он и есть — вскричал Каштанов, заметивший теперь впереди лодки широкую спину и голову животного, всплывшего подышать.

— Если мы будем стрелять в эту тушу, он поплывет еще быстрее или утащит лодку на дно.

— Остается догнать ее и перерезать веревку, иначе мы не освободим лодку.

Макшеев опять налег на весла. Вскоре ему удалось зацепить беглянку багром и подтянуться вдоль нее к ее носу, плывя на буксире у гиппопотама. Каштанов быстро перерезал туго натянутую веревку, конец которой сразу исчез под водой.

— Еще бы немного, и я бы выбился из сил, — сказал Макшеев, переводя дух после гонки. — Если бы не жаль было заряда, следовало бы пустить этому уроду пулю в спину за такие штуки.

— Мы уплыли далеко от палатки, — заметил Каштанов. —

Теперь придется грести против течения. Давайте я сяду на весла, а вы отдыхайте.

Переменились местами, взяли на буксир пойманную лодку и потянулись вверх по воде.

— Глубокой стала наша речка, — сказал Макшеев, пытавшийся подтолкнуть лодку багром, но не доставший дна, которое было на глубине двух метров. — Недаром в ней появились такие крупные животные. Теперь нам ради предосторожности придется вытаскивать лодки на ночь и во время экскурсий на берег.

Тихо подвигаясь вверх по реке, обе лодки плыли по темной воде между двумя зелеными стенами кустов и деревьев, образовавших непроницаемую чащу. Иные кусты, подмытые рекой, наклонились и спускали свои ветки в воду. На крупных ярких цветах какого-то незнакомого вьющегося растения казались красивые большие бабочки и жужжали пчелы.

Вода журчала под носом лодок, весла мерно плескали, из чащи доносилось щебетанье и пение птиц. Макшеев склонился над бортом и смотрел в воду, следя за рыбами, которые местами появлялись и исчезали в глубине.

— Как хороша здесь природа, если наблюдать ее с лодки, — промолвил он. — А сойдешь на берег — не проберешься через чащу, не ступишь ни шагу, не наткнувшись на какого-нибудь ядовитого или хищного зверя. Просто трудно поверить, что после многодневной борьбы с льдами, туманами и метелями мы плывем по реке, текущей по внутренней поверхности нашей земли. И так близко от этих льдов природа, напоминающая девственные леса Африки или Южной Америки. Интересно бы знать, под какой широтой Северной Америки мы сейчас находимся?

— Это нетрудно определить, если проложить на карту наш маршрут, начиная от ледяного вала. Я думаю, что мы еще только под морем Бофора, под очень высокими широтами или в лучшем случае под тундрой северного берега Аляски. Там чертовский холод, льды, белые медведи, а здесь пышная растительность, тигры, гиппопотамы, змеи.

В это время Макшеев увидел в воде ясное отражение солнца, быстро поднял голову и воскликнул:

— Ба, красное солнышко наконец показалось на чистом небе, смотрите-ка!

Путешественники, привыкшие видеть Плутона только сквозь более или менее густую пелену тумана или облаков, еще не имели представления о цвете неба и настоящем виде этого светящегося ядра земли. Теперь же эта пелена разрывалась, образуя кучевые облака, в промежутках между которыми видно было чистое небо, но не голубос, как над внешней поверхностью земли, а темносинее.

В зените стоял Плутон, диаметр которого казался немного больше видимого солнечного.

Это подземное или «внутриземное» светило в общем напоминало солнце, светящее перед закатом или вскоре после восхода через толстый слой атмосферы. На его диске можно было различить довольно много темных пятен различной величины.

— Это центральное светило или настоящее ядро нашей земли находится уже в последней стадии своего горения, представляя потухающую красную звезду. Еще немного — и оно потухнет! На внутренней поверхности воцарится мрак и холод, и вся эта пышная жизнь постепенно погибнет, — сказал Каштанов.

— Хорошо, что мы успели забраться сюда и изучаем ее! — воскликнул Макшеев. — Немного позже нам бы пришлось вернуться вспять, мы бы увидели только черную ночь впереди.

— Ну, я сказал «немного» в геологическом смысле. В перероде на земные годы это может быть равносильно целым тысячелетиям, так что наши отдаленные потомки будут иметь еще возможность изучать эту внутреннюю поверхность и даже колонизировать ее.

— Благодарю покорно! Переселиться в страну, осужденную на гибель во мраке вечной ночи!

ТРОПИЧЕСКАЯ ГРОЗА

Так в оживленной беседе незаметно прошло время, и обе лодки причалили к месту стоянки, где Папочкин и Громеко ожидали уже с ужином. Поросенок в вареном и жареном виде, приправленный диким луком, собранным ботаником на холме, оказался превкусным. Сообща решили, что впредь нужно обращать больше внимания на съедобные плоды, корни и травы, чтобы сделать пищу разнообразнее. Все овощные и мучные консервы были оставлены в юрте и с собой из припасов взяты только чай, сахар, кофе, немного сухарей и приправы, как соль, перец, экстракты. Охота и рыбная ловля должны были доставлять главную часть пищи, которую продукты местной флоры могли улучшить.

На время сна вблизи палатки развели большой костер и по очереди караулили, потому что встреча с тигром заставляла опасаться нападения хищников. Каждый караульный действительно слышал в близком лесу разные шорохи, треск, взлеты и крик испуганных птиц, а Генерал часто настораживался и ворчал.

На следующий день в первые часы плавания местность сохраняла тот же характер: продолжались холмы, лесистые с севера, степные с юга, и сплошной лес по берегам реки. Полуденную стоянку сделали на левом берегу, на который Каштанов и Громеко полезли после обеда.

В составе флоры оказалось много нового: попадались уже вечно зеленые растения — мирты, лавры, лавровишни. Орешник достигал огромных размеров, не уступая дубам, букам и вязам; на южном склоне попадались бук, кипарисы, туи и тисс. Великолепные магнолии распустили свои крупные, белые, благоухающие цветы. В чаще вдоль реки попадался бамбук и разные лианы. Громеко восторгался на каждом шагу.

Температура воздуха в тени в этот день достигла уже 25°, так как северный ветер, до сих пор сопутствовавший путешественникам, прекратился. Воздух сделался тяжелым, насыщен-

ным испарениями густых лесов. Исследователи лезли по склону холма с трудом, обливаясь потом, хотя солнце светило тускло сквозь пелену облаков.

Под влиянием зноя вся природа словно оцепенела и замерла, птицы и звери притаились в тени.

На вершине холма Каштанов и Громеко присели отдохнуть и, повернувшись лицом на север для осмотра местности, обнаружили причину невыносимого зноя: на горизонте вздымалась зубчатой стеной с фантастическими башнями огромная темно-лиловая туча надвигавшейся грозы, окаймленная спереди сине-багровым валом клубившихся облаков, под которыми сверкали ослепительные молнии; этот вал быстро приближался.

— Нужно бежать к лодкам! — воскликнул ботаник. — Ливень наверно будет тропический!

Оба пустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и скользя на более крутых местах. Через десять минут они добежали до стана, где Макшеев и Папочкин ждали их уже с нетерпением, не зная, что предпринять. Палатка могла не выдержать потоков дождя и ударов весьма вероятного града. Река могла выйти из берегов, потащить вырванные деревья, так что и в лодках было бы небезопасно. Целесообразнее казалось выгрузить все на берег, вытащить лодки и спрятаться в кусты.

Обсуждая этот план с товарищами, Папочкин вспомнил, что ниже по реке, во время маленькой экскурсии, предпринятой в погоне за большой водяной змеей, он видел в конце холма нависшую скалу, которая могла дать им защиту от дождя. Но нужно было торопиться, — гроза быстро приближалась! Все вскочили в лодки, подплыли к скале, и в несколько минут все было выгружено и втащено под навес, оказавшийся достаточно просторным, чтобы вместить не только людей, собаку и вещи, но и самые лодки, которыми загородились со стороны ветра. Выгнав несколько небольших змей, приютившихся в расселинах скалы, путешественники могли уже спокойно наблюдать величественное зрелище атмосферной катастрофы.

Сине-багровый вал докатился уже до половины неба и за-

крыл солнце; снизу он казался теперь совершенно черным. Это была какая-то бездна, которую то-и-дело прорезывали ослепительные зигзаги молний, сопровождавшиеся такими раскатами грома, каких никто из наблюдателей еще не слышал. То раздавались один за другим оглушительные взрывы, то треск, словно рвались на части огромные куски крепкой материи, то залпы сотен тяжелых орудий.

Близлежащий лес глухо шумел под первыми порывами ветра. С севера надвигался еще какой-то ужасный грохот, наводивший трепет и постепенно заглушавший даже раскаты грома. Казалось, что оттуда несется исполинский поезд, сокрушающий все на своем пути.

Путешественники побледнели и с тревогой оглядывались по сторонам.

Вихрь уже налетал. В воздухе кружились бесчисленные листья, цветы, сучья, ветви, целые кусты, вырванные с корнем, и пни, не успевшие укрыться в глубине леса. Становилось все темнее и темнее. Кругом свистело, шипело, трещало в промежутках между оглушительными раскатами грома. Огромные капли дождя и отдельные градины шлепались на землю и в воду, которая бурлила и пенилась. Затем наступила полная темнота и только при свете молний на отдельные мгновенья открывалась ужасная картина: казалось, что весь лес поднялся на воздух и несется с потоками дождя и града. Грохот заглушал даже громкий крик на ухо.

Но эта катастрофа продолжалась всего минут пять. Быстро стало светать, порывы ветра ослабели, шум и раскаты удалялись на юг, а дождь только накрапывал. Зато река сразу вздулась, сделалась красно-бурой и грязной, покрылась пеной и несла листья, сучья, ветви и целые деревья. По небу мчались еще клочья серых туч, но Плутон уже проглядывал, освещая следы опустошения, оставленные бурей.

Путешественники вылезли из-под навеса и осмотрелись. Оказалось, что возле лодок нагромождена целая куча листьев, веток и сучьев, перемешанных с градинами, величиной в грецкий орех. Несколько заостренных сучьев были брошены с такой силой, что пробили парусиновые бока лодок. Нужно было не-

медленно заняться их починкой. Достали иголки, нитки и кусочки просмоленной парусины и принялись за дело.

Починка лодок заняла около часа, а за это время река вошла опять в свои берега, очистилась от обломков и можно было продолжать плавание. Черная туча уже исчезла на юге за холмами, и путешественники впервые могли наблюдать безоблачный темносиний небесный свод.

— И подумать только, — сказал Папочкин, уже сидя в лодке, — что прямо над нами, над этим синим небом, на расстоянии примерно десяти тысяч километров, находится такая же земля с лесами, реками и разным зверьем. Как интересно было бы видеть ее над головой!

— Расстояние слишком велико, — заметил Каштанов. — Слой воздуха такой толщины с пылевыми частицами и парами воды не может быть достаточно прозрачным, а земля, покрытая зеленью, отражает мало света, недостаточно ярка.

— А обратили ли вы внимание, — спросил Макшеев, — когда мы вчера осматривали окрестности с сравнительно невысокого холма, что вдаль видно гораздо лучше, чем там, наверху? Мы могли наблюдать лесистую равнину вероятно километров на сто, благодаря тому, что поверхность, на которой мы находимся, не выпуклая как на земле, а вогнутая. Казалось, что мы стоим на дне плоской чаши.

— Теоретически кругозор наш должен бы быть неограниченный, мы должны были бы видеть местность не на сто, а на пятьсот или тысячу километров, поднимающуюся все выше и выше к небу. Но на большом расстоянии нижние слои воздуха становятся уже недостаточно прозрачными, и очертания предметов делаются постепенно расплывчатыми сливающимися друг с другом.

— Следовательно линия горизонта здесь не может быть так резка и отчетлива, как там, наверху. В сущности здесь нет горизонта, а мы видим постепенный переход земли в небо!

— Но только до сих пор вследствие низко стелющихся туч или тумана мы не могли обратить внимания на этот факт.

Под вечер река значительно расширилась, но зато быстрота ее течения уменьшилась, вследствие этого приходилось по-

стоянно работать веслами, чтобы достаточно быстро продвигаться вперед.

В зеленых стенах обоих берегов местами видны были разрывы, куда уходила часть воды в виде узких рукавов или откуда эта вода возвращалась к главному руслу. Среди этого русла появились острова, окаймленные густыми камышами, поднимавшимися над водой.

Огибая один такой остров, путешественники заметили разрыв в поясе камышей, в глубине которого была видна тропинка, уходившая в зеленую чащу. Макшеев направил свою лодку в разрыв, чтобы высадиться на берег и осмотреть остров. Но едва только лодка мягко ткнулась носом в илистый откос, как из зеленой чащи выглянула голова сабельного тигра. Два ослепительно белых клыка, длиной не менее тридцати сантиметров, спускались из верхней челюсти, как у моржа. Зверь очевидно был сыт и не намеревался нападать; он широко разинул пасть, словно зевая, затем голова скрылась в чаще. Присутствие этого страшного хищника заставило отказаться от высадки на остров.

На следующий день река опять сузилась, и течение стало быстрее.

Растительность приобретала все более и более субтропический характер: дубы, буки, клены исчезли. Их совершенно вытеснили магнолии, лавры, каучуковое дерево и много других, которые ботанику были известны только по названию и по чахлым экземплярам оранжерей. Впрочем юкки, веерные и саговые пальмы было не трудно определить и с лодки.

Холмы появлялись изредка и стали ниже, но шире. На склонах они заросли пышными травами, по пояс высотой, и отдельно стоящими деревьями или группами их, напоминая галлерейные леса Центральной Африки.

Сплошная чаща тянулась вдоль берегов реки, занимая более низменную местность.

На обед остановились вблизи такого холма, чтобы сделать более продолжительную экскурсию для изучения флоры. Макшеев согласился караулить лодки, а остальные трое после обеда отправились к холму.

ДВИЖУЩИЙСЯ БУГОР

Первые метры дороги пришлось прорубать топором через хаос лиан и кустов. Но затем под высокими зелеными сводами огромных эвкалиптов, миртовых, лавровых и других деревьев, где царил полумрак, подлесок сделался менее густым. Между группами папоротников и стволами деревьев почва была покрыта мхами разных видов и великолепными орхидеями. Высоко вверху щебетали и трещали насекомые, а внизу все было тихо. Изредка показывалась бесшумно скользившая змея или крупная ящерица.

Ближе к подножию холма лес начал редеть, и красноватые лучи Плутона проникали до земли; здесь было больше жизни, больше кустов, трав и цветов. Охотники напали на тропинку, извивавшуюся между деревьями, и шли по ней, надеясь, что она выведет из леса. Впереди шел Каштанов, за ним Папочкин, оба с ружьями наготове, зорко посматривая вперед и в стороны. Громеко замыкал шествие, часто отставая для сбора растений.

Вдруг Каштанов остановился и поднял руку в знак внимания: впереди слышался сильный треск и легкое ворчанье. Затем на тропе появилось исполинское животное странного вида, похожее на медведя, но с длинным пушистым хвостом и длинной, узкой головой.

— Это — муравьед, — прошептал зоолог. — Виды его, известные в Южной Америке, очень смирные, несмотря на страшный вид и огромные когти. Но они гораздо меньше этого экземпляра, ведь этот имеет более двух метров в высоту!

Между тем муравьед заметил людей, загородивших ему дорогу, и остановился в нерешительности.

— Сойдем с тропы, — прошептал зоолог. — Пусть он пройдет мимо нас и даст себя рассмотреть получше.

Охотники отошли в сторону и спрятались за группу густых кустов. Муравьед постоял еще несколько минут, недоверчиво всматриваясь в лес, затем потихоньку пошел вперед, останавли-

ливаясь через каждые пять-шесть шагов и оглядываясь по сторонам. Во время такой остановки Папочкин успел его сфотографировать сбоку, после чего животное, услышав щелк затвора, пустилось бежать, покачиваясь на своих толстых лапах и вытянув хвост; от носа до кончика хвоста оно имело не менее четырех метров.

Выйдя из леса, путешественники очутились у подножия холма, пологий склон которого тянулся вверх. Каштанов с досадой смотрел на этот однообразный склон, не обещавший ему добычи, тогда как ботаник был в восторге от обилия незнакомых цветов среди густой травы и занялся их сбором. Вдруг геолог заметил у самого подножья холма довольно большой куполообразный бугор, голые скаты которого огливали металлическим блеском.

— Ну вот и для меня пожива! — воскликнул он, вытаскивая молоток и направляясь почти бегом к бугру, в то время как Папочкин занялся ловлей новой ящерицы, спасавшейся от него на небольшом деревце.

Дойдя до бугра, Каштанов остановился в изумлении — бугор был совершенно голый, лишенный даже малейшей травки, и вся его поверхность состояла из шестисторонних пластинок бурого цвета с темными ободками.

Удивленный геолог попробовал отбить молотком кусочек породы, но молоток отскочил от поверхности бугра.

В надежде, что на вершине бугра будет более трещин, Каштанов полез наверх, что удалось ему не сразу: хотя бугор имел только метра три вышиною, но склоны его были совершенно гладкие. Наверху порода была такая же неуступчивая, поэтому геолог вынул из-за пояса большое зубило, вставил его в бороздку между двумя пластинками и начал бить молотком по зубилу, острие которого постепенно углублялось в породу.

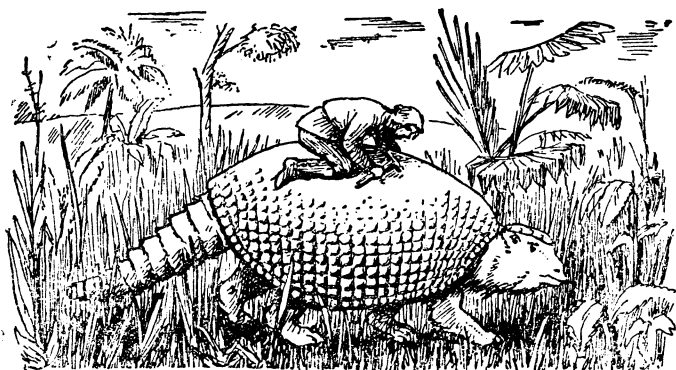
Вдруг сильный толчок сшиб геолога, стоявшего на коленях, и он едва успел ухватиться за зубило, чтобы не скатиться с холма. Толчки продолжались, и Каштанов с недоумением оглядывался. Ему показалось, что вся почва пришла в движение, а деревья закачались.

— Страшное землетрясение! — закричал он своим товари-

щам, которые были от него на расстоянии сорока шагов. — Вы чувствуете, какие толчки!

Услышав этот возглас, Громеко и Папочкин переглянулись с удивлением. Они не ощущали никаких признаков землетрясения. Но взглянув в сторону, где находился Каштанов, они были поражены: бугор с геологом медленно перемещался по склону холма.

После минуты недоумения оба побежали наперерез этому странному двигающемуся бугру, основания которого не было видно из-за густой травы. Подбежав ближе, Папочкин воскликнул со смехом:

Геолог вынул из-за пояса большое зубило, вставил его в борозду между двумя пластинками и начал бить молотком по зубилу.

— Да это исполинская черепаха! Петр Иванович, вы едете на черепахе!

В это время бугор повернулся в сторону преследователей, которые увидели выдвинувшуюся из-под него довольно длинную шею и противную голову, не меньше бычачьей, усаженную мелкими щитками. В раскрытой пасти видны были пластинчатые зубы.

Каштанов, понявший в чем дело, оставил свое зубило забитым в панцырь черепахи, соскользнул с нее и быстро отпрыгнул в сторону. Он заметил теперь быстро двигающийся огромный хвост, похожий на толстое бревно, удар которого мог переломить ноги.

Животное, почувствовав себя свободным, побежало вдоль склона, его голова и хвост скрылись в траве. Оно опять поразительно напоминало движущийся голый бугор.

После обмена шутками по поводу забавного приключения геолога, принявшего живую черепаху за каменный холм, а ее движение за землетрясение, Каштанов заметил товарищам:

— Я полагаю впрочем, что это была совсем не черепаха, а глиптодон, животное из семейства броненосцев, водившееся на земле в плиоценовую эпоху третичного периода наряду с огромными муравьедами, гигантскими ленивцами, мастодонтами, и громадными носорогами. Остатки этих животных найдены в изобилии в Южной Америке.

— Огромного муравьеда мы ведь встретили в лесу, — напомнил Папочкин.

— Эта встреча меня и навела на высказанную мысль. Ведь если мы в более северном поясе, вблизи границы льдов встретили в живом состоянии такие окаменелости, как мамонта, длинношерстого носорога, первобытного быка, пещерного медведя, исполинского оленя, которые на земле жили в послетретичное время, то нет ничего удивительного в том, что южнее, где господствует такое тепло, сохранились формы еще более древнего времени — плиоцена.

— А еще южнее, развивая вашу мысль, мы должны встретиться и с более древней фауной — миоценовой, эоценовой, меловой, юрской и т. д.? — спросил зоолог с некоторым недоверием.

— Я этому несколько не удивлюсь, — заметил Громеко. — С тех пор как мы открыли этот странный внутриземной мир, я перестал удивляться чему бы то ни было и готов приветствовать игуанодонов, плезиозавров, птеродактилей, трилобитов и другие палеонтологические чудеса.

— В таком случае жаль, что мы не подстрелили муравьеда и глиптодона! Чем мы сможем доказать их существование? Глиптодона я даже не сфотографировал.

— Может быть мы встретим их еще раз.

— А кстати, пора возобновить запас мяса, — заявил Громеко, — иначе завтра придется есть одно свиное сало.

Во время этого разговора охотники медленно поднялись по склону холма и достигли его гребня, вдоль которого тянулись узкой полоской довольно густые кусты, скрывавшие, к радости Каштанова, небольшие выходы горных пород. Геолог немедленно пустил в дело свой молоток, но Папочкин, пролезший уже через кусты, остановил его возгласом:

— Потише, на том склоне зверинец травоядных.

Каштанов прекратил стук, спрятал добытый образчик в карман и полез через кусты; Громеко следовал за ним.

На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных, мирно пасшихся животных. Ближе всего к ним находилось семейство носорогов, сильно отличавшихся как от живущих в Индии и Африке, так и от длинношерстого носорога. Это были толстые, приземистые коротконогие твари, похожие скорее на небольших гиппопотамов; но форма головы и короткий толстый рог самца выдавали их породу. У самки вместо рога была только большая мозолсообразная шишка. Детеныш, резвившийся возле матери, походил на огромную ливерную колбасу; чтобы добраться до источника молока, он ложился на землю и протискивался боком под брюхо матери, которая, передвигаясь, придавливала его, что вызывало недовольное хрюканье обиженного малыша.

Немного далее на склоне паслось стадо огромных слонов. Рассмотрев их в бинокль, Каштанов заявил, что это вероятно мастодонты; они отличались от мамонта длинными и прямыми бивнями, покатым лбом и более длинным туловищем.

По соседству с ними ходило несколько антилоп огромной величины, буро-желтых с черными пятнами, как у леопарда, с длинными, саблевидными рогами. Они передвигались скачками, потому что задние ноги были значительно длиннее передних; Громеко сначала принял их за огромных зайцев.

На опушке леса находились еще более странные животные, похожие отчасти на жирафу, отчасти на верблюда: сходство с первой состояло в очень длинной шее и голове с небольшими рожками, а признаками верблюда являлись бурый цвет и форма туловища с небольшим горбом. Парочка этих животных, в ко-

На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных, мирно пасшихся животных.

торых Каштанов признал родоначальника верблюда и жирафы, ходила вдоль опушки, свободно срывая веточки и листья на высоте четырех метров от земли.

Наиболее интересной добычей охотникам показались антилопы и верблюдо-жирафы; поэтому они разделились на три партии: Каштанов направился окольным путем к верблюдо-жирафам, Папочкин — к антилопам, а Громеко должен был сфотографировать носорогов и мастодонтов.

Громеко, соблазнившийся видом маленького носорога, показавшегося ему достойным вертела, выстрелил и уложил на месте ничего не подозревавшего детеныша. Его родители, вместо того, чтобы спастись бегством, как ожидал охотник, обнюхали труп, а затем с громким хрюканьем бросились на ботаника, который имел неосторожность показаться на опушке кустов. Он скрылся опять в кусты и успел отбежать несколько шагов в сторону, когда на том месте, где он только что стоял, раздался треск неистово ломаемых ветвей, и оба носорога, топчя кусты и разбрасывая их мордами по сторонам, появились на гребне холма и побежали дальше. Но, заметив, что их враг исчез, они повернули назад и помчались туда, где колебания кустов выдавали присутствие охотника.

В это время вблизи антилоп раздался выстрел Папочкина, и стадо этих животных понеслось вверх по склону; туда же устремились и мастодонты, подняв хоботы и издавая тревожные трубные звуки. Положение Громеко становилось отчаянным: с одной стороны, ему приходилось следить за носорогами и бегать от них взад и вперед через кусты, а с другой — надвигалась опасность от антилоп и мастодонтов. Но ботанику пришла счастливая мысль: заметив, что антилопы и мастодонты бегут вверх по склону с разных сторон, но приблизительно к тому же месту гребня, он, вместо того, чтобы перебегать от носорогов взад и вперед через кусты, побежал теперь вниз по склону в промежутки между антилопами и мастодонтами, в расчете, что те или другие задержат его преследователей. Этот расчет оправдался: прорвавшиеся опять через кусты разъяренные носороги столкнулись один с мастодонтами, другой — с антилопами; произошло замешательство, первый был сшиблен и затоптан,

второй — обратился в бегство антилоп и сам побежал за ними, а Громеко остался победителем на поле сражения.

Отдышавшись от безумного бега, он поднялся обратно к кустам, нашел свое ружье, брошенное при бегстве от носорогов, а затем стал искать свою добычу — маленького носорога, из-за которого натерпелся такого страха. Найти его оказалось нетрудно, потому что круглая туша, напоминавшая добрый боченок, виднелась издали среди потоптанной травы. Потом он отправился к своим товарищам, и они вместе, тяжело нагруженные шкурами, черепами и мясом, двинулись обратно к стану, где Макшеев уже беспокоился их долгим отсутствием. Он сам хоть и сидел на месте, но не остался без добычи. К палатке подкрадывался хищник, вероятно собиравшийся скушать Генерала, но вместо того попавший под пулю, — это было животное, похожее на волка, но с очень большой головой, с кошачьим телосложением и со сравнительно длинной гривой на голове и шее. Каштанов нашел, что это должен быть плиоценовый предок современных волков.

23

ПЛУТОН ГАСНЕТ

Пока в котле варилось мясо антилопы, а на вертеле жарился целиком молодой носорог, путешественники были заняты приведением в порядок обильных материалов, добытых за день.

Во время этой работы они заметили, что свет ослабел и сделался еще более красноватым, чем обыкновенно. Подняв головы, чтобы выяснить причины этого явления, они убедились, что небо безоблачно, но сам Плутон светит тускло, и на одной половине диска видно много больших темных пятен.

Вместе с ослаблением света началось понижение температуры, достигавшей в этот день уже $+28^{\circ}$ в тени. Последнее можно было бы приветствовать, но первое внушало некоторую тревогу.

— А что, если Плутон теперь погаснет совершенно? — спросил Громеко, так как во время ужина констатировали, что ос-

лабление света продолжается и количество темных пятен на диске увеличивается.

— И мы вдруг очутимся в полном мраке, за которым постепенно наступит и полярный холод? — прибавил Папочкин.

— А теплая одежда осталась у нас далеко на севере в юрте! — воскликнул Макшеев.

— Я думаю, что это ослабление света — временное явление, — сказал Каштанов. — Плутон, судя по его красному свету и обилию темных пятен, действительно находится в последнем периоде своего горения. Но этот период может продлиться еще сотни и тысячи лет. Красные звезды, аналогичные Плутону, наблюдаемые в мировом пространстве, по временам меркнут, почти гаснут, но потом опять вспыхивают. Запасы тепла, имеющиеся в их массе, еще очень велики, и кора, образующаяся на их поверхности вследствие охлаждения и представляющая темные пятна, которые мы видим, снова и снова разрывается и расплавляется за счет этих запасов. Угасание светила не может произойти сразу.

— А если горение Плутона прекратится вследствие недостатка кислорода? Ведь нужный для него кислород берется конечно из общей атмосферы нашей планеты, всасываемой через полярное отверстие.

— Это очень сомнительно, так как за миллионы лет своего горения Плутон должен был бы сжечь весь кислород нашей атмосферы, и обитатели земли давно задохнулись бы в азоте. Процессы горения самосветящихся тел вселенной известны нам еще слишком недостаточно и может быть происходят иначе, чем наблюдаемые нами на земле. Может быть кислород образуется там вновь как продукт распада других химических элементов. Открытия последних лет относительно превращений радия заставляют нас уже иначе смотреть на постоянство этих элементов, считавшееся прежде бесспорной истиной.

— Словом, «друг Горацио, на свете есть еще много вещей, которые не снились нашим мудрецам», а в Плутонии мы каждый день убеждаемся в справедливости этого изречения Гамлета, — сказал Громеко и предложил лечь спать, пользуясь темнотой и прохладой.

Животный мир леса также чувствовал, что в природе творится неладное. Птицы совершенно замолкли, и вместо их пения и щебетания слышались тревожные крики разных зверей. Генерал по временам завывал, подняв голову.

Но путешественники, разложившие костер перед палаткой, спали крепко, не обращая внимания на эти звуки, и проспали значительно дольше обыкновенного.

Постепенно все проснулись, хотя было темно попрежнему. Все было объято красноватыми сумерками, а диск Плутона был покрыт многочисленными темными пятнами, так что сила света была ослаблена на девять десятых. При этом освещении листва и трава казались почти черными, как и само небо. Вокруг лежала глубокая тишина — ни птицы, ни звери, ни насекомые не проявляли признаков жизни, и только по временам налетающий ветерок шумел в листве. В этой тишине было что-то зловещее.

Посоветовавшись, решили, что рискованно плыть в таких сумерках по неизвестной реке между двух стен леса, переполненного разными хищниками, которые могли напасть на путешественников. Легко можно было сесть на мель или наткнуться на корягу, что представляло большую опасность для парусиновых лодок.

— А если этот сумрак будет продолжаться целые недели или месяцы? — спросил Громеко. — Неужели мы будем сидеть на месте? Провизии у нас хватит дня на три, на четыре.

— Какой вы чудак! — ответил Каштанов. — Сейчас же делаете самые печальные предположения! Подождем день-другой, а тогда подумаем, ехать ли вперед или назад.

— А на досуге займемся починкой лодок, устройством плота и разными домашними работами, — сказал Макшеев. — Лодки дали уже течь.

С этим предложением все согласились и при свете костра принялись за работы. Починили лодки и спилили несколько крупных бамбуков, росших вблизи стана, что потребовало много времени, так как в распоряжении плотников была только одна небольшая ручная пила. Потом очистили стволы от веточек, распилили их на части той же длины, как и лодки, и связали из них плот шириной в полтора метра, который должен был по-

мещаться между обеими лодками. На плот предполагали класть более объемистые вещи, покрывая их шкурами. Обе лодки, соединенные с плотом, в совокупности представляли нечто вроде парома, прочного, легкого и достаточно поворотливого.

Работы заняли целый день, в течение которого наблюдения за диском Плутона обнаружили, что количество и размеры темных пятен не уменьшались, но и не увеличивались. Спать залегли рано. Возле палатки горел небольшой костер. Генерал лежал у входа в палатку, и путешественники рассчитывали спокойно спать, выходя только изредка, чтобы подбросить дров.

Но эти надежды не вполне оправдались. Как только в палатке все затихало и в окружающей чаще начинались шорохи, Генерал настороживался и ворчал. Шорохи прекращались, и собака успокаивалась; потом опять начинался шорох, словно какой-то зверь бродил по кустам вокруг лужайки, высматривая добычу, но не решаясь выскочить. Чтобы не быть всем настороже, решили караулить поочередно, и Папочкин первый уселся у костра с ружьем в руках. Шорохи то удалялись, то приближались, и зоолог наконец так привык к ним, что крепко заснул. Огонь постепенно потухал, и костер превратился в кучу тлеющих углей.

Вдруг собака яростно залаяла. Папочкин проснулся и увидел на окраине лужайки крупного хищника, похожего на льва, но с менее длинной гривой и с торчащими из полуоткрытой пасти клыками, как у сабельного тигра. Хищник стоял в нерешительности, а Генерал, заливаясь лаем, отходил, поджав хвост, за костер, поближе к палатке.

Зоолог, быстро пришедший в себя, поднял ружье и выстрелил в зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати. Пуля попала в грудь, но зверь еще имел силу сделать прыжок, попал в кучу углей, обжог себе брюхо и покатился к палатке; задней лапой он ударил по полотну, разорвал его сверху до низу и зацепил сапоги Макшеева, лежавшие у его изголовья. Передняя лапа в судорожных движениях чуть-чуть не угодила в лицо Каштанова, раздробила карманные часы, лежавшие в шапке на земле, и разорвала шапку в клочья. Генерал, прижавшийся у входа в палатку, был отброшен вглубь ударом

третьей лапы, поплатился несколькими царапинами и со всего размаха упал на Громеко, сладко спавшего у задней стенки.

Переполох получился необычайный. Возле палатки в полумраке билось и ревело что-то громадное, и полы палатки разлетались и рвались под его ударами. В глубине палатки Громеко боролся с Генералом, который старался спрятаться за него и которого он принял за какого-то хищника. Каштанов тщетно искал спички, лежавшие в шапке возле часов, и не находил даже самой шапки. Папочкин кричал снаружи:

— Вылезайте скорее с задней стороны. Это лев, которого я не могу прикончить, потому что боюсь попасть в вас.

Наконец зверь, судорожно вытянув лапы, затих; Макшеев нашел спички и зажег свечу; Громеко оставил Генерала, и все трое, полуодетые и перепуганные, отстегнув задние полы палатки, выбрались ползком наружу и осмотрелись. Началось объяснение у потухшего костра, и Папочкин должен был сознаться, что заснул, и не поддерживал огонь, почему зверь и решился на нападение.

Убитый зверь оказался сабельным львом, хотя по телосложению походил и на медведя; только форма головы и лап выдавала его принадлежность к кошачьему семейству. Грива была небольшая, почти черная, шерсть на теле желто-бурая, хвост без кисточки. Страшным клыкам верхней челюсти соответствовали когти на громадных лапах. Палатка требовала серьезной починки, так же как и сапоги Макшеева. Часы Каштанова, сплюснутые в лепешку, вместе с изорванной шапкой и раздавленной спичечницей, нашлись только после долгих поисков в одном из углов палатки.

Из-за постели Громеко вытащил дрожавшего еще Генерала, осмотрел и промыл его раны. Затем оттащил льва в сторону и решил продолжать прерванный сон. На караул сел Макшеев, и остаток ночи прошел спокойно. Утром сумерки показались менее густыми, и на диске Плутона число и размеры темных пятен как будто уменьшились. Решили еще подождать и принялись за починку палатки, обмер убитого льва и снятие с него шкуры. Ко времени обеда стало еще светлее, а немного позже Плутон, словно собравшись с силами, расплавил большую

Зоолог поднял ружье и выстрелил в зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати.

часть пятен, покрывших его диск, и засиял полным светом, казавшимся особенно ярким после сорокачасового сумрака.

Быстро сложили вещи, нагрузили лодки и плот и поплыли дальше, но не так быстро, потому что судно оказалось недостаточно подвижным и требовало усиленной работы веслами. Местность под вечер этого дня начала меняться, холмы на берегах реки сначала понизились, а затем совершенно исчезли. Вместо густой чащи леса и кустов расстилалась степь с отдельными рощами, где преобладали исполинские баобабы. Только вдоль берегов узкой полосой тянулась пышная растительность с пальмами, бамбуками, лианами, в которой ютились птицы и крупные обезьяны нескольких пород. В степи паслись стада разнообразных антилоп, мастодонтов, носорогов, верблюда-жирафа, безрогих жираф и первобытных лошадей. В чаще близ реки держались тигры, гиенопотамы и олени.

24

ЧУДОВИЩНЫЕ ЯЩЕРЫ И СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

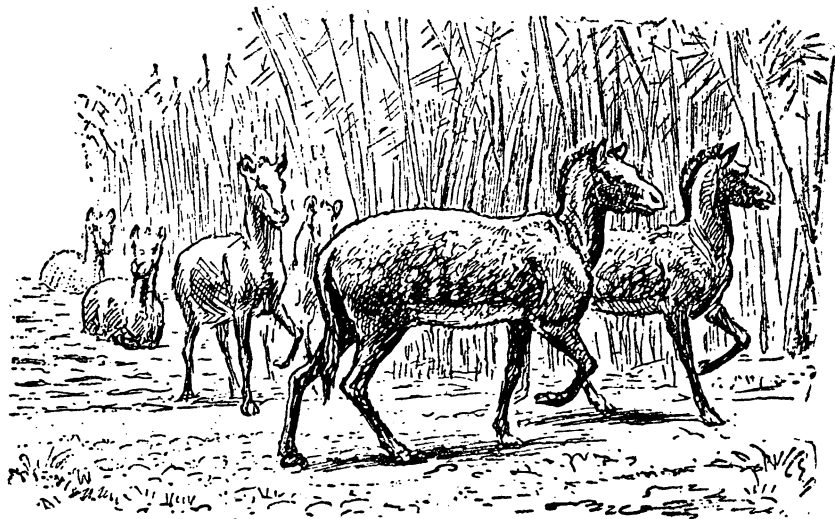
Первый ночлег был на большом острове, значительная часть которого также имела степной характер и только вдоль берега местами тянулись группы кустов и заросли камышей. Палатку поставили на северном конце острова, откуда была видна река, делившаяся на два рукава, каждый не менее сотни шагов ширины.

После ужина покой окружающей природы был нарушен шумом. С противоположного берега реки слышались протяжные крики, напоминавшие голоса толпы людей, по временам покрываемые громким отрывистым лаем и воем.

Из зеленой чащи вырвалось, ломая камыши и раздвигая кусты, небольшое стадо красноватых с белыми пятнами четвероногих, которые бросились в воду и поплыли к острову. Вслед за ними выскочила стая пестрых хищников, которые с воем и лаем также поплыли, стараясь догнать и отбить одно животное, уже отставшее и очевидно изнемогавшее.

Через несколько минут преследуемые выбрались на остров и пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

Отставшее животное также успело доплыть до острова раньше хищников, но на крутой откос берега могло подняться с трудом и наверху было окружено воющими и лающими преследователями. Собрав последние силы, оно лягало их передними и задними ногами и хватало зубами, но неравная борьба

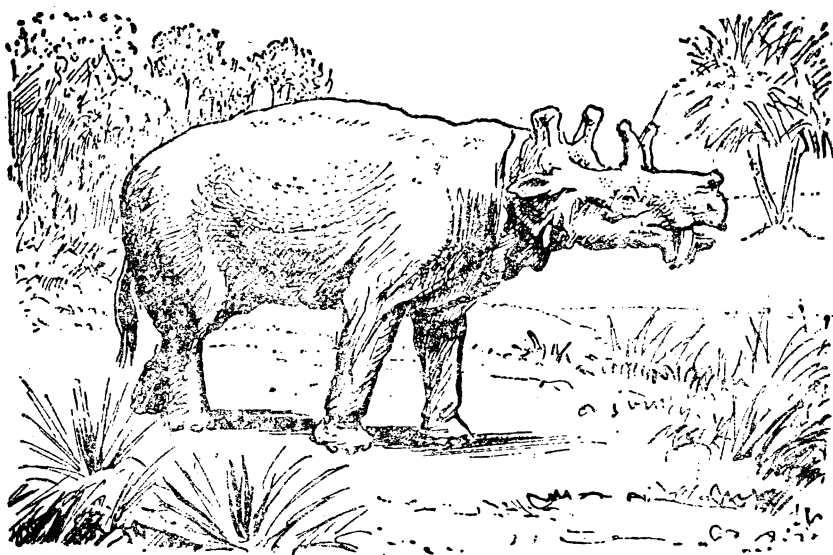
Преследуемые пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

с дюжиной врагов не могла быть долгой. Хищники, увертываясь от ударов, не выпускали жертву из своего круга, выжидая, пока она не обессилит окончательно.

В борьбу вмешались люди; три выстрела в стаю хищников уложили двух из них и обратили остальных в поспешное бегство. Но обессилевшая жертва уже не могла воспользоваться неожиданным избавлением. Когда охотники подошли к ней, она уже лежала при последнем издыхании. На ее шее зияла большая рваная рана, очевидно причиненная зубами одного из хищников при первом же нападении на табун, — это и было

причиной слабости жертвы, которая на бегу постепенно истекала кровью.

Рассматривая убитых хищников, охотники убедились, что животные принадлежали к примитивным млекопитающим. Они были величиной с сибирского волка, но туловище напоминало скорее кошачью породу, равно как и длинный, тонкий хвост. Шерсть на спине и боках была темнубурая, с желтыми про-

Путешественники наткнулись на интересного зверя, представителя древнейших толстокожих — четверорогого носорога.

дольными полосами, а на брюхе — желтая. Зубы были почти одинаковые — все имели скорее вид клыков.

Жертва хищников заслуживала название лошади только с большими оговорками. Она была ростом не больше крупного осла, но грациознее последнего, так как туловище покоилось на тонких ногах, оканчивающихся каждая не одним копытом, как у настоящих лошадей, а четырьмя. При этом только среднее копыто было сильнее развито, а остальные — зачаточные.

Изучая эту странную лошадь, Каштанов и Папочкин пришли к выводу, что они имеют перед собою первобытную ло-

шадь, родоначальницу современных лошадей, по всему облику больше походившую на американскую ламу.

На следующий день продолжалась степная местность, настоящие саваны или прерии, с высокой травой, с чащами и группами кустов и деревьев по берегам тихой реки и многочисленных островов. На одном из больших островов путешественники заметили стадо титанотериев — животных, представлявших нечто среднее между гиппопотамом и носорогом.

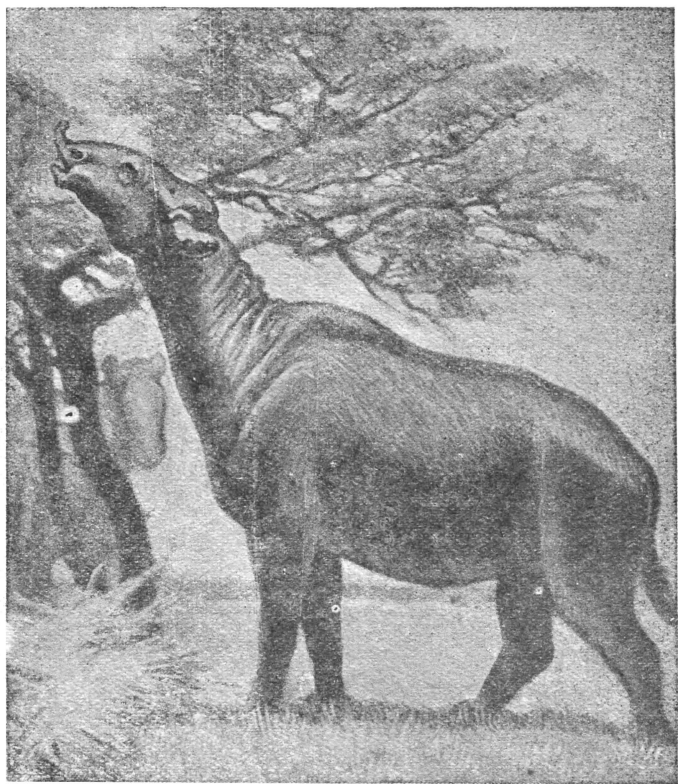
Путешественники хотели причалить немного ниже за кустами, чтобы подкрасться и добыть одного из титанотериев, но наткнулись на еще более интересного зверя, представителя древнейших толстокожих — четверорогого носорога, спустившегося передними ногами в воду, чтобы утолить свою жажду. Когда плот приблизился к нему, он поднял свою уродливую голову и широко раскрыл пасть, словно хотел проглотить или, по крайней мере, оплевать незваных гостей. По бокам верхней челюсти торчали два длинные желтые клыка; на переносице между маленькими глазами подымались рядом два небольшие рога, повернутые наружу, а за ушами красовались еще два тупые рога, похожие на какие-то обрубки.

Но пока причаливали к берегу и пробирались осторожно через кусты, чтобы сфотографировать это интересное животное, оно отошло от реки и побежало тяжелой рысцой. Преследуя его в надежде, что оно остановится, Каштанов и Папочкин заметили на соседней поляне животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья на высоте около пяти метров. По форме тела и цвету кожи оно походило на колоссального слона, спина которого поднималась на четыре метра от земли; но голова и длинная шея резко отличали его от слонов: голова, сравнительно с массой туловища очень небольшая, напоминала голову тапира с удлиненной верхней губой, которой животное очень быстро захватывало листья целыми пучками.

— Что за чудовище! — прошептал Папочкин. — Тело слона, шея лошади, голова тапира и замашки жирафы.

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что нам удалось увидеть редкого представителя подсемейства безрогих носорогов,

остатки которого недавно найдены в Белуджистане, почему этот колосс — крупнейший из сухопутных млекопитающих — получил имя белуджитерия. Он жил в конце олигоцена или в начале миоцена.

Каштанов и Папочкин заметили животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья.

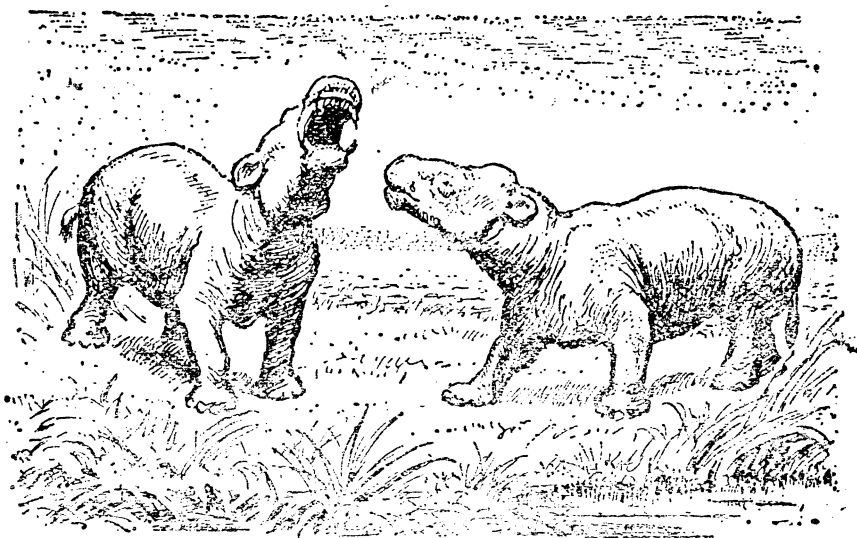
— Действительно колосс! — удивился зоолог. — Мне кажется, что я могу, не сгибаясь, разве только нагнув голову, пройти под его брюхом.

— А если поставить возле него взрослого индийского носорога, то спина последнего окажется также на уровне брюха этого колосса, так что он мог бы сойти за его детеныша.

— Как жаль, что нельзя стать возле него для масштаба при фотографировании, — сказал Папочкин, делая снимки. — Хотя животное как-будто безобидное, но я бы боялся приблизиться; случайным движением ноги оно может переломать кости.

— Снимите дерево вместе с животным; высоту дерева мы потом определим.

Наблюдатели выжидали, пока белуджитерий¹ не отошел в сторону, и посредством горного компаса определили высоту де-

При виде плота корифодон поднял голову и разинул огромную пасть.

рева, а также сместили следы ступней, которые сравнительно с ростом животного оказались небольшими.

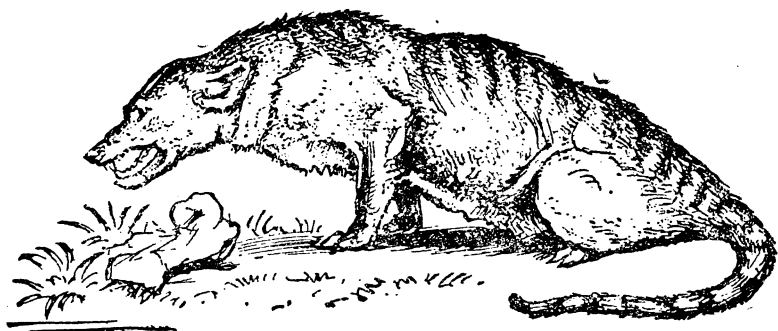
Под вечер того же дня на берегу большого острова заметили парочку корифодонов, крупных толстокожих, которые по форме тела походили на титанотериев и имели уже много общего с ящерами.

¹ В 1915 году в Тургайской области экспедицией Академии Наук найдены остатки подобного же колосса того же подсемейства, названного индрикотерием. Позже американцы в двух местах Монголии откопали кости белуджитериев.

При виде плота самец поднял голову и разинул огромную пасть, в которой красовались в каждой челюсти по два довольно длинных и острых клыка.

Высадиться на остров для охоты не удалось, потому что немного ниже на берегу сидел крупный хищник, пожиравший какую-то добычу. При виде плота он поднялся и грозно зарычал.

Это животное отличалось громадным телом на низких и довольно тонких ногах. Морда у него была длинная, похожая на морду борзой собаки. По своей величине зверь не уступал самому крупному тигру, почему путешественники не решились приблизиться к нему.

На берегу сидел крупный хищник, пожиравший какую-то добычу.

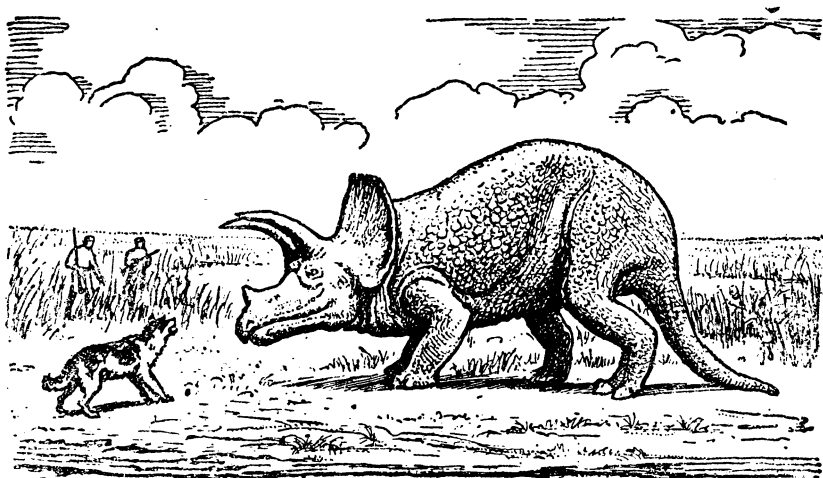
Таким образом в этот день не удалось добыть ни одного из этих новых животных.

На следующий день на берегах реки и на островах по временам замечали пасшихся лошадей, титанотериев, четверорогих носорогов, антилоп, хищных креодонов и других животных. Общий облик фауны, по мнению Каштанова, выдавал ее принадлежность к начальным временам третичного периода.

После обеда причалили для экскурсии в глубь степи, чтобы познакомиться с ее характером в стороне от реки.

Возле одного из озер наткнулись на животное, возбуждившее их особенное внимание. Подобно другим травоядным, оно

мирно паслось, пожирая сочные стебли. Это успокоило охотников, взявшихся было за ружья, когда, пробираясь через кусты к берегу озера, они внезапно увидели чудовище. Даже Генерал, уже привыкший к разнообразным и необыкновенным животным и сразу отличавший хищников от травоядных, обнаружил сильный испуг и ворча, прижимался к ногам Макшеева.

Голова трицератопса — рогатого ящера по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая двух метров в длину.

— Носорог колоссальной величины, — шепнул последний, останавливаясь в кустах, чтобы не испугать чудовище или не раздражить его.

Но животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавало ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов и от быков. Голова по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину; задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные растопыренные уши, но в действи-

тельности это было только украшение или защита верхнейловины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник несомненно увеличивал вес и без того огромной головы и мешал поднимать ее вверх.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко поднимая свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, достигавший почти пяти метров в высоту. Массивное туловище его было покрыто панцырем из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось не длинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров.

— Ну и чудовище, ну и чудовище! — шептал Громеко, рассматривая, как и остальные, необыкновенное животное, которое медленно передвигалось, словно холм, вдоль берега озера, пожирая траву и кусты.

— Что это за зверь? — спросил Папочкин.

— Это должно быть трицератопс, представитель рода динозавров, — ответил Каштанов, — к которому принадлежали различные исполинские ящеры.

— Так это пресмыкающееся! Разве были рогатые пресмыкающиеся? — воскликнул Макшеев.

— Отряд динозавров представляет очень разнообразные формы как хищных, так и травоядных ящеров, крупных и мелких, живших, начиная с триаса и кончая мелом.

— Итак мы уже очутились в меловом периоде! — воскликнул Папочкин. — И чем дальше мы будем плыть по реке, тем больше должны встречать таких чудовищ.

— Хорошо, если они будут столь же безобидны, как этот! — заметил Громеко. — А наткнуться на хищную тварь таких размеров, благодарю покорно! Растерзает прежде, чем успеешь выстрелить.

— Большие животные обыкновенно неповоротливы! — возразил Каштанов. — По-моему сабельные тигры гораздо опаснее этих исполинов.

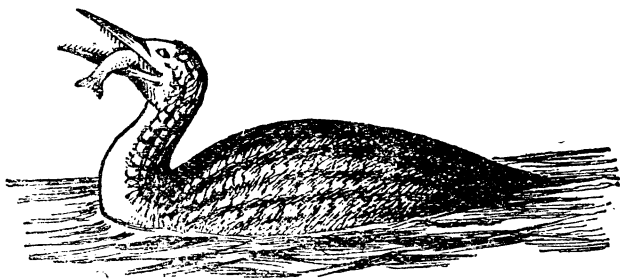
— Нужно бы заставить его поднять голову, — сказал Папочкин, — или выманить на более чистое место. Я уже сделал два снимка, но на обоих не видно ног и конца морды.

— Не выстрелить ли в него? — предложил Макшеев.

— Нет, он или испугается и убежит, или бросится на нас. Такую махину пожалуй и разрывная пуля не скоро свалит с ног.

— Пустим на него Генерала!

Дрожавшую и ворчавшую собаку после уговоров и понуканий удалось заставить напасть на чудовище. Она бросилась с громким лаем в его сторону, остановясь все-таки на почтительном расстоянии. Но эффект нападения собаки был совершен-

Гесперорансы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой.

но неожиданный. Чудовище ринулось в озеро, разбрызгивая целые потоки воды, и скрылось в взбаламученной, илистой пучине.

Все рассмеялись при виде этого позорного бегства, а Генерал, гордый победой, подбежал к берегу и начал неистово лаять на мутные волны, расходящиеся кругами. Через некоторое время среди озера показались два рога и воротник ящера, высунувшего голову, чтобы подышать. Папочкин, державший аппарат наготове, вынужден был ограничиться снимком головы, потому что ящер, глотнув воздуха и видя, что его странные преследователи стоят на берегу, опять погрузился в воду.

На другом озере Генерал выгнал из густых зарослей целую стаю странных птиц. Они достигали величины очень крупного

лебедя, но имели более длинное тело, более короткую шею и очень длинный и острый клюв, усаженный острыми и мелкими зубами. Птицы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой. Одну из них удалось подстрелить.

Рассмотрев ее, Каштанов решил, что это должно быть гесперорнис, зубастая бескрылая птица мелового периода, близкая по строению тела к современным пингвинам. Крылья ее были в зачаточном состоянии и совершенно скрывались в мягком, волосообразном оперении.

25

ПОЯС БОЛОТ И ОЗЕР

После трехдневного плавания через страну сухих степей путешественники достигли ее южной окраины, где растительность сразу изменилась. Берега реки покрылись зеленой чащей хвойных и саговых пальм и папоротников многочисленных видов, большей частью совершенно новых, достигавших высоты человеческого роста. Высокие заросли растений, похожих на камыши, росли в воде вдоль берега, а плоские отмели были покрыты хвощами высотой в полтора метра и с поперечником больше двадцати пяти миллиметров. Из глубины зарослей несло немолкавшее стрекотание, а над водой кружились странные насекомые. Они походили на стрекоз, но в размахе крыльев достигали почти сорока сантиметров; тело их, отливавшее металлическим блеском, имело сантиметров двадцать в длину; одни были золотисто-желтые, другие сталью-серые, третьи изумрудно-зеленые, четвертые темно-голубые, пятые -огненно-красные. В солнечных лучах они порхали, реяли, гонялись друг за другом, издавая мелодичный треск, напоминавший щелканье камышей.

Пораженные этой красивой картиной, путешественники сложили весла. Лодка медленно плыла по течению, а гребцы любовались невиданным зрелищем. Папочкин достал сачок и после долгих попыток поймал одну стрекозу; но когда он вынимал ее из сачка, она пребольно укусила палец зоолога своими челюстями, и растерявшийся ученый выпустил ее из рук.

Сплошной зеленый барьер, окаймлявший берега, не позволял причалить, и путешественники, утомленные долгим плаванием, тщетно искали глазами хотя бы небольшую чистую лужайку для ночлега.

Между тем голод давал себя уже чувствовать, а зеленые стены хвощей становились все гуще и гуще.

— Эх, нужно было остановиться в конце степи! — сказал Громеко.

— В другой раз будем умнее, — засмеялся Макшеев.

Километр проходил за километром, а зеленые стены не прерывались. Наконец за поворотом реки на левом берегу ее показалась низкая зеленая полоска. В воду выдавалась длинная и узкая коса, переходящая затем в отмель и поросшая только хвощами. За неимением лучшего решили остановиться здесь и расчистить себе площадку. Лодки ввели в заливчик между косой и берегом, вытащили охотничьи ножи и вступили в бой с хвощами. Но это оказалось не легким делом: толстые стебли, жесткие от обильного содержания кремнезема, плохо поддавались ударам ножа, а срезанные оставляли колючие пеньки, на которых нельзя было ни сидеть, ни лежать.

— Попробуем вырвать их с корнем, — предложил ботаник. — Они не должны крепко сидеть в мягком речном наносе.

Совет оказался хорошим: хвощи легко выдергивались из почвы, и через полчаса путешественники расчистили мягкую площадку для палатки и костра. Но костер не из чего было разводить: зеленые хвощи не горели. Нельзя было не только приготовить ужин, но даже сварить себе чай. Кроме того из хвощей поднялись целые рои растревоженных комаров, в двадцать миллиметров величиной, спастись от которых можно было только дымом костра.

— Пойдите, — сказал Громеко. — Совсем близко, подплывая сюда, я заметил торчавший из чащи ствол сухого дерева. Нужно его добыть!

Вооружившись топорами и веревкой, Громеко и Макшеев отвязали одну из лодок от плота и поплыли вверх по реке. В сотне-другой шагов от стоянки они увидели толстое засохшее дерево с несколькими ветвями, торчавшее в зеленой чаще:

но дерево это оказалось на такой высоте над водой, что его нельзя было достать ни рукой, ни топором.

— Попробуем закинуть веревку за сук, может быть он обломится, — предложил Макшеев.

Громеко удерживал лодку на месте, ухватившись за хвощи, а Макшеев перебросил веревку через толстый сук и начал ее тянуть; сук не обламывался, но все дерево начало трещать.

— Пустите лодку, помогите тянуть! — крикнул он товарищу.

Теперь оба ухватились за веревку, стоя в утлой лодке, и дернули изо всех сил. Дерево рухнуло, ударив с размаха по носу лодки, которая под его тяжестью начала погружаться в воду. Громеко только-только успел схватиться за хвощи и подтянуть к ним корму, как нос лодки скрылся под водой.

— Скандал! Что мы будем теперь делать? — воскликнул Макшеев.

Оба сидели на корме, ногами в воде, одной рукой держались за хвощи, а другой за веревку, которая не позволяла злополучному дереву уплыть по течению.

— Вылезть на берег нельзя, вычерпать воду нечем, остается звать кого-нибудь на помощь, — сказал Громеко.

Оба начали аукать и звать. Сначала никто не откликался, но потом послышался голос Каштанова, спрашивавший, в чем дело.

— Плывите к нам кто-нибудь на помощь, захватите ведро, наша лодка затонула!

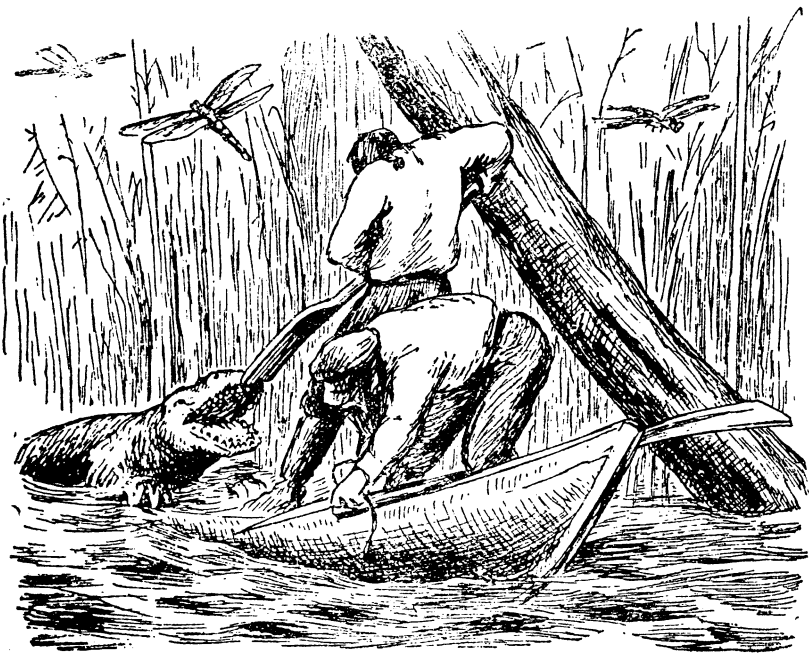
— Сейчас приеду! — раздался ответ.

В это время из воды возле затонувшего носа лодки показалась огромная голова зелено-бурого цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом. Животное некоторое время смотрело на оцепеневших от неожиданности людей, а затем, разинув пасть и обнажив несколько рядов острых зубов, начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже. Показалась короткая и толстая шея, затем часть голого туловища; широкие передние лапы когтями цеплялись за борт лодки.

Отправляясь за дровами так близко от стоянки, охотники не взяли с собой ружей и теперь оказались безоружными лицом

к лицу с каким-то земноводным неизвестной породы, несомненно плотоядным и сильным. Их топоры остались на носу и теперь были в воде, уже под лапами врага.

— Скорее привязывайте свой нож к рукоятке весла! — крикнул Макшеев, — а я попробую задержать чудовище другим веслом.

Макшеев схватил весло и ткнул его со всего размаха лопастью в полураскрытую пасть.

Он вынул свой нож и взял его в зубы, а затем, схватив весло, ткнул его со всего размаха лопастью в полураскрытую пасть. Сильный удар по нёбу и языку ошеломил животное, которое судорожно сжало челюсти. Послышался треск, острые зубы крошили дерево и впивались в жестяную оковку лопасти. Макшеев толкал весло все дальше в пасть, но оно укорачивалось, потому что челюсти работали и выплевывали осколки дерева, окрашенные кровью.

Но вот Громеко, успевший привязать большой охотничий нож посредством ремешков от сапог к рукоятке второго весла, поднялся позади Макшеева и ударил этим импровизированным копьём в глаз чудовища. Последнее, обезумев от боли, рванулось в сторону, вырвало весло из рук Макшеева и исчезло в реке, показав на мгновение свою широкую, буро-зеленую спину с двойным рядом чешуй вдоль хребта и короткий толстый хвост, который ударил по воде с такой силой, что обоих охотников с ног до головы окатило струями и брызгами воды.

Лодка, отдернутая движением чудовища от берега, окончательно погрузилось в воду.

В это время Каштанов, спешивший на помощь, находился уже недалеко от места катастрофы; выплывая из-за поворота, он увидел водяной смерч, поднятый чудовищем, но не понимал, что случилось. Мимо него, покачиваемое волнами, ныряя и всплывая, пронеслось сухое дерево; гребец принял его за крокодила и хотел ударить багром. Но в это время раздался крик Громеко, не желавшего терять добычу, стоившую таких усилий.

— Бревно, ловите бревно! Это наши дрова!

Каштанов подцепил дерево багром, взял его на буксир и подплыл наконец к стоявшим по пояс в воде товарищам.

После некоторой возни подняли лодку, вычерпали из нее воду и вместе с добычей вернулись к палатке, где Папочкин с остервенением отмахивался от комаров, а Генерал спасался от них, забравшись по уши в воду.

Быстро вытащили бревно на берег, нарубили дров, и вскоре весело затрепал костер; наваленные на него хвои дали такой едкий дым, что комары обратились в бегство, а у сушившихся возле огня Макшеева и Громеко градом покатились слезы.

Выслушав их рассказ о нападении водяного чудовища, Каштанов заметил:

— Я думаю, что это был ящер, представитель семейства, вымершего к третичному периоду на поверхности нашей планеты.

— Ихтиозавр, что ли? — спросил Макшеев, помнивший кое-

что из курса палеонтологии, пройденного на горном факультете.

— Нет, не он, судя по вашему рассказу. Ихтиозавр был гораздо больше, имел другую форму головы и жил раньше, в юрское время. Ваш приятель походит скорее на небольшого мелового крокодила.

— Да, с ихтиозавром вы бы так легко не справились, — заметил Папочкин, — а плезиозавр имел шею подлиннее вашего весла и живо подцепил бы вас прямо из воды, а не лез бы в лодку.

— Можно надеяться, что мы со временем встретимся и с этими огромными ящерами, — сказал Каштанов, — судя по тому, что, подвигаясь вниз по реке, мы встречаем представителей все более и более древней фауны. Сейчас мы уже очутились в середине или даже начале мелового периода.

— Да, как животный, так и растительный мир становится все более и более не похожим на то, что мы привыкли видеть на поверхности земли, — прибавил Громеко. — Перемена совершается постепенно, и мы сразу даже не отдаем себе отчета в ней. А если подумать, то вокруг нас все новое: исчезло множество лиственных деревьев, цветов, злаков, преобладают пальмы, осоковые и голосеянные, появились в изобилии тайнобрачные.

— Это подземное царство таит еще много неожиданного, и нам нужно быть более осторожными. Ни шагу без ружья с разрывной пулей!

— Я думаю, нам следует только немного отдохнуть, пока не сварится ужин, поесть и продолжать путь до более удобного места. На большой костер для защиты от хищников у нас нехватит дров, — заявил Громеко.

Все согласилось с этим мнением. Вытащили пострадавшую лодку для просушки и починки, поужинали, поспали часа два вокруг дымокура и снова пустились в плавание, захватив с собой остатки дров. Еще часа два тянулась все та же непроницаемая чаща с каймой камышей и хвощей. В тихих местах рыба плескалась или выскакивала из воды, спасаясь от погони. Иногда можно было заметить, как вслед за выскочившей рыбой из

воды на мгновение появлялась противная морда ящера с равинутой пастью, после чего водовороты и расходившиеся круги обнаруживали, что в водную пучину быстро погрузилось крупное тело. По временам беззаботно реявшие стрекозы разлетались во все стороны, прячась в листве и камышах от большой голубой птицы с огромным клювом, которая налетала откуда-то с сильным шумом и налету хватала зазевавшееся насекомое.

Наконец зеленые стены начали раздвигаться, течение реки стало медленнее и водная гладь расширялась все больше и больше — река превратилась в озеро, среди которого виднелись острова. Один из островов привлек к себе внимание путешественников. Только одна половина его была занята высокой чащей леса, а другая представляла довольно большую лужайку с несколькими, частью засохшими деревьями. К ней и поспешили причалить.

Эта луговая половина острова была покрыта низкой, но жесткой травой, которая при рассматривании оказалась особым видом плауна. Лужайка находилась в верхней половине острова, а ветерок тянул вниз по воде. В топливе не было недостатка; поэтому решили устроить вдоль опушки чащи несколько хороших дымокуров, чтобы выгнать с острова всех хищников и обеспечить себе покой.

Когда затрещали костры и клубы дыма потянулись в глубь чащи, из последней начали вылетать мелкие птицы и разные насекомые, иные падали на землю и дали зоологу возможность набрать интересную коллекцию незнакомых видов. Затем на лужайку выбежало странное и страшное существо, очень напоминавшее дикобраза, но величиною с крупного быка, — его иглы имели около метра в длину.

Ощетинившись и превратившись в нечто вроде огромного колючего шара, животное пробежало мимо оторопевших людей и скрылось в камышах.

Вслед за ним короткими и высокими прыжками выскочило из чащи животное, облик которого напоминал хищника. Оно было темножелтой масти с кошачьей головой, довольно длинным и толстым хвостом, короткими ногами и тупой мордой,

оскалившей острые зубы. В общем, оно было похоже на большую — почти в два метра длиною — речную выдру, отличаясь от нее только более заметными ушами и короткой гривой. Хотя оно не обнаруживало намерения нападать и прокрадывалось вдоль опушки к воде, но облик его так заинтересовал Каштанова, что он уложил хищника удачным выстрелом.

Зверь действительно оказался интересным: в его пасти нельзя было различить ни плоских резцов, ни остро-бугорчатых коренных зубов, как у хищников позднейших времен. Все зубы были более или менее острые, конические, как у пресмыкающихся. Только передние, заменявшие резцы, были немного меньше других и несколько сдавлены, сидевшие по бокам челюсти — несколько больше, а клыки превышали все остальные по величине и выдавались над ними в обеих челюстях, особенно в верхней.

— Вот интересный пример первобытного млекопитающего, имеющего еще зубы ящера, но уже с началом той дифференцировки, которая развилась в позднейшие периоды, — сказал геолог.

Из чащи больше никто не появлялся, так что путешественники могли наконец отдаться давно заслуженному отдыху, конечно под охраной очередного караульного, поддерживавшего дымокуры, спасавшие от жалящих насекомых. Благодаря этому спали спокойно.

На следующий день продолжалась местность того же характера, как и накануне под вечер. Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом реяли цветные стрекозы и огромные рогатые жуки, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которой могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-серого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птицу удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, пред-

ставлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля и было покрыто сине-серыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, т. е. имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелись по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазать по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностями. Рассмотрение животного привело Каштанова к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнеюрских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвощами и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к прозябанию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к зеленой стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары, длиной в двадцать пять миллиметров, мухи, величиной со шмеля, оводы и слепни, крупнее четырех сантиметров, состязались в этих крылатых атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком ночлеге среди полчищ этих мучителей.

Несколько часов плыли по этой болотистой местности, налегая дружно на весла, чтобы скорее из нее выбраться. Животный мир здесь повидимому ограничивался насекомыми, первобытными птицами в воздухе, рыбами и ящерами, таившимися в темной и глубокой воде и выдававшими свое присутствие всплесками и водоворотами. Существование четвероногих наземных животных в болотистых зарослях повидимому было невозможно.

— И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуса? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Но вот с юга пахнуло свежестью и по временам можно было различить какой-то равномерный шум, доносившийся оттуда.

— Впереди большое открытое озеро с голыми берегами или море, — сказал Макшеев. Он первый уловил этот шум.

— Море? — удивился Папочкин. — Неужели в Плутонии имеется даже море?

— Если есть реки, в чем мы не можем сомневаться, они должны впадать в конце концов в какой-нибудь бассейн со стоячей водой. Не могут же реки течь бесконечно.

— А разве реки не могут теряться в болотистых озерах, подобных тому, по которому мы едем, или иссякать в песках?

— Совершенно верно! Но при обилии воды вероятнее существование открытого бассейна, тогда как полузаросшее озеро, по которому мы плывем, составляет только его преддверие.

26

МОРЕ ЯЩЕРОВ

Всех интересовал вопрос, какие размеры имеет этот бассейн, не поставит ли он предел их путешествию в глубь Плутонии, потому что пускаться на парусиновых лодках в глубь безбрежного моря было бы конечно невозможно.

Через час впереди, в конце широкой полосы реки-озера с почти незаметным течением, показалась синяя кайма. Устье реки было близко. Налегли сильнее на весла и еще через полчаса подплыли к началу озера или моря.

Растительность, окаймлявшая берега реки, не доходила до самого берега моря, а была отделена от воды широкой оголенной полосой песка. Очевидно прибой волн не давал ей возможности укрепиться у самой воды.

На этом песчаном пляже, обвеваемом морским ветерком и свободном от докучливых насекомых, путешественники расположились на ночлег.

Выгрузив на берег вещи и разложив костер, все побежали к морю, чтобы убедиться, какая в нем вода. Они хотели узнать, является ли море конечным замкнутым бассейном с соленой

водой или только большим проточным озером. Кроме того всем хотелось купаться, потому что за последние дни, с тех пор, как убедились в существовании крупных ящеров в водах реки, от купанья пришлось отказаться.

Быстро раздевшись на мягком песчаном берегу, все вошли в мелкую воду, глубина которой увеличивалась очень медленно и только шагах в пятидесяти от берега достигла до пояса. Она оказалась заметно соленой, но не в такой степени, как в океанах поверхности земли; ее можно было сравнить с водой Балтийского моря.

Освежившись купаньем, путешественники стали обсуждать вопрос о дальнейшем плавании. Море оказалось не безбрежным: на южной стороне горизонта можно было различить противоположный берег даже простым глазом, а хороший бинокль показывал совершенно отчетливо зеленую стену зарослей, более высокие группы деревьев, местами же темные, лиловатые массы — вероятно скалы и обрывы. Позади зеленой стены, благодаря вогнутости земной поверхности, также можно было видеть, но уже менее ясно, сплошную поверхность того же лиловатого цвета и кое-где группы более высоких гор. Такой характер местности возбудил во всех исследователях желание перебраться на южный берег. Это не было невозможным; до него не могло быть больше сорока—пятидесяти километров, и в тихий день, с легким попутным ветром, позволявшим воспользоваться парусом, можно было бы без особенного риска пуститься в плавание.

В виду неудачной охоты последних дней в поясе болот и озер, запас мяса иссяк, и на ужин варилась только каша. Но Макшеев и Папочкин предприняли рыбную ловлю; во время купанья они заметили крупную рыбу, поэтому захватили удочки и отправились вверх по берегу реки к тому месту, где она выходила из зарослей и вода была глубже. Довольно долго поплавки оставались спокойными, и рыболовы уже думали переменить место, как вдруг рыба стала сразу сильно клевать.

Макшеев подсек и выбросил на берег крупную рыбу, но у Папочкина добыча оказалась настолько тяжелой, что могла оборвать лесу, поэтому он начал подводить попавшуюся рыбу

к берегу, чтобы подцепить ее сачком. И вдруг вода вздулась пузырем, удочку рвануло, и какая-то темная масса унесла пойманную рыбу вместе с крючком; рыболов успел рассмотреть только спину, покрытую крупной чешуей, и короткий хвост.

Макшеев, занятый сниманием своей рыбы с крючка, услыша сильный всплеск воды, закричал:

— Ну и рыбина попалась вам, Семен Семенович, должно быть килограммов в восемь весом!

— Не в восемь, а в восемьсот! — ответил пораженный ужасом зоолог, — она оборвала мою удочку и ушла.

Макшеев подбежал к нему и принес показать свою рыбу. Это было очень странное животное — широкое и плоское, как камбала, покрытое грубой чешуей, состоявшей из пластинок в квадратный сантиметр, с однолопастным хвостом, глазами на одной стороне тела и длинными шипами вдоль спины.

— Можно ли есть такое чудовище? — спросил он с сомнением.

— Конечно можно, оно похоже на камбалу, хотя и имеет отличия от нее. Я думаю, что это скат. Вообще можно есть всякую свежую рыбу, потому что ядовитыми бывают только у некоторых родов икра, молоки или черная пленка, выстилающая брюшную полость. Если удалить все внутренности, можно есть рыбу и незнакомого вида — разве что мясо ее окажется вонючим или слишком костистым.

— В таком случае попробуем и половим еще. А какой вид имела ваша удравшая рыбина?

— Я думаю, что это была не рыба, а крупный ящер, который оборвал пойманную рыбу и проглотил ее вместе с крючком и куском леси.

— Эге, видно и здесь водятся эти хищники! А мы так беззаботно купались в море.

— Да, нужно быть осторожнее. Ведь в морях юрских времен, — а это море повидимому перед нами, — водились огромные ихтиозавры, плезиозавры и другие хищные ящеры, которым ничего не стоило бы перекусить человека пополам.

— А акулы в те времена еще не существовали?

— Тоже были. Эти хищники известны чуть не с девонского

периода и достигали огромной величины. Найдены зубы их длиной в семьдесят сантиметров. Представьте себе пасть, соответствующую таким зубам!

Рыболовы опять закинули удочки и вскоре поймали крупных рыб, похожих на современную стерлядь. Пойманные рыбы были тотчас же вычищены и попали в уху. Пока она варилась, рыболовы наловили еще десяток таких же обитателей глубин.

После ужина все сидели возле палатки, покуривая трубки и обсуждая предстоящее плавание по морю, которое тихо плескалось на песке, усыпанном раковинами различных моллюсков, возбуждавших большой интерес геолога.

Пока товарищи ловили рыбу, он набрал целую коллекцию и определил, что они относятся к аммонитам.

— Смотрите, — прервал беседу возглас Громеко, — какие огромные морские змеи!

На расстоянии около ста метров от берега над поверхностью моря поднялась одна, а затем другая голова, сидевшие на длинной шее; головы были плоские, как у змеи, а шеи грациозно извивались. Казалось, что плывут два огромные черные лебедя, туловища которых чуть поднимались над водой.

— Это не змеи, — сказал Каштанов, — разглядывая животных в бинокль. — Я уверен, что это не кто иной, как плезиозавры, присутствие которых в верхнеюрском море вполне возможно.

— Какие чудовища! — заметил Папочкин, также следивший в бинокль за движением животных. — Я думаю, что шея у них имеет не меньше двух метров в длину.

— А к нам в гости они не пожалуют? — спросил Громеко, который помнил еще приключение в лодке с ящером.

— Кто знает? Но я думаю, что на суше они очень неповоротливы, и мы сумеем уйти от них. На всякий случай зарядим ружья разрывными пулями.

Но морские чудовища не обнаруживали желания вылезать на сушу; они начали нырять, преследуя рыбу. Тихо плывя вдоль берега, они высматривали добычу впереди себя, затем быстрым движением шеи и головы схватывали ее, подбрасывали в воздухе и подхватывали уже с головы, чтобы глотать

не против шипов и чешуй, а по ним. Движение плезиозавров при этом были очень быстры и грациозны. Но иногда намеченная жертва ускользала, и тогда животное в погоне за ней почти выскакивало из воды, с шумом рассекая волны и вытягивая шею далеко вперед.

Эта рыбная ловля плезиозавров, за которой путешественники следили с большим интересом, кончилась дракой. Оба плезиозавра одновременно схватили одну и ту же рыбу, вероятно достаточно крупную, и каждый старался вырвать ее из пасти другого.

Одному это удалось, и он пустился наутек, второй преследовал его, догнал и обнял своей шеей шею противника, чтобы заставить его выпустить рыбу. Спутавшиеся шеи извивались то в ту, то в другую сторону, темные тела напирали друг на друга, короткие хвосты и ласты-плавники бешено били по воде, разбрызгивая ее фонтанами. Наконец один плезиозавр, рассвирепев, выпустил рыбу, вонзил зубы в шею соперника и повлек его в глубину. Вода долго еще волновалась над тем местом, где скрылись чудовища.

Через час Громеко и Каштанов, собиравшие по берегу выброшенные волнами куски деревьев для ночного костра, увидели темную массу, качавшуюся на волнах. Ее несло вдоль берега, постепенно приближая; наконец она остановилась, вероятно попав на мель.

Возвратившись с дровами к палатке и застав двух товарищей уже спящими, они отвязали одну из лодок и поплыли к темной массе. Оказалось, что это один из плезиозавров, на трупе которого уже сидели какие-то крупные птицы и клевали его; другие, поменьше, кружились в воздухе над ними, очевидно ожидая своей очереди, чтобы поживиться, и издавая звуки, напоминавшие кваканье огромных лягушек. Движения их при полете напоминали летучих мышей. Пришлось разогнать стаю несколькими выстрелами, чтобы приблизиться к трупу, голова которого с верхней частью шеи держалась только на лоскутах кожи, изорванной зубами соперника. Мертвое животное плыло брюхом вверх, выставив из воды свои огромные ласты-

плавники. Брюхо было покрыто голой кожей буро-зеленоватого цвета.

Вытащить плезиозавра на берег не было возможности: его туловище имело более двух метров в длину, хвост немного меньше, а шея больше; задние лапы достигали почти полутора метров.

Подстреленные птицы оказались летающими ящерами двух родов: более крупные (птеродактили) по величине превышали орла, мелкие достигали размеров крупной утки.

Те и другие имели огромную голову с зубастым клювом, голое туловище и летательную перепонку, соединявшую передние и задние конечности, как у летучей мыши. Мелкая порода обладала длинным хвостом.

27

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ МОРЕ

На следующий день погода оказалась вполне благоприятной для плавания по морю. Небо было почти безоблачно, дул слабый северный ветер, позволявший применить парус, но не разводивший большой волны. Готовясь в путь, тщательно осмотрели лодки и плот и растянули палатку между двумя баграми, служившими вместо мачт. На пирамиде из плавника, сооруженной Макшеевым на берегу, поставили еще жердь с белым флагом, который должен был служить сигналом для обратного пути. Несколько дальше от берега, у самого края зарослей, куда прибой мог достигать только в исключительных случаях, в песке вырыли яму и спрятали в ней собранные коллекции — горные породы, гербарии, черепа, кости и шкуры животных, чтобы не рисковать их подмочить при плавании и не везти лишнюю тяжесть. Над засыпанной ямой устроили вторую пирамиду из плавника, чтобы какие-либо хищники не могли разрыть ее, привлекаемые запахом шкур. В бутылочке подвесили к пирамиде краткое описание пути экспедиции от юрты до берега моря.

Покончив с этими работами, путешественники уехали в

На трупe плезиозавра сидели какие-то крупные птицы и клевали его.

лодки и пустились в путь, держа курс прямо на юг, к чуть видневшемуся вдаль противоположному берегу. Когда судно несколько отдалилось от берега, ветер надул парус, и движение сделалось более быстрым.

Отплыв от северного берега моря, путешественники лучше могли судить о его общем характере. В обе стороны, на восток и на запад от устья реки Макшеева, берег был окаймлен той же высокой зеленой стеной, разорванной в немногих местах устьями подобных же рек. Пирамида с флагом хорошо выделялась на зеленом фоне. Ни гор, ни даже холмов позади полосы зарослей не было видно, и очевидно местность, прилегавшая к этому берегу моря, на значительное расстояние представляла низменную равнину, вероятно сплошь лесистую и болотистую.

После двухчасового плавания сделали отдых, предоставив судну плыть только под парусами.

Море было почти спокойно. Легкий ветерок чуть рябил его поверхность, совершенно пустынную вдаль от берегов. Глубина была велика, так как шнурок с грузом, длиной в сто метров, не достал дна. Других средств измерения у путешественников не было. Отдохнув, они взялись опять за весла и гребли еще час.

Теперь они находились приблизительно на середине моря, потому что оба берега казались одинаково далекими. Вскоре ветер немного посвежел. Поплыли быстрее. Уже хорошо различались высокие утесы черного, лилового и красноватого цвета, поднимавшиеся уступами в глубь страны. Они тянулись вдоль самого берега, а правее уступали место зеленой стене леса; эта стена еще дальше вправо сменялась высокими красноватыми холмами, то доходившими до самой воды, то отделенными от нее узкой полосой зелени.

По мере приближения к берегу море начало оживляться; появились огромные медузы, до метра в диаметре, покачивавшие свои прозрачные студенистые тела на волнах; когда переставали грести, в воде можно было различить стаи мелких и крупных рыб. По временам показывались наутилусы, распу-

стившие свои паруса и красные щупальцы поверх белоснежной раковины.

В двух километрах от берега количество обитателей моря сделалось еще больше. Местами водоросли образовывали целые пловучие острова, и весла погружались с трудом в их зеленую мягкую массу; вместе со стеблями этих растений можно было добывать из моря мелких ракушек, рыбок и насекомых.

Бросили свой импровизированный лот; глубина оказалась двадцать пять метров. Отсюда уже хорошо видна была белая полоса прибоя у подножия утесов.

До сих пор плавание шло как нельзя лучше и походило на увеселительную прогулку. Но путешественникам суждено было испытать и тревожные моменты. Примерно в километре от берега из воды быстро поднялась на расстоянии каких-нибудь тридцати метров от судна голова плезиозавра и, грациозно покачиваясь на длинной шее, стала подвигаться навстречу. Ящер плыл медленно, разглядывая людей, которых вместе с их судном очевидно принял за какого-то большого невиданного зверя.

Ружья с разрывными пулями были наготове и, когда плезиозавр приблизился, грянули два выстрела. Обе пули попали в цель; стройная шея содрогнулась, кровь хлынула из полуоткрытой пасти, голова беспомощно повисла на раздробленной шее, и животное начало биться на воде, поднимая такие волны, что мореплавателям пришлось поскорее отплыть подальше, чтобы их не затопило.

Они усиленно гребли к берегу, когда мимо них, вздымая две гряды волн, словно подводная лодка, промчалась темная масса; из воды выдавалась зелено-бурая спина и длинная огромная голова, напоминавшая голову крокодила. Полукоткрыв пасть, усаженную острыми зубами, чудовище стремилось к умиравшему плезиозавру, рассчитывая на легкую поживу.

— Это вероятно ихтиозавр! — воскликнул Каштанов, провожая глазами страшного ящера.

— Ну, эта гадина будет похуже той, — заметил Макшеев, — он свободно может схватить и перекусить пополам человека.

— И его трудно заметить и пристрелить в воде, — сказал Громеко.

Берег был уже недалеко; подплывая к нему, исследователи имели еще возможность видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой, которая спасалась от него, выскакивая из воды, совершенно так же, как выскакивают пескари, гольяны, язи, преследуемые прожорливой шукой; пасть ихтиозавра имела большое сходство с пастью шуки.

Отклоняясь от бурунов у подножия обнаженных скал, путешественники гребли к низкому берегу, окаймленному зеленой стеной, где виднелась ровная песчаная площадка, удобная для стоянки. Но море у берега было настолько мелкое, что пришлось вылезть из воды и тащить руками лодки и плот. Переезд через море занял около шести часов, время было близко к полудню, и после обеда и отдыха можно было еще побродить по окрестностям.

Плот и лодки вытащили на берег, расставили палатку и стали варить обед. При этом обнаружили, что пресная вода на исходе.

— Мы поступили очень неосторожно, — сказал Папочкин, — кто знает, есть ли на этом берегу пресная вода? Нужно было взять с собой воды на несколько дней.

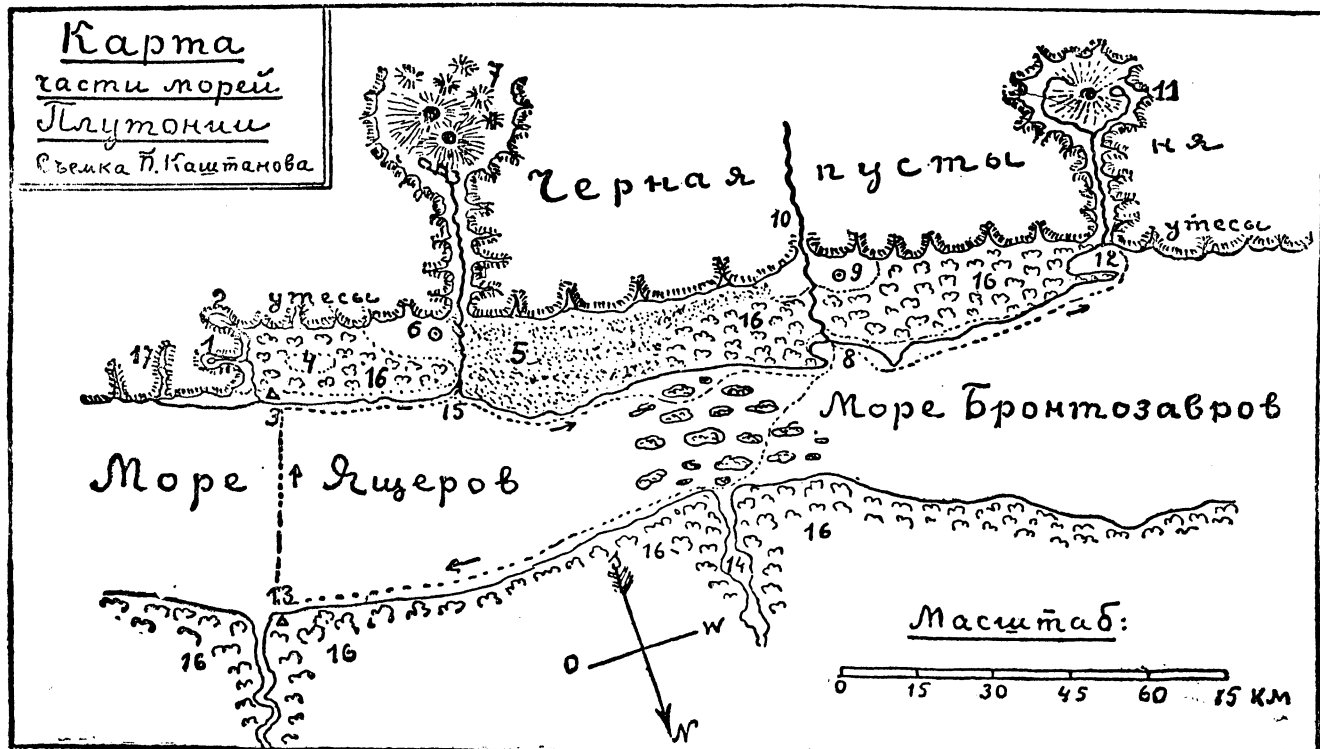
— Если мы воды не найдем, придется плыть обратно через море, почти ничего не увидев на этом берегу, — заявил Громеко.

— Я думаю, что ваши опасения напрасны, — успокоил Каштанов. — Если бы этот берег был совершенно лишен растительности, тогда другое дело. Но тогда бы мы конечно привезли с собой пресную воду, на эту мысль навел бы нас его пустынный характер.

— Я уверен, что мы по соседству найдем или ручей, или источник, — сказал Макшеев, — потому что эта пышная растительность не может существовать на соленой воде.

После обеда и отдыха зоолог и ботаник отправились в лес за водой, а Каштанов и Макшеев должны были заняться осмотром береговых утесов к востоку от стоянки. Все вооружились ружьями, заряженными разрывными пулями, на случай встречи

Карта
части морей
Плутонии
Рисунка П. Каштанова

- 1 — озеро стегозабра; 2 — ущелье птеродактилей; 3 — место высадки; 4 — поляна игуанодонов; 5 — песчаные холмы; 6 — муравейник № 1; 7 — вулкан Сатаны; 8 — бухта Рыбная; 9 — муравейник № 2; 10 — речка Муравьиная; 11 — вулкан Ворчун, озеро Отшельника и р. Папоскина; 12 — бухта убежища; 13 — устье р. Макшеева; 14 — река Громеки; 15 — устье р. Серной; 16 — лес колючей, папоротников и пальм; 17 — ущелье миллиардов.

с сухопутными ящерами или какими-нибудь другими хищниками. Генерала привязали у палатки, а в стороне разложили большой костер, который должен был пугать незваных гостей.

28

МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИАРДЫ МАКШЕЕВА

Ближайшие утесы почти черного цвета с красными и желтыми пятнами и подтеками на поверхности оказались состоящими из железной руды — сплошного магнитного железняка. Каждый удар молотка по скале обнаруживал эту руду, и только местами можно было заметить гнезда и вкрапления какой-то другой темной породы.

— Какие богатства лежат здесь бесполезно! — воскликнул Макшеев, когда они осмотрели ряд береговых утесов, и везде оказалась руда, с поверхности только немного выветрившаяся и окислившаяся.

— Да, здесь можно было бы устроить рудник, который снабжал бы рудой все человечество на земной поверхности, — заметил Каштанов. — Конечно раньше пришлось бы построить железную дорогу через Плутонию и землю Нансена и поставить гигантские ледоколы в море Бофора.

— Это — дело будущего, вероятно не слишком далекого! Когда сократятся запасы железной руды там наверху, и не такие предприятия окажутся выгодными и необходимыми для человечества.

На расстоянии километра от начала утесов дальнейший осмотр берега был остановлен морем, волны которого разбивались у самого подножия отвесных скал, не оставляя даже узкой тропинки для прохода.

— Придется осматривать дальше с лодки в тихую погоду, — заметил Макшеев.

— А пока не попробуем ли мы пробраться вверх по одному из ущелий, мимо которых прошли? — предложил Каштанов.

Вернувшись немного назад, оба исследователя углубились в первое же ущелье, врезанное в утесы железняка. Устье его было завалено громадными глыбами руды, через которые приходилось перелезать с большим трудом. Во время этого гимнастического упражнения Макшеев вдруг остановился пораженный.

— Посмотрите-ка, что это? — воскликнул он, указывая на блестящую яркожелтую жилку, толщиной в пять—десять сантиметров, пересекавшую огромную глыбу магнитного железняка. — Держу пари на что угодно, что это чистое золото!

— Вы совершенно правы! — ответил Каштанов, — это самородное золото и довольно высокой пробы.

— Ну, и богатства здесь валяются! — воскликнул бывший золотоискатель. — Много месторождений золота пришлось мне видеть в Калифорнии и в Аляске, но такой жилы сплошного золота я еще не встречал и даже не слыхивал о чем-либо подобном.

— Мне также не приходилось читать в описаниях о подобных жилках, — подтвердил Каштанов. — Но ведь она проходит только в глыбе, а не в скале, и богатство ее, в конце концов, ограничивается несколькими десятками килограммов.

— Если есть жилка в глыбе, почему не может найтись ее продолжение в утесе, от которого глыба оторвалась?

— Разумеется! Мы конечно поищем, но возможно, что она выходит наружу в совершенно неприступном утесе, и мы будем смотреть на нее, как лисица на виноград. «Хоть видит око, да зуб неймет!»

— Нет утесов недоступных для динамита и горных работ! — с увлечением вскричал Макшеев. — Лишь бы найти ее!

— Я думаю, что интерес этой находки будет для нас чисто теоретический. Мы не можем увезти с собой на наших ладьях не только тонну, но даже и сотню килограммов золота.

— Ну так что же! Увезем, сколько можно, а затем снарядим специальную экспедицию в недра земли за золотом.

Осмотрев утесы, возвышавшиеся в устье ущелья над грудой глыб, и убедившись, что в них золота не видно, геологи пошли вверх по ущелью, которое далее немного расширялось. Его

бока поднимались отвесно, дно было усыпано щебнем и мелкими обломками. В боках виден был только магнитный железняк, но среди щебня Каштанов заметил и другие породы.

— Вот вам еще золото! — сказал Макшеев, пройдя вверх по ущелью шагов пятьдесят. Он поднял обломок руды, в который золото было вкраплено мелкими точками.

Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало подниматься вверх, а затем превратилось в ряд уступов. Преодолев первые из них, геологи остановились перед совершенно отвесной скалой, вышиной в четыре метра, преградившей им путь, так как на гладкую стену железняка вскарабкаться не было никакой возможности.

Макшеев с огорченным видом стукнул молотком по отвесной стене и воскликнул:

— Дальше ходу нет, и наши надежды на золотую жилу ухнули!

— Да, придется искать другое ущелье.

— Ну, что это! — рассердился Макшеев. — Вместо того, чтобы дать нам золото, утес хочет отнять у меня единственный молоток.

Этот возглас объяснялся тем, что молоток словно прилип к стене, и золотоискатель напрасно старался оторвать его.

В это время Каштанов, который рассматривал породу возле уступа, повернулся к ней спиной, на которой висело ружье, и почувствовал, что какая-то могучая сила притянула его к себе. Ружье брякнулось о стену, и геолог оказался не в силах от нее оторваться.

— И сильна же магнитность этой руды! — воскликнул он, сообразив, в чем дело. — Это магнитный железняк притянул к себе и ваш молоток, и мое ружье!

— Но как же мы освободим их? Не оставлять же такие необходимые вещи тут на вечную память о нашей неудачной экскурсии?

Каштанов вылез из ремня, а ружье осталось плотно приставшим к стене. В это время Макшеев, взявшись обеими руками за молоток, дернул его изо всех сил и оторвал от стены. За-

тем оба взялись за ружье и соединенными силами отделили и его от утеса.

— Делать нечего, идем назад! — предложил Каштанов. — С железными предметами в руках мы только измучимся.

— Постойте, я придумал средство взобраться выше. Ружья мы оставим здесь: в этом голом ущелье никакого зверя быть не может.

— Ну, и потом?

— А вот, смотрите!

Макшеев набрал среди щебня на дне ущелья угловатые, достаточно крупные куски руды и начал их приставлять ровной стороной к отвесной стене уступа; они тотчас же прилипали и держались крепко. Прилипшие куски образовали лестницу, по которой с некоторым риском можно было залезть наверх.

— Удивляюсь вашей находчивости, — сказал Каштанов. — Вы настоящий золотоискатель, который выходит с честью из любого затруднительного положения.

— Благодарю за комплимент! На эту идею меня навел мой молоток. Когда он торчал у стены рукояткой ко мне, а я давил на него рукой и не мог сдвинуть с места, у меня и явилась мысль — вот тебе ступенька лестницы; остальное понятно.

Оставив ружья, патронташи и сумку с собранными образцами руды на дне ущелья, геологи полезли наверх. Впереди лез Макшеев и продолжал лестницу из кусков, которые подавал ему снизу товарищ. Через пять минут оба были наверху.

Ущелье сохраняло тот же характер: отвесные стены справа и слева, ряд уступов на дне и везде сплошная более или менее магнитная руда. Вскрабавшись еще шагов на двести, геологи увидели на дне ущелья глыбу, величиной с бычачью голову, яркожелтого цвета, — это было сплошное золото.

— Ну-ка, золотоискатель, унесите-ка этот кусочек к нам в лагерь! — засмеялся Каштанов.

— Да, почтенная штучка, — ответил Макшеев, толкая ногой глыбу, которая и не шевельнулась. — Я думаю, эта штучка весит килограммов восемьдесят и стоит около ста тысяч рублей! Очевидно золотая жила близко!

Поднявши головы вверх, оба начали внимательно осматри-

вать отвесные бока ущелья и вскоре справа, на высоте около четырех метров, увидели среди темного магнитного железняка желтую жилу золота, шедшую наискось; она то раздувалась до полуметра, то сжималась, давала отпрыски вверх и вниз.

— Миллионы, миллионы перед нами! — вздохнул Макшеев, окинув взором видимую длину жилы. — Здесь десятки тонн золота прямо на виду!

— Вы слишком увлекаетесь золотом, — заметил Каштанов. — Пусть эта жила стоит десятки миллионов, но ведь это только жила! А ее окружает целая гора ценной железной руды, миллиарды тонн, которые стоят миллиарды рублей.

— Но весьма вероятно, что и жила не одна; возможно, что целые участки горы состоят из золота и тогда его запасы будут стоять тоже миллиарды рублей.

— Если бы мы стали добывать такие массы золота, его рыночная цена быстро бы упала. Оно потому так дорого, что его в природе мало. А значение золота в жизни человечества гораздо меньше, чем значение железа, без которого современная техника не может обходиться. Уничтожьте золотую монету и бесполезные золотые украшения, и спрос на золото окажется очень небольшим.

— Вы увлекаетесь ролью железа, — возразил Макшеев. — Если бы золота было много, оно заменило бы многие металлы, особенно в сплавах с медью, цинком, оловом. Техника предъявляет большой спрос на прочные, не окисляющиеся металлы и сплавы. Из дешевого золота начали бы делать бронзу, проволоку и многое, на что теперь поневоле берут медь и ее сплавы.

— Все-таки здесь бесспорно громадные запасы железа и проблематические, сравнительно небольшие запасы золота.

— Ну хорошо, вы берите себе запасы железа, а мне предоставьте золото, когда мы вернемся сюда, чтобы разрабатывать их, — засмеялся Макшеев.

— Могу предоставить вам и железную руду, пусть эти миллионы или миллиарды будут вашей добычей! — ответил такой же шуткой Каштанов.

Вернувшись к берегу моря, исследователи осмотрели еще не-

сколько подобных же ущелий. Везде стены состояли из железной руды, местами с прожилками и гнездами золота. Но толстой жилы, подобной найденной в первом ущелье, больше не встречали, так что Макшеев вынужден был признать, что богатства, представленные железной рудой, несравненно больше, чем те, которые давало золото. Тяжело нагруженные образцами миллионной и миллиардной руды, геологи пришли наконец к палатке, где поразили своим рассказом товарищей, вернувшихся немного раньше.

29

ЛЕС ХВОЩЕЙ

Песчано-галечный пляж моря был ограничен со стороны суши густой растительностью; друг возле друга стояли огромные хвощи, достигавшие восьми—десяти метров в высоту. Зеленые ветки их начинались на небольшой высоте над землей, так что под ними можно было пробираться только ползком или сильно согнувшись. Между хвощами росли древовидные папоротники разных видов. В общем, получалась чаща, почти непроходимая для человека.

Папочкин и Громеко начали искать тропу или естественный разрыв в чаще и наконец нашли узкое сухое русло, пролегавшее по границе между утесом и лесом. Недалеко от моря русло раздвоилось: левая ветвь продолжала идти между утесами и лесом, правая уходила в глубь чащи. Растительность здесь немного изменилась: кроме хвощей и папоротников, попадались саговые и другие пальмы, которые поднимались на несколько метров выше хвощей. Почва в лесу была покрыта мелкой травой, жесткой, как щетина. Вдоль русла, на краю лесной чащи теснились и другие растения. Громеко то и дело произносил названия и приходил все больше и больше в ботанический азарт.

— Знаете ли, — воскликнул он наконец, — в каком геологическом периоде мы сейчас находимся?

— Уж не в каменноугольном ли? — буркнул зоолог, который

не имел пока еще никакой научной добычи в лесу и только переколот себе руки о колючую траву.

— Эка куда хватили! Разве ихтио- и плезиозавры водились в каменноугольное время? Благодаря общению с геологами мы уже просветились на этот счет. Нет, батенька, мы сейчас в юрском периоде. Смотрите, вот типичный для него папоротник, вот стройное деревцо гинкго, а эта жесткая травка найдена впервые в юрских отложениях Иркутской губернии на берегу реки Ангары и названа Освальдом Геером, швейцарским палеоботаником, именем геолога Чекановского, открывшего ее.

— Ну и прелесть, стоило ей давать его имя! Она хуже нашей крапивы и ею может питаться разве какой-нибудь ящер с луженой глоткой.

— Легко на помине! — прервал Громеко своего сердитого спутника. — Взгляните-ка на этот маленький следок, это уже скорее по вашей части.

Он остановился среди русла, указывая пальцем на почву. На мелком песке виднелись глубоко вдавленные следы огромных лап с тремя пальцами, оканчивавшимися тупыми когтями; каждый след имел более тридцати сантиметров в длину.

— Ну и чудовище же здесь прошло! — с легкой дрожью в голосе воскликнул зоолог. — Это конечно ящер! Но интересно бы знать — травоядный или хищник? В последнем случае встреча с ним будет не особенно приятна.

Папочкин внимательно рассматривал следы, видневшиеся на песке и исчезающие там, где песок сменялся галькой.

— Странно, что все следы имеют одинаковые размеры, — сказал Громеко. — Передние лапы всегда бывают меньше задних, насколько я знаю. А что это за полоса в промежутке между следами правых и левых ног? Можно подумать, что животное тащило за собой огромное бревно.

Папочкин рассмеялся.

— Это след, оставленный хвостом ящера. И сопоставляя его размеры с одинаковой величиной отпечатков ступней, я полагаю, что животное гуляло только на задних ногах, опираясь на хвост.

— Разве подобные двуногие ящеры известны?

— Известны, и именно из юрского периода. Например игуанодон, походивший на огромного кенгуру и имевший огромные задние и маленькие передние ноги.

— А чем же он питался?

— Растениями, судя по форме его зубов. Если эти следы действительно принадлежат игуанодону, нам бояться нечего, хотя это чудовище достигало в юрское время от пяти до десяти метров в длину.

— Ну и прекрасно! — вздохнул ботаник. — Я все еще помню того отвратительного ящера, который собирался поужинать мною или Макшеевым на реке.

От разветвления русла путешественники решили идти по правой ветви, тянувшейся к подножию утеса, где скорее можно было встретить источник воды, составлявший главную цель экскурсии. Действительно вверх по этой ветви почва становилась все более и более влажной, а мелкая растительность вдоль нее все более пышной и разнообразной.

Вскоре впереди между стеблями растений в русле заблестела вода.

— Мы спасены! — воскликнул Папочкин. — Источник недалеко от нашей стоянки.

— А может быть вода соленая? — поддразнил его Громеко.

— Попробуйте! По виду она пресная.

— Как же вы различаете по виду пресную и соленую воду? Я что-то не умею.

— Вы — ботаник, а не знаете, какие растения бывают вокруг соленой воды!

— Во-первых, здесь юрский период, а какие растения произрастали вокруг юрской соленой воды, мы еще не знаем. Во-вторых, вы сказали, что различаете воду по ее виду, а не по виду окружающих растений.

— Я не так выразился, нужно было сказать: по виду русла. Если бы в источнике была соленая вода, все русло было бы покрыто отложениями разных солей.

Обмениваясь этими замечаниями, Папочкин и Громеко быстро шли вверх по руслу, которое вскоре врезалось узкой щелью в высокие утесы и содержало здесь маленький ручеек

пресной воды, постепенно исчезающий в песке. На последнем в изобилии виднелись большие и малые следы ящеров, приходивших на водопой.

— Сколько их тут ходит! — воскликнул Громеко. — Того и гляди наткнемся на этакое двуногое чудовище.

Утолив жажду, охотники осторожно, приготовив на всякий случай ружья, пошли дальше по ущелью вдоль ручейка. Оно быстро расширялось и превратилось в котловину, окаймленную почти отвесными темнокрасными скалами, красиво оттенявшими зелень кустов и деревьев, росших вдоль их подножья. Среди зеленой лужайки на дне котловины блестело маленькое озеро, на дне которого, очевидно из почвы, выходили ключи. К озеру через лужайку шла широкая, хорошо протоптанная тропа. Дно еле виднелось через прозрачную воду.

Набрав воды в принесенные с собой жестяные сосуды, охотники решили спрятаться в кустах котловины, чтобы выждать, не явится ли какое-нибудь животное на водопой. Но минуты проходили за минутами, а никто не появлялся. Только в воздухе над котловиной реяли несколько стрекоз, еще более крупных, чем те, которые оживляли реку Макшесва; Папочкин следил за ними и вдруг схватился за ружье.

— Что вы, уж не стрекоз ли хотите стрелять разрывной пулей? — рассмеялся Громеко.

— Тише, смотрите туда, на скалу! — прошептал зоолог, указывая на утесы, возвышавшиеся над входом в котловину.

На небольшой площадке стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой ящер, очень похожий на кенгуру; но только он был темнозеленого цвета с бурыми пятнами, а голова его напоминала голову тапира с нависшей хоботообразной верхней губой.

— Вероятно молодой игуанодон! — прошептал Папочкин.

— Жаль, что не кенгуру, — заметил ботаник. — Кенгуру мы бы скушали на ужин, а ящера есть пожалуй не решимся.

— Милый мой, не забывайте, что мы в юрском периоде и птиц или млекопитающих не найдем для продовольствия. Если мы не хотим умереть от голода, нам придется перейти на мясо ящера. Несмотря на ваши ботанические восторги, вы пока еще

не нашли съедобных корней, плодов или трав. Не жевать же нам хвощи или эту поганую Чекановскую траву!

— А рыба? Ведь в море рыба водится.

— Почему вы не боитесь есть рыбу, а боитесь питаться мясом травоядного ящера? Это все предрассудки, которые приходится забыть в этом подземном царстве.

Грянул выстрел. Животное сделало прыжок в воздух и тяжело грохнулось на лужайку ниже озера. Когда оно перестало биться, охотники вылезли из своей засады и подошли к нему.

Молодой ящер был ростом выше человека; его неуклюжее тело покоилось на толстых и длинных задних ногах и толстом, в конце сразу утончавшемся, хвосте; передние ноги были коротки и тонки и имели по пяти пальцев с небольшими острыми когтями, тогда как на задних было по три пальца с большими, но тупыми когтями. По всему складу тела было очевидно, что животное предпочитало вертикальное положение горизонтальному, так как при последнем его задняя половина поднималась значительно выше передней. Голова была большая, довольно противного вида, с обвисшими мясистыми губами и маленькими глазками. Тело было совершенно голое, как у лягушки, а кожа наощупь такая же скользкая и холодная.

— На вид он не очень appetiten! — воскликнул Громеко, тыкая сапогом в толстую ляжку ящера. — Нечто вроде огромной лягушки!

— Если французы с удовольствием едят фрикассе из лягушек, то почему бы русским путешественникам не покушать бифштекс из игуанодона? Но займемся сначала его описанием, а потом четвертованием.

Обмерив, описав и сфотографировав ящера, охотники отрезали у него мясистые задние ноги, весившие каждая почти шестнадцать килограммов, и пошли назад к стану, тяжело нагруженные провизией и водой.

Мясо ящера, поджаренное ломтиками на сковороде, оказалось настолько вкусным и нежным, что даже Громеко, питавший отвращение ко всяким пресмыкающимся и земноводным, поел его с аппетитом.

За ужином обсуждали план дальнейшего путешествия. Спо-

соб передвижения на лодке, оказавший до последнего времени такие услуги, теперь повидимому был неприменим, если только с юга в море не впадала река, вверх по которой можно было бы плыть. В первую очередь и нужно было искать устье такой реки. Во время поисков можно было обследовать и местность по этому берегу и в зависимости от ее характера решить вопрос о дальнейшем маршруте на случай, если бы никакой реки не оказалось. Тогда пришлось бы идти дальше пешком, что конечно сильно ограничивало путешествие.

30

ХИЩНЫЕ И ТРАВОЯДНЫЕ ЯЩЕРЫ

На следующий день довольно сильный ветер развел на море порядочную волну, и брызги прибоя долетали даже до палатки. В такую погоду плавание на утлом судне было невозможно, и путешественники решили вчетвером сделать экскурсию в глубь неизвестной страны, пользуясь руслом, пересекавшим лес.

Так как нельзя было предполагать, что морские ящеры нападут на пустую палатку, возле нее оставили только Генерала, но не на привязи, чтобы в случае опасности он мог спрятаться в чаще.

Выше того места, где русло разделялось на две части, вдоль левой ветви, по которой направились охотники, с обеих сторон продолжалась стена хвощей и папоротников. Только кое-где по чаще извивались узкие тропы, протоптанные небольшими животными. В воздухе, над вершинами деревьев реяли огромные стрекозы и другие насекомые таких же громадных размеров; изредка проносились небольшие птеродактили, преследовавшие этих насекомых. Но лесная чаща казалась совершенно мертвой, необитаемой: не слышно было ни пения птиц, ни шорохов, которыми так изобиловали леса по берегам реки Макшеева. Только один раз шедший впереди Громеко заметил на узкой тропе какое-то темное животное, величиной с небольшую собаку, но оно скрылось так быстро, что он даже не успел прицелиться. Пришлось довольствоваться охотой за насеко-

мыми, и Папочкин добыл мотылька в тридцать пять сантиметров шириною, усевшегося на цветок пальмы, и несколько жуков, величиной с большой кулак, которые пребольно кусались и царапались.

Наконец лес кончился, и охотники вышли на обширную поляну, поросшую той же жесткой травкой, а местами, где почва была влажная, плаунами, мхами и небольшими кустами стелющихся папоротников. На юге поляны доходила до крутого и голого склона темнокрасных гор, поднимавшихся метров на двести и рассеченных глубоким ущельем; оттуда вероятно вытекала вода, заболачивавшая поляну и во время дождей сбегавшая по руслу в море. Поляна имела больше километра в длину и от ста до двухсот метров в ширину.

Геологов манило к себе ущелье в горах, и все направились к нему. Но, отойдя немного, заметили, что на северной окраине поляны, за выступами леса пасется небольшое стадо ящеров.

Одни, стоя на задних лапах, обрывали своими толстыми губами листья пальм и молодые, более нежные побеги хвощей и папоротников. Другие же, исключительно молодые, кормились травой, смешно подняв свой толстый зад выше головы и размахивая хвостом. Иногда они начинали резвиться и гоняться друг за другом то на четырех, то на двух ногах, делая неуклюжие прыжки.

Нельзя было упустить такой интересный случай сфотографировать пасущихся и играющих игуанодонов. Путешественники быстро вернулись к опушке леса и стали подкрадываться вдоль нее к стаду. Им удалось приблизиться и сделать первый снимок, когда игуанодоны внезапно встревожились: взрослые перестали есть, насторожились и затем испустили резкий свист. Услыхав его, молодые поднялись на задние ноги и, неуклюже переваливаясь, подбежали к родителям, которые окружили их кольцом, обратившись спиной наружу.

Второй и третий снимки увековечили эту тревогу игуанодонов, которая оказалась не напрасной. С противоположного конца поляны вдоль опушки леса огромными прыжками в несколько метров длиною приближалось чудовище, которое охотники приняли сначала за игуанодона.

Оно было такого же роста и также пользовалось для передвижения только задними ногами; но когда оно приблизилось, можно было заметить, что оно отличалось от травоядных ящеров более стройным телом и несравненно более быстрыми движениями. Подскакав к кругу игуанодонов, чудовище остановилось и издало громкое шипение, на которое его противники ответили протяжным, жалобным свистом. Затем оно начало кружиться короткими скачками вокруг ящеров, но со всех сторон встречало поднятые зады и тяжелые, размахивающие хвосты последних. Удар хвостов или массивных задних ног вероятно имел ужасную силу.

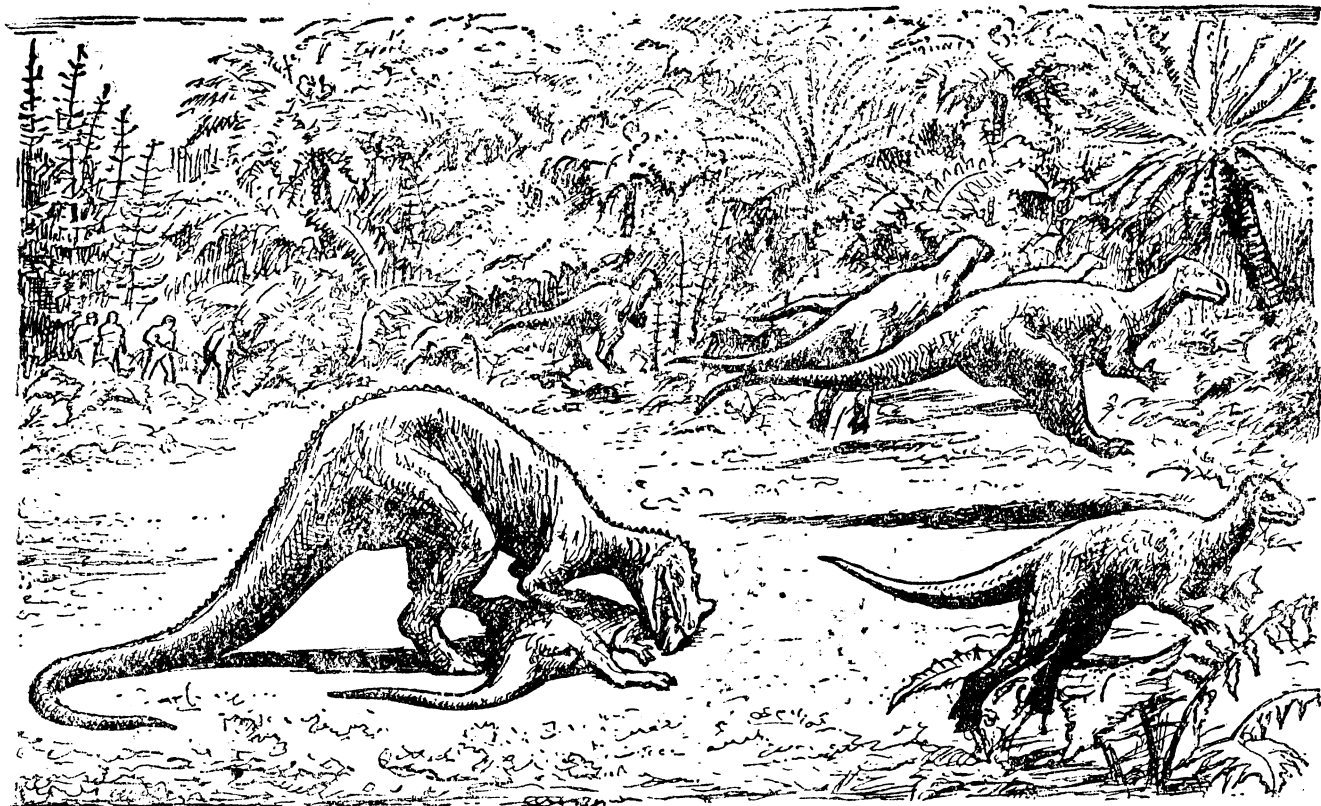
Убедившись в невозможности проникнуть в круг и похитить одного из детенышей, хищник внезапно сделал огромный прыжок через головы защитников и обрушился на столпившихся в центре, прижавшихся друг к другу молодых игуанодонов. Трусливые травоядные бросились врассыпную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

Разные моменты нападения также были сфотографированы, после чего раздались два выстрела и хищник растянулся рядом со своей жертвой. Когда он перестал двигаться, охотники приблизились и могли рассмотреть этого нового представителя крупных пресмыкающихся. Он действительно походил на игуанодонов своими длинными задними ногами и толстым хвостом, служившим опорой телу.

Передние ноги были очень короткие и оканчивались четырьмя пальцами с острыми когтями. На короткой шее сидела небольшая голова с огромной пастью, усаженной острыми зубами, и на переносице возвышался короткий и плоский рог, служивший скорее украшением, чем орудием нападения.

Два меньшие рога поднимались над глазами, а от затылка вдоль спины и хвоста тянулся ряд мелких, но острых шипов. Голая морщинистая кожа была серо-зеленого цвета. Животное достигало пяти метров в длину и обладало несомненно огромной силой, а о его ловкости и смелости можно было судить по нападению на стадо игуанодонов.

Рассмотрев убитого ящера. Каштанов нашел, что это дол-

Трусливые травоядные бросились врассыпную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

жен быть цератозавр из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны и другие сухопутные ящеры мезозойской эры.

— Надеюсь, что этого отвратительного хищника мы есть не будем! — сказал Громеко, когда было окончено измерение и описание животного.

— Отчего же? Если бы не было другого мяса, пришлось бы удовольствоваться и этим, — ответил Макшеев. — Но мы можем воспользоваться игуанодоном, которого хищник успел только загрызть.

— Только нужно его хорошо припрятать. Иначе птеродактили не оставят нам ни кусочка. Смотрите, они уже почуяли поживу!

Действительно, над поляной уже кружились летучие ящеры, издавая свое хриплое кваканье. Поэтому охотники отрубили задние ноги молодого игуанодона и спрятали их в чаще, подвесив к ветвям, а затем направились к ущелью через поляну, опустевшую после битвы и выстрелов.

31

УЩЕЛЬЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Устье ущелья было широкое, и по его дну извивался ручеек, окаймленный группами папоротников. На крутые склоны растительность не поднималась; они были голые, скалистые, красноватого, черного или желтого цвета. Каштанов и Макшеев поспешили к скалам. Громеко занялся поиском новых растений вдоль берегов ручейка, а Папочкин — охотой за громадными бабочками, порхавшими над лужайками.

Первый утес, к которому подошли геологи, был темнокрасного цвета. Каштанов ожидал опять встретить в нем железную руду, но, отбив кусок и рассмотрев его под лупой, он покачал головой и промолвил:

— Это что-то новенькое!

Несколько кусочков, отбитых в других местах, имели такой же характер, но твердые и гладкие скалы не давали возмож-

ности отбить более крупный образец. Тогда оба геолога соединенными силами начали разбивать глыбу той же породы, лежавшую у подножия. Наконец она дала трещину и развалилась на две части; в ее ядре блеснули жилки и гнезда белого металла.

Каштанов наклонился и воскликнул с удивлением:

— Самородное серебро, очевидно, в сплошной красной серебряной руде.

— Опять миллионные богатства! — усмехнулся Макшеев.

После находки сплошной золотой жилы, значение которой так раскритиковал его ученый товарищ, Макшеев относился немного презрительно к дарам минерального царства этой волшебной страны.

Подвигаясь далее вдоль подножия утеса, геологи скоро достигли места, где темнокрасный цвет сменялся черным с желтыми и красными пятнами и жилками. Здесь опять оказался сплошной магнитный железняк. Немного далее, более разрушенные, изрытые ложбинками утесы были яркожелтого и зеленовато-желтого цвета. В них Каштанов признал свинцовые охры и окисленные свинцовые руды, в которых на глубине мог быть скрыт массивный свинцовый блеск.

Еще дальше вверх по ущелью на склоне возвышался большой утес, привлекавший к себе внимание своим темнозеленым цветом; издали казалось, что он покрыт мхом или лишаями. От этого утеса молоток отскакивал со звоном, и только с большим трудом удалось отбить небольшие кусочки, которые еще более увеличили удивление Каштанова.

— Самородная медь сплошной массой, с поверхности окислившаяся, — сказал он.

— Ну и богатства в здешней стороне! — воскликнул Макшеев. — Какой руды хочешь, тды и просишь. Хоть ставь тут универсальный металлургический завод!

— Да, когда на наружной поверхности нашей планеты руды не будет хватать для растущих потребностей человечества, ему волей-неволей придется спуститься сюда за нужными металлами. Тогда и льды, и туманы, и вьюги будут человеку нипочем.

— Или же люди просверлят туннель-шахту из Европы или

Америки через земную кору, чтобы добраться кратчайшим путем к этим огромным запасам! — пошутил Макшеев.

В это время над геологами, увлекшимися осмотром ископаемых богатств, быстро пронеслась большая тень и одновременно послышался возглас Громеко:

— Берегитесь летучего ящера!

Оба схватились за ружья и подняли головы. На высоте метров двадцати над ними реяло огромное животное темного цвета; по его полету не трудно было узнать летучего ящера из породы птеродактилей; он был значительно крупнее тех, которых видели на берегу моря, и имел около шести метров в размахе крыльев. Опустив вниз голову с огромным клювом, ящер высматривал себе добычу и глядел с удивлением на невиданных двуногих тварей.

Но охотникам некогда было ждать разрешения его сомнений, так как ящер, обрушившийся с такой высоты на свою жертву, мог убить или сильно поранить ее когтями или зубами. Макшеев быстро прицелился и выстрелил. Птеродактиль метнулся в сторону, усиленно замахал крыльями, отлетел на склон ущелья и уселся на выступе скалы, где начал мотать головой, раскрывая и закрывая зубастую пасть.

— Должно быть ему немного попало! — заметил Макшеев, не решаясь стрелять еще раз, потому что животное сидело слишком далеко.

В это время на лужайке, где оставались зоолог и ботаник, раздался громкий крик и вслед за ним выстрел.

Из-за ряда хвощей и папоротников, отделявших русло ручья от подножия скал, вылетел второй птеродактиль, уносивший в своих лапах какой-то большой темный предмет. Предположив впопыхах, что ящер унес одного из товарищей, Каштанов выстрелил в свою очередь. Разбойник взмахнул крыльями, выронил ношу и сам полетел кувыркком за стену деревьев.

Геологи бросились со всех ног в эту сторону, чтобы подать помощь товарищу, свалившемуся с высоты нескольких метров. Но, пробившись через чащу, они столкнулись с бежавшими им навстречу Громеко и Папочкиным.

— Вы оба живы и целы? Кто же из вас только что выпал из когтей ящера?

Товарищи дружно рассмеялись.

— Ящер унес только мой плащ, в который я завернул собранные растения и положил на лужайке. Он очевидно принял его за какую-то падаль, — объяснил ботаник.

— А я стрелял ему вслед, но вероятно промазал! — добавил зоолог.

Успокоившись насчет судьбы товарищей, геологи пошли вместе с ними туда, где еще трепыхался подстреленный ящер. При приближении людей он вскочил на ноги и бросился им навстречу, взмахивая одним крылом и волоча другое, очевидно сломанное.

Он бежал, переваливаясь, как утка, вытянув вперед огромную голову, раскрыв пасть и издавая злобное кваканье. Мясистый нарост на его переносице налился кровью и стал темно-красным. Ящер достигал человеческого роста и, несмотря на рану, представлял опасного противника, так что пришлось прикончить его вторым выстрелом.

Пока Каштанов и Папочкин изучали птеродактиля, Макшеев и Громеко отправились искать похищенный плащ. Они осмотрели лужайку до подножия скал, лазили по чаще, но ничего не нашли.

— Вот так история, куда же он девался? — ворчал ботаник, отирая пот, катившийся градом с лица. — Не мог же он проглотить мой плащ!

— Я прекрасно видел, что ящер выронил его после выстрела, — подтвердил Макшеев.

В это время второй птеродактиль, до сих пор сидевший на выступе скалы, взлетел на воздух, спланировал к вершинам хвощей и подцепил на одном из них какой-то темный предмет, с которым полетел дальше.

— Чорт возьми! — воскликнул ботаник, — это опять мой плащ. Мы искали его на земле, а он остался на деревьях.

Макшеев уже целился в пролетавшего мимо ящера, но внезапно плащ развернулся, сноп растений посыпался вниз, а ис-

пуганное животное выпустило из когтей свою добычу. Охотник опустил ружье.

— Эти птеродактили очевидно не отличаются особенной сообразительностью, если таскают несъедобные вещи, — сказал Громеко, направляясь к упавшему плащу.

— А может быть они умнее, чем вы думаете. Не хотели ли они похитить ваш плащ и ваше сено, чтобы устроить своим детенышам более комфортабельное гнездо? — пошутил Макшеев.

— Сено? Как вы непочтительно выражаетесь о моих ботанических сборах! А чтобы доказать ум ящеров, не скажете ли вы, что он унес мой плащ, чтобы одеть своих голых детенышей?

— Нет, этого я не скажу! — рассмеялся Макшеев. — Разве что летучие ящеры играли роль царей юрского периода и стояли на очень высокой ступени развития. Но зачем вы набрали столько одинаковых растений? — прибавил он, увидев, что ботаник подбирает разбросанные по лужайке стебли, выпавшие из плаща и похожие на камыши.

— А вот догадайтесь, что это такое? — ответил Громеко, подавая своему спутнику один из стеблей.

— Какой-то камыш, по моему, толстый и довольно колючий. Им могут питаться разве какие-нибудь игуанодоны.

— Вы угадали, игуанодоны едят его с удовольствием, но и мы не откажемся от этого камыша.

— Неужели? Он годится разве для супа!

— Нет, не для супа, а для чая. Разломайте-ка стебель.

Макшеев переломил стебель, из которого вытекла какая-то прозрачная жидкость.

— Попробуйте сок этого презренного камыша.

Сок оказался липким и сладким.

— Неужели это сахарный тростник?

— Если не сахарный тростник, растущий в настоящее время на поверхности нашей планеты, то во всяком случае сахароносное растение.

— Как же вы догадались, что оно сладкое?

— Во рту молодого игуанодона, которого задавил хищник

на поляне, я видел стебель какого-то растения; наощупь оно показалось мне липким. Я стал искать, где оно растет, и нашел его в изобилии вдоль ручья, и конечно попробовал сок. Наши запасы сахара на исходе. Можно заменять сахар соком этого тростника и даже вываривать из него сахар. Видите, мое сено в иных случаях приносит прямую пользу!

Вернувшись к убитому птеродактилю, Громеко показал и остальным товарищам свою находку, из-за которой произошло приключение с плащом. Все одобрили его план и решили на обратном пути нарвать побольше тростника, чтобы попробовать устроить выварку сахара.

Охотники направились дальше по ущелью, на дне которого протекал ручеек, окаймленный узкой полосой мелких хвощей и жесткой травы.

Скоро теснина превратилась в настоящую щель, все дно которой было покрыто водой. Стало темно, мрачно и сыро. Охотники шли гуськом: впереди Макшеев с ружьем в руках, позади Каштанов, пробовавший молотком утесы.

Но вот впереди стало светлее, показалась зелень. Щель быстро расширилась и превратилась в довольно большую котловину, окруженную скалами, внизу отвесными, а выше отступавшими уступами во все стороны, образуя амфитеатр. Дно котловины было покрыто сочной и зеленой травой, в центре находилось озеро, из которого и вытекал ручеек.

— Фу, как здесь воняет! — воскликнул Громеко, как только охотники подошли к озеру.

— Действительно, пахнет очень скверно, словно падалью! — подтвердил Макшеев.

— Уж не минеральное ли это озеро, например с серными источниками? — предположил Папочкин, наклоняясь к воде.

Охотники начали оглядываться по сторонам и обратили внимание на странное шипение, чередовавшееся с визгом, напоминавшим визг пробки, водимой по стеклу. Эти звуки раздавались сверху, со стен котловины, но никого не было видно.

В это время над лужайкой мелькнула большая темная масса и опустилась на один из уступов, откуда навстречу ей визг и шипение раздалось особенно громко.

— Птеродактиль! — воскликнул Макшеев.

— Очевидно здесь гнезда летучих ящеров, — догадался зоолог.

— Ну, вот вам и источник вони! Эти животные вероятно очень неопрятны.

Ящер, спустившийся на уступ, вскоре поднялся и, заметив в котловине людей, начал кружиться над ней, издавая отрывистое кваканье. На утесах визг и шипение сразу прекратились.

— Ишь, замолчали детеныши!

— Интересно было бы раздобыть яйца и молодых птенцов из гнезд, — сказал зоолог.

— Попробуйте-ка залезть на эти кручи, а потом вступить в бой с родителями. Они вам покажут, где раки зимуют!

— Э, да их тут много! — воскликнул Каштанов, указывая на другого птеродактиля, высунувшегося из-за выступа, тогда как еще два уже реяли в воздухе.

— Что же, начнем пальбу? — предложил Макшеев, которому хотелось загладить свой промах.

— Зачем? Одного мы уже добыли и рассмотрели, а заряды нужно беречь, — предупредил Каштанов.

— И дадим лучше отбой; налево, кругом! пока все гнездилища не встревожились, — сказал ботаник, которому пребывание в зловонной котловине было очень не по вкусу.

Над лужайкой летали и квакали уже несколько ящеров, и охотники сочли более благоразумным последовать совету Громеко. Проходя к выходу в щель, они заметили у подножия стены целые кучи костей разной величины, перемешанных с пометом птеродактилей.

— Мы попали в помойную яму гнездилища ящеров! — пошутил Макшеев.

— Они устроились тут в безопасном месте, это — настоящая крепость.

— Вероятно на их яйца и детенышей покушаются другие ящеры, — пояснил зоолог. — Обратите внимание, что хотя это пресмыкающиеся, но повадки у них уже птичьи.

Над лужайкой летали и квакали несколько ящеров.

— Совершенно верно. Наличие крыльев позволило им изменить образ жизни своих далеких предков.

— Все-таки жаль, что мы не могли узнать, как устроены их гнезда и какой вид имеют яйца и детеныши, особенно насиженные яйца.

— Я думаю, что они не высиживают яйца, как птицы, — заметил Каштанов, — а предоставляют эту обязанность солнцу, как другие пресмыкающиеся.

— Не горюйте, мы где-нибудь найдем еще яйца игуанодонов или плезиозавров, — утешал Громеко зоолога.

— Если они будут свеженькие, устроим себе колоссальную яичницу. Воображаю, как велики яйца этих тварей, одного хватит на нас всех! — шутил Макшеев.

Вернувшись обратно через ущелье на поляну у подножия возвышенности и набрав по дороге сладкого тростника, путешественники направились к месту, где был убит хищный ящер.

Здесь царило большое оживление. В воздухе носились взад и вперед летучие ящеры разной величины; трупы цератозавра и игуанодона были покрыты этими животными. Отрывая куски мяса от туш, одни пожирали их на месте, другие же уносили на юг, к ущельям гор, где очевидно находились их гнездилища. Визг, кваканье и шипение раздирали уши.

При приближении людей вся стая, пировавшая на трупах, всполошилась. Одни взлетели и начали кружиться над поляной, другие, переваливаясь на своих коротких ногах и волоча полураспущенные крылья, отбежали в сторону. Они очевидно наелись так, что им трудно было летать. Папочкин успел сфотографировать два момента этого переполоха.

Наевшиеся ящеры не нападали на людей, нарушивших их трапезу, а только оглашали воздух различными звуками, выражавшими вероятно неудовольствие.

Захватив в чаще спрятанные окорока игуанодона, охотники направились через лес по тому же сухому руслу. Приближаясь уже к котловине, Громеко, шедший впереди, вдруг остановился и указал своим спутникам на отпечатки огромных ступней, глубоко вдавленные во влажный песок русла.

— Это не игуанодон, — заметил Папочкин. — Животное шло

на четырех ногах. Смотрите, вот следы задних ног с тремя пальцами, а вот следы передних с пятью!

— И ступни имеют другую форму и большую величину, чем у игуанодонов, — добавил Каштанов.

— А по ступне можно ли узнать, хищное ли это животное или травоядное? — спросил Макшеев.

— Я думаю, что оно травоядное. Пальцы оканчиваются не когтями, а чем-то вроде копыт, которыми хватать нельзя.

— А вот и отпечаток хвоста, более короткого и тонкого, чем у игуанодона, — заметил зоолог, указывая на впадину, извивавшуюся между отпечатками ног.

— Во всяком случае животное очень крупное и очевидно находится около нашего озера, потому что обратного следа нет, — сказал Громеко.

— Да, поэтому ружья наготове и будем осторожны! — предупредил Макшеев.

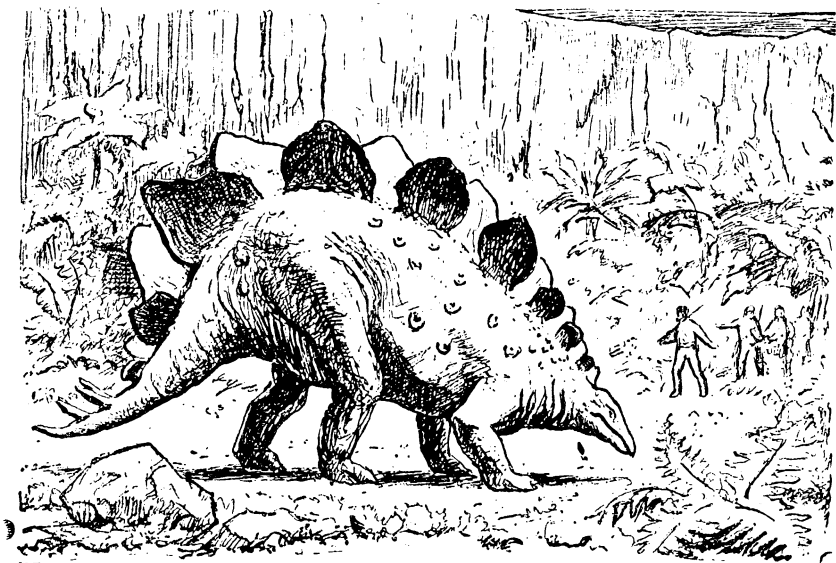
Медленно, шаг за шагом, охотники подвигались вверх по руслу, зорко всматриваясь вперед. Но никто не появлялся, только стрекозы и жуки реяли и летали над вершинами хвощей и папоротников. Пройдя по узкому зеленому коридору до утесов, охотники остановились в нерешительности.

Шепнув товарищам, чтобы они подождали, Макшеев пробежал по ущелью и затем подал сигнал, чтобы остальные присоединились к нему. В котловине все спрятались за деревья у ее входа и могли наблюдать интересное зрелище.

На лужайке паслось чудовище, превосходившее по своим размерам и по своему странному виду все, что путешественники до сих пор видели в Плутонии — стране вымерших исполинов.

Животное достигало восьми метров в длину и до четырех метров в высоту. Передние ноги были значительно короче задних, и массивное туловище наклонено вперед, оканчиваясь поразительно маленькой головой, похожей на голову ящерицы. Вдоль спины тянулись двумя рядами щитки или пластинки, торчавшие вверх и несколько вбок, подобно крылышкам. Четыре пары самых крупных поднимались над туловищем, три пары маленьких — над толстой шеей и две пары — над хвостом.

том. Менее массивный и более короткий, чем у игуанонозов и цератозавра, хвост нес еще три пары длинных шипов ниже пластин. Голая, морщинистая кожа чудовища была кое-где усеяна бородавкообразными возвышениями, более многочисленными и мелкими на шее и голове, более редкими и крупными на туловище и хвосте. Темнобурые пятна и разводы на грязнозеленом фоне кожи усиливали отталкивающий вид животного.

Стегозавр достигал восьми метров в длину и до четырех метров в высоту.

Оно спокойно паслось на берегу озера, захватывая пучки сладкого тростника и мелких хвощей своей большой пастью, размеры которой никак не соответствовали маленькой голове. При движении туловища щитки на спине делали небольшие взмахи, словно крылья.

— Точно крылышки амура! — прошептал Макшеев.

— Хорош этот амур юрского периода! — засмеялся Громяко. — Я никогда не мог себе вообразить, что могут существовать подобные страшилища.

— Этот страшный вид, щитки, шипы, бородавки, разводы — все это средства для отпугивания врагов этого мирного и вероятно совершенно безобидного животного, — сказал зоолог, сделавший уже несколько снимков. — А как зовут этого амура? — обратился он к геологу.

— Это конечно стегозавр, самый оригинальный из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и цератозавр, и виденный нами раньше трицератопс. В верхнеюрское время существовало несколько родов этих чудовищ, остатки которых были найдены в Северной Америке.

Наглядевшись на ящера, охотники произвели из своего убежища выстрел, отдавшийся эхом от скал, а затем хором закричали дикими голосами.

Испуганное животное опрометью бросилось бежать, переваливаясь, подобно иноходцу, причем спинные щитки ударялись друг о друга, издавая громкое хлопанье, словно кастаньеты.

Когда оно скрылось из вида, охотники вышли из своей засады, набрали воды из озера и побрели вниз по руслу к своему стану, предвкушая обед из жареного молодого игуанодона и отдых на берегу спокойного моря.

32

ОГРАБЛЕНЫ ДОЧИСТА

Но каково было их изумление, когда, выйдя из леса на берег моря, они увидели, что палатка исчезла.

— Мы вероятно ошиблись и вышли в другое место, — предположил Каштанов.

— Не может быть! — ответил Макшеев. — Мы только что перелезли через загородку, которую соорудили вчера в устье сухого русла вблизи стоянки.

— Верно, но в таком случае где же палатка?

— А где все вещи?

— Где Генерал?

Пораженные путешественники побежали к месту, где должна

была стоять палатка. На этом месте не было ничего: ни палатки, ни вещей, ни даже лоскутка бумаги. Остались только потухшее и остывшее уже огнище и отверстия в почве от вынутых палаточных кольев.

— Что это значит? — сказал Громеко, когда все четверо столпились у следов своего костра, на котором рассчитывали жарить игуанодона.

— Решительно ничего не понимаю! — упавшим голосом пробормотал Папочкин.

— Ясно, как день, что нас дочиста обокрали! — воскликнул Макшеев.

— Но кто, кто? — кричал Каштанов. — Ведь это могли сделать только разумные существа, а мы таковых не встречали на всем нашем пути с тех пор, как покинули «Полярную Звезду».

— Не могли же растащить наши вещи игуанодоны!

— Или стегозавры!

— Или плезиозавры!

— А не унесли ли их эти проклятые птеродактили в свои гнезда? — предположил Громеко, вспомнивший о приключениях своего плаща.

— Это невероятно! И палатку, и посуду, и постели, и всякие мелочи! Я не могу допустить с их стороны такого проявления ума и хитрости, — ответил Каштанов.

— А наши лодки? — воскликнул Макшеев.

Все побежали к окраине леса, где перед уходом в экскурсию спрятали в чаще лодки и весла. То и другое оказалось в целости.

— Мы оставили наш плот на берегу моря против палатки, — заявил Громеко. — А теперь он также исчез.

— Что же мы будем делать? — воскликнул зоолог, выражая общее недоумение. — Без палатки, без запасов и одежды, без посуды мы погибнем на берегу этого проклятого моря!

— Обсудим хладнокровно наше положение, — предложил Каштанов. — Прежде всего отдохнем и подкрепим свои силы: усталость и голодный желудок — плохие советчики. Мясо мы принесли с собой, разведем костер и поджарим его.

— И попьем водицы с сахаром! — прибавил Громеко, указывая на принесенную жестянку с водой и большой пук сладкого тростника.

Разложили костер, нарезали мясо кусочками, нанизали их на палочки и поставили к огню жарить. Усевшись вблизи костра, посасывая стебли тростника и запивая водой, продолжали обсуждение таинственного исчезновения палатки.

— Мы теперь в положении Робинзона на необитаемом острове! — пошутил Макшеев.

— С той разницей, что нас четверо и что у нас есть ружья и некоторый запас патронов, — заметил Каштанов.

— Нужно пересчитать их и расходовать крайне осмотрительно.

— В моей фляге стакана два коньяку, — заявил Громеко, носивший этот напиток, как врач, для экстренных случаев.

— А у меня в сумке маленький чайник, складной стакан и несколько заварок чая, — прибавил зоолог, не ходивший в экспедиции без этого запаса.

— Это хорошо! По крайней мере можно будет изредка полакомиться чаем, — сказал Макшеев. — У меня в карманах к сожалению кроме трубки, табаку, компаса и записной книжки нет ничего.

— И у меня также, если не считать наши молотки.

— Шашлык готов! — возгласил ботаник, следивший за палочками с мясом.

Каждый взял свою палочку, и все принялись за еду. Но мясо не было посолено и не отличалось приятным вкусом.

— Придется поискать соли на берегу моря! — заметил Макшеев. — Нужно было хоть обмакнуть мясо в морскую воду.

Пока ели мясо, чайник зоолога вскипел, и каждому по очереди достался стаканчик чаю, подслащенного соком тростника. Напившись и закулив трубки, возобновили разговор о плане дальнейших действий. Все согласились, что нужно сейчас же начать преследование похитителей, выяснив направление, по которому они ушли с вещами.

— Нужно тщательно осмотреть ближайшие окрестности нашей стоянки, — предложил Макшеев. — Похитители могли

прийти и уйти или по воздуху, как предполагает Михаил Игнатьевич и что мне кажется невероятным, или по воде, воспользовавшись нашим плотом, или по суше. Но до воды они также должны были идти по суше. Следовательно, если они не явились по воздуху, они оставили следы в ту или другую сторону от нашей палатки.

— Жаль, что мы сразу не подумали об этом, а бежали взад и вперед и могли уже затоптать следы похитителей!

— Вдоль утесов на восток пройти далеко нельзя, как мы убедились вчера, — продолжал Макшеев. — По руслу они тоже едва ли ушли: оно загорожено, и кроме того мы никого не встретили и подозрительных следов не видели. Следовательно, следы похитителей нужно искать или на самом берегу моря, или на запад вдоль этого берега.

— Совершенно верно! — заметил Каштанов. — Эти два направления наиболее вероятны.

— Итак, приступим к делу. Так как в отношении выслеживания я гораздо опытнее вас всех, — закончил Макшеев, — то я попрошу вас посидеть на месте, пока не изучу окрестности стоянки.

Опустившись на колени, Макшеев начал тщательно изучать почву вокруг того места, где стояла палатка; затем он передвинулся к берегу моря, осмотрел место, где лежал плот, вернулся назад и направился на запад вдоль морского берега. Отойдя шагов двести, он воткнул сухую палку в песок и вернулся к своим товарищам.

— Наше имущество похищено не людьми и даже не ящерами какого-либо рода. Его утащили какие-то крупные насекомые, судя по следам их ног, которые видны всюду; их очень много, несколько десятков. Сначала я подумал, что вещи стащили к плоту и увезли по воде, но оказалось, что до самой воды следы не доходят и нет никаких признаков того, чтобы плот стаскивали в воду. Он исчез совершенно непонятным образом. Палатки и вещи частью унесли, частью тащили по песку на запад, вдоль берега моря. Похитители имеют шесть ног, а туловище их достигает около метра в длину, судя по его отпечаткам на песке.

— Здоровые твари! — воскликнул Папочкин.

— Но что же случилось с Генералом? — спросил Каштанов. — Убили ли его, утащили ли живым на съедение или он убежал куда-нибудь, испугавшись грабителей?

— Следов Генерала много вокруг палатки, но они большею частью перекрываются следами насекомых, следовательно старше их. Свежей крови нигде не видно, нет и каких-либо частей растерзанных собакой насекомых. Я думаю, что Генерал убежал от многочисленных и невиданных врагов и прячется в чаще. Впрочем, нужно еще обследовать почву вдоль края леса.

С этими словами Макшеев опять приступил к изучению следов от места, где стояла палатка, к опушке леса. Вдоль последней он прошел несколько раз взад и вперед, внимательно осматривая почву, наконец остановился и подозвал товарищей к себе.

— Вот здесь Генерал ушел в чащу; но с ним перед тем что-то случилось: он волочил задние ноги по земле.

Обрубив охотничьим ножом нижние ветви хвощей, Макшеев пополз, согнувшись, в чащу, все время призывая свистом собаку и останавливаясь в ожидании ответа. Наконец послышался слабый визг и немного спустя из-под нависших ветвей выполз Генерал, но в ужасном виде. Все тело его вздулось, а задняя половина бессильно волочилась по земле.

— Что с тобой, Генерал, бедная собачка? — говорил Макшеев, поглаживая голову животного, которое с приветливым визгом лизало его руки. Инженер ползком вылез назад из темной чащи, а вслед за ним выползла и собака, вызвавшая своим жалким видом общее сочувствие.

— Похитители переломили ей позвоночник? — предположил Папочкин.

— Не думаю! — возразил Громеко, осматривая собаку. — Конечно нет, — продолжал он, — скорее всего они ранили Генерала отравленными стрелами. На спине у него несколько маленьких ранок с запекшейся уже кровью, а позвоночник цел.

— При чем тут стрелы? — удивился Макшеев. — Ведь похитители были насекомые!

— Я и забыл! В таком случае они ужалили или укусили собаку ядовитыми челюстями или жалом.

— Что же нам делать с Генералом? Можно его вылечить?

— Я думаю можно. Если бы яд был смертельный, собака уже издохла бы. К несчастью наша аптечка похищена с остальным имуществом. Придется попробовать холодные компрессы.

Макшеев взял Генерала, жалобно визжавшего, на руки и понес к берегу моря. Громеко начал поливать его тело водой. Собака сначала порывалась вырваться и визжала, но вскоре холод обнаружил свое действие, и она затихла. Тогда ее положили задней половиной тела в воду.

Пока ботаник возился с Генералом, остальные вытащили из чащи обе лодки и весла, спустили их на воду и сложили в них оставшееся имущество, бывшее во время злополучной экскурсии с собой. Затем двое сходили опять к озеру в скалах, чтобы пополнить запас пресной воды, а остальные в это время поджарили запас мяса игуанодона, чтобы не останавливать преследование похитителей из-за приготовления пищи.

За час времени, понадобившийся на все сборы, опухоль у Генерала заметно уменьшилась, и он начал подниматься на ноги. Решено было взять его в лодку, двоим ехать в лодках с имуществом вдоль берега, а двоим идти по следам похитителей, пока они держатся берега. Таким образом лодочники могли в случае надобности подать помощь пешеходам или взять последних в лодки, а пешеходы могли остановить лодочников, как только следы отклонятся в глубь страны.

33

ПО СЛЕДАМ ПОХИТИТЕЛЕЙ

Макшеев и Громеко пошли пешком, Каштанов и Папочкин отправились в лодках, не отставая от пешеходов, но и не опережая их. К счастью погода была тихая, и море чуть плескалось на пляже. Макшеев шел впереди по следам похитителей, по временам останавливаясь и обмениваясь замечаниями с ботаником. В одном месте например были видны отпечатки мно-

гих похищенных вещей, которые похитители сложили на землю, очевидно при отдыхе; в другом оказались ясные отпечатки плота, при виде которых Макшеев воскликнул:

— Загадка с плотом также разъяснилась: похитители унесли и его на себе.

— На какого беса? — спросил Громеко.

— А на какого беса им понадобились наша палатка, постель и прочие вещи? Ведь они унесли даже образчики золотой и железной руды, которые мы с Петром Ивановичем вчера набрали.

— Просто непостижимо, что это за звери! Можно подумать — разумные существа. Я не удивлюсь, если они раскинут палатку, будут спать на наших постелях и есть из нашей посуды.

— Все может быть в этой чудесной стране минувших геологических периодов. Не могли разве некоторые насекомые в юрские времена подняться до высокой степени умственного развития и играть роль царей природы?

— Да ведь и в современном периоде есть умные насекомые, живущие обществами по известным законам, например пчелы или муравьи.

— Постойте, вы мне подали мысль! Уж не муравьи ли утащили наше имущество?

— А почему не пчелы или осы?

— Если судить по нравам муравьев наружной поверхности нашей планеты, то им более подходит роль похитителей. Ведь муравьи тащат в свой муравейник всякую дрянь, даже совершенно им не нужную, и обладают громадной силой, сравнительно со своей величиной.

— Да, пчелы гораздо слабее и собирают в улей только мед и воск, а осы тащут съестное. Кроме того и те и другие крылаты, а наши грабители повидимому бескрылы.

— Я тоже так думаю, хотя и крылатые насекомые могли тащить по земле такие предметы, которые слишком тяжелы для переноса по воздуху.

— В общем мы кажется на правильном пути: первое подозрение — на муравьев, второе — на ос, третье — на пчел.

— И те, и другие, и третьи принадлежат к насекомым, кусающимся или жалящим и вводящим в рану яд. Я думаю, что они и ужалили Генерала, когда он защищал от них палатку.

— Верно! Укусы этих насекомых сопровождаются опухолью сильной болью, а если принять во внимание их величину, то можно допустить и временный паралич под действием яда.

Так, обмениваясь соображениями насчет природы похитителей, наши путешественники прошагали часа два и за это время сильно устали, так как песок пляжа был довольно рыхлый и трудный для ходьбы.

— Ну, я больше не могу! — сказал наконец Громеко, оставившаяся и вытирая пот, катившийся градом по лицу. — Сегодня ужасно душно и ни ветерка.

— Зато море спокойно, и наши товарищи не отстают от нас.

— Не переменится ли нам с ними? Мы устали работать нижними конечностями, а они — верхними.

— Сумеют ли они идти по следам похитителей? Впрочем, попробуем.

Макшеев окликнул пловших в лодках. Когда они причалили, он показал Каштанову и Папочкину следы насекомых и некоторое время шел с ними, наблюдая, как они будут разбираться в этих следах. Потом он и ботаник забрались в лодку, с удовольствием протянули ноги и взялись за весла.

Местность сохраняла все тот же характер. Вдоль берега моря тянулся песчано-галечный пляж, шириной в сотню-другую шагов, заливаемый очевидно волнами во время сильных бурь. Его окаймляла сплошная стена хвощей и папоротников, в которой только изредка показывалась узкая брешь — сухое русло, подобное осмотренному накануне. На песке под лучами солнца грелись игуанодоны, убежавшие в лес при приближении людей и лодок. На море по временам появлялись плезиозавры и плавали, грациозно изогнув шеи, словно огромные черные лебеди. Над лесом нередко пролетали летучие ящеры, высматривавшие, нет ли поживы на берегу моря.

Часа через два после того, как Макшеев и Громеко забрались в лодки, впереди показались красноватые холмы, доходившие до берега моря и прерывавшие стену леса. Здесь ока-

залось более глубокое и широкое сухое русло, уходившее в глубь страны, отделяя окраину леса от холмов, представлявших скопление мелкого красноватого песка. Следы похитителей поворачивали вверх по руслу, и пешеходы крикнули пловцам в лодках, что нужно причаливать к берегу.

Убедившись, что похитители действительно свернули с морского берега в глубь страны, путешественники начали совещаться. Им приходилось теперь, бросив лодки, продолжать преследование пешком.

Но за целый день экскурсии, ходьбы, хлопот и волнений они сильно устали; кроме того Генерал был еще слишком слаб. Поэтому решили отдохнуть несколько часов на берегу моря, дававшего некоторую прохладу, на которую нельзя было рассчитывать вдали от воды в этот ужасно душный и знойный день.

Вытащив лодки на берег, быстро развели костер, поджарили мясо и сварили чай; Генералу сделали опять холодные компрессы.

Подкрепив свои силы, трое легли спать прямо на песке, а четвертый остался на карауле, так как нужно было принять меры предосторожности против нападения ящеров или таинственных насекомых.

Три часа прошли благополучно. Последнее дежурство досталось Каштанову. Он лежал на песке, почти у самого берега, размышляя о дальнейшей судьбе экспедиции, которая стала бы печальной в случае, если не удастся отбить свое имущество у похитителей. Мало-по-малу под влиянием невыносимой духоты он начал дремать и вдруг проснулся от кошмара: ему приснилось, что на него навалился исполинский ящер и огромным липким языком лижет его лицо. В ужасе, со стоном, он раскрыл глаза и увидел прямо над собой морду Генерала, положившего одну лапу ему на грудь и жалобно визжавшего.

Верный пес не напрасно разбудил Каштанова. Подняв голову, последний увидел, что горизонт на севере совершенно потемнел: надвигалась тропическая гроза, уже испытанная путешественниками на реке Макшеева. Доносился непрерывный

грохот, и темная стена туч беспрестанно разрывалась яркими молниями.

Терять время было некогда, нужно было уходить дальше от берега моря, которое должно было разбушеваться не на шутку. Каштанов разбудил спящих. Решили бежать в холмы, потому что в лесу было не менее опасно, чем на берегу моря. Лодки потащили с собой, опасаясь, что волны смоют и унесут их.

Поднявшись на гребень первой гряды холмов, в которых Каштанов сразу признал морские дюны, путешественники увидели, что за ней открывалась глубокая долина, параллельная берегу моря и совершенно бесплодная, как и оба склона гряды. Везде виднелся тот же красноватый песок, который пылал под лучами Плутона, еще не скрытого грозовой тучей.

В этой долине путешественники решили переждать грозу. Перевернув лодки дном вверх, они укрылись под ними. Это была их единственная защита от ливня, так как непромокаемые плащи были похищены, как и остальная одежда.

Гроза не заставила себя долго ждать. Сине-багровый вал нагнулся уже на половину неба, Плутон скрылся, быстро темнело и первые порывы ветра пронесли над долиной, срывая с гребня дюн струйки песка. Дюны словно задымились, воздух наполнился горячим песком и сделался еще удушливее. Но вот налетел и ураган. Каштанову, выглянувшему из-под лодки, показалось, что вся первая гряда дюн поднялась в воздух и ринулась в долину. Песчинки сыпались целыми потоками на лодки. Лес хвощей, который был виден в широком устье долины, трепетал под напором бури, словно чаща тростника. Стройные стволы хвощей гнулись почти до земли, ветви извивались в воздухе, словно пряди зеленых волос; летели сорванные верхушки, сучья, стебли. Сумрак то и дело исчезал в ослепительных вспышках молний, после чего казался еще гуще. Гром гремел, не умолкая.

Но вот по лодкам забарабанили крупные капли дождя и полил ливень, сразу очистивший воздух от песка и пыли. Хотя ветер еще бушевал, но намокший песок уже не поднимался в воздух. Несмотря на массы низвергавшейся воды, со склонов

днѣ стекали только небольшіе и быстро исчезающіе ручейки, так как песок жадно поглощал воду.

Быстро промчалась гроза. Плутон начал проглядывать сквозь разрозненные тучи. Дождь кончился, и путешественники хотѣли вылезти из-под лодок, гдѣ им приходилось полулежать в духоте. Но не тут-то было — лодки нельзя было приподнять, они были придавлены кучами песка, нанесеннаго бурей и намоченнаго водой, под тяжестью котораго их дно прогибалось.

— Мы арестованы под лодкой! — воскликнул Папочкин. — Помогите нам освободиться.

— Мы сами арестованы! — отвѣтил Макшеев, сидѣвшій с Каштановым и Генералом под другой лодкой.

— Что вы думаете дѣлать?

— Собираемся вырыть себе проход в рыхлом пескѣ под бортом лодки.

— Идея! Мы сделаем то же самое.

Некоторое время все было тихо, только слышалось пыхтѣніе людей, рывших себѣ ход в пескѣ, словно кроты.

Затѣм из-под носа одной лодки выполз на животѣ грязный и встрепанный Макшеев, вслѣд за ним Каштанов и наконецъ Генерал, а из-под второй лодки показались зоолог и ботаник.

Потом пришлось освобождать лодки от наваленнаго на них песка и тащить их вниз по долине к сухому руслу. Но добравшись до русла, путешественники остановились в изумленіи: здѣсь катила свои бурные, желтовато-красныя воды большая рѣчка, по которой нельзя было плыть, но и в брод перейти ее также было невозможно.

— Продолжать преслѣдованіе невозможно! — огорченно воскликнул Громеко. — Придется ждать, пока не сбѣжит вода.

— Это не так страшно, — замѣтил Макшеев. — Гораздо печальнѣе то, что вода в руслѣ и дождь повсюду уничтожили слѣды похитителей, и мы не будем знать, куда они направились.

— Эх, зачѣм мы только сделали привал! — с досадой сказал Папочкин. — До ливня мы наверно успѣли бы отмахать десятковъ километровъ и можетъ быть добрались бы уже до убежища грабителей.

— Ну, сделаннаго не вернешь! Я полагаю, что искать это

убежище придется не долго. Не могли же они тащить наши вещи целые десятки километров, — утешал Каштанов.

Вода в русле убывала на глазах путников и через полчаса остались только лужи в углублениях почвы.

— В путь! Вода скатилась! — сказал Макшеев.

— Но что же мы будем делать с лодками? Не тащить же их за собой в глубь страны неизвестно сколько километров! — сказал Каштанов.

— Придется их оставить вблизи моря, но только нужно спрятать как-нибудь от тех же таинственных грабителей.

— Закопаем их в песок, — предложил Громеко.

— Хорошая мысль! Песок рыхлый, и, хотя придется работать собственными лопатами, другого выхода нет.

34

ЦАРИ ЮРСКОЙ ПРИРОДЫ

Похоронив лодки, путешественники направились вверх по руслу, в котором вода уже не текла. Но большие лужи и липкая глина местами заставляли вылезать на тот или другой берег. Шли осторожно, зорко поглядывая по сторонам и держа ружья наготове на случай неожиданной встречи с похитителями. Слева от русла тянулся тот же лес хвощей, папоротников и пальм, тогда как справа одна за другой возвышались гряды красноватых голых дюн. Убежище грабителей могло быть как в лесу, так и среди дюн.

Через некоторое время наткнулись на что-то темное, лежащее в русле и полузанесенное песком и илом; откопали его и увидели перед собой огромного черного муравья, тело которого достигало около метра в длину, голова была немного меньше человеческой, а скрюченные в предсмертной борьбе лапы оканчивались острыми когтями.

— Вот царь природы юрского периода! — воскликнул Каштанов.

— Если их колонии или убежища так же населены, как муравейники на земной поверхности, нам придется иметь дело с тысячами врагов, — сказал Папочкин.

— Да, врагов хищных, умных и беспощадных, --- прибавил Громеко.

В это время Генерал, который плелся позади и иногда ложился отдыхать, подошел ближе. Увидев мертвого муравья, он с остервенением бросился на него, издавая злобное ворчанье.

— Эге, узнаешь, брат, одного из тех, кто тебя искушал! — воскликнул Макшеев, удерживая собаку.

Немного далее встретили труп второго муравья, а потом и третьего. Очевидно, ливень застиг некоторых похитителей еще в пути, и вода унесла их.

— Эти черные дьяволы перемочили и перепортили все наши вещи! — воскликнул в отчаянии Громеко.

— Да, сомнительно, чтобы у них хватило ума расставить палатку и спрятаться в нее вместе с вещами! — подтвердил Папочкин.

— Я думаю, что они добрались в свое жилище раньше ливня, — заявил Макшеев. — Ведь нужно вспомнить, что они двинулись в путь гораздо раньше нас, а мы еще в двух местах отдыхали по несколько часов.

Прошли еще километра два в молчании. За руслом лес начал редеть, и в нем появились многочисленные тропинки. На песчаных грядках, особенно же в долинах между ними уже видна была растительность: кусты, пучки трав, мелкие хвощи.

Вдруг Макшеев остановился и указал своим спутникам на ближайшую долину между двумя грядами, где по песку двигались два темные тела, то тащившие, то катившие какой-то белый шар.

— Муравьи?

— Очевидно! Что же они тащат? У нас ничего круглого и белого не было.

— Нашли какую-то другую добычу.

— Не отобьем ли мы ее у них?

— Нет, лучше спрячемся и затем пойдем по их следам, они приведут нас к муравейнику.

— Только держите Генерала, чтобы он не бросился на них.

Путешественники отошли немного назад и укрылись за опушкой леса.

Вскоре из-за кустов в устье долины показались муравьи, катившие перед собой по песку большой белый предмет яйцевидной формы.

— Неужели яйца этих муравьев так велики? — спросил Макшеев.

— Нет, это скорее яйцо какого-нибудь летающего ящера, которое они стащили и катят в свое жилище, — сказал Папочкин.

— А как вы думаете, эти яйца ящеров съедобны?

— Почему же нет? Едят ведь яйца черепах, почему не съесть яйцо ящера?

Показались муравьи, катившие перед собой большой белый предмет яйцевидной формы.

— Это нужно принять во внимание, — заметил Громеко. — Теперь, при скудности нашей пищи и необходимости беречь заряды, яичница была бы очень кстати.

— Для такого огромного яйца нужна соответствующая сковорода, которой у нас нет.

— Обойдемся и маленькой! Пробьем в яйце дырочку с одной стороны, перемешаем палочкой желток и белок, подсыплем соли и будем брать на сковороду сколько нужно.

— Но у нас вообще-то сковороды нет, муравьи утащили нашу кухню.

— А я и забыл. Но нельзя ли устроить сковороду из яичной скорлупы, — осторожно отрезать верхушку яйца и на ней жарить?

— На чем же, у нас нет масла.

— Есть сало игуанодона.

Пока охотники обменивались этими кулинарными соображениями, муравьи докатили яйцо до берега русла и остановились в нерешительности, так как берега его были обрывисты. Сбросить яйцо с обрыва было не трудно, и на мягком песке оно бы не разбилось, но поднять его на ту же высоту на другом берегу казалось слишком трудной задачей для муравьев.

Насекомые между тем бегали вокруг яйца и вдоль обрыва, шевеля сяжками и касаясь ими друг друга, очевидно советуясь.

Затем один спустился в русло, осмотрел противоположный берег, постоял перед ним, словно в раздумьи, наконец побегал вдоль него, часто останавливаясь и осматривая обрыв.

Шагах в пятидесяти дальше он нашел менее крутое место, которое показалось ему подходящим для устройства спуска. Он и начал устраивать его, работая передними ногами и челюстями, отрывая глыбы земли и оттаскивая их в сторону.

Второму муравью, оставшемуся у яйца на карауле, скоро надоело ждать, он также спустился в русло и побегал по следам товарища, который был скрыт от него поворотом берега.

— Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко.

Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.

— Во-первых, они могут заметить нас, и мы преждевременно выдадим им свое присутствие, во-вторых, не найдя оставленного яйца, они начнут его искать по окрестности, а мы вместо того, чтобы идти по их следам к муравейнику, будем прятаться в кустах и потеряем время, — заявил Каштанов, отвергая предложение ботаника.

Но в это время Папочкин заметил в той же долине между песчаными грядами еще одну пару муравьев, которые катили второе яйцо.

— Теперь пожалуй ваши доводы — не трогать первое яйцо — отпадают, — сказал он.

— Ну, тогда скорее за работу!

Макшеев и Громеко перебежали русло, подняли вдвоем яйцо,

имевшее полметра в поперечнике, и перенесли его в свое убежище на опушке.

Затем Макшеев рукой осторожно затер следы ног в русле, которые могли указать муравьям, если они были достаточно умны, куда делось яйцо.

Вскоре в русле показались оба муравья, бежавшие к оставленной добыче. Возбравшись на берег и не найдя яйца, они начали бегать взад и вперед, подбегали друг к другу, шевеля сянками и очевидно находясь в смущении.

В это время в устье долины показались муравьи, катившие второе яйцо. Увидев их, первые кинулись им навстречу и, очевидно предположив, что вторые похитили их добычу, начали ее отнимать.

Началась свалка; муравьи привставали на четырех задних ногах, поднимая переднюю пару и стараясь вцепиться челюстями в шею противника и перегрызть ее. В пылу борьбы одна пара приблизилась к берегу русла и свалилась с обрыва. При падении один муравей очутился на другом, воспользовался удобной минутой и почти откусил голову соперника.

Оставив последнего, он побежал на помощь товарищу, изнемогавшему в борьбе — вдвоем они быстро одолели врага и покатали яйцо к руслу.

Путешественники следили с большим интересом за боем, но никак не могли решить, которая пара муравьев одержала верх, потому что всех этих насекомых совершенно нельзя было отличить друг от друга.

Победившие муравьи остановились у берега русла, посоветовались, затем скатили в него яйцо и покатали его вверх.

В нескольких местах, где противоположный берег казался им более низким, они останавливались и пробовали поднять яйцо наверх. Но их когти были недостаточно сильны, чтобы пробить твердую скорлупу, яйцо скользило в их лапах и падало назад.

Добравшись до того места, где в береге русла был выкопан спуск, муравьи заметили его, осмотрели и сделали попытку втащить яйцо наверх, подпирая его своими туловищами.

Это им удалось, и они покатали его дальше по тропинке, ухо-

дившей в глубь леса. На основании действий этой пары приходилось думать, что победили вторые муравьи.

Теперь оставалось идти по тропинке вслед за муравьями. Но, не зная, как далеко придется еще идти, нужно было сначала разделаться с яйцом, отнятым у муравьев; нести его было тяжело, а катить по лесу неудобно. Поэтому быстро развели огонь в яме, выкопанной в песке, испекли яйцо целиком вкрутую, разделили на части, а из скорлупы сделали несколько тарелок и сковороду.

После ужина путешественники пошли в глубь леса по тропинке, хорошо вытопанной, но узкой и неудобной. На высоте одного метра от земли ветви хвощей сплетались так, что приходилось ползти или идти согнувшись; очевидно только муравьи пользовались этой тропой.

Через полчаса лес начал редеть; муравьиная тропа часто раздваивалась, пересекалась другими, и Макшееву приходилось тщательно высматривать след яйца, в то время как Каштанов вел глазомерную съемку, чтобы иметь карту местности, населенной их врагами.

— Странно, что мы до сих пор в лесу не встретили ни одного муравья, — сказал Каштанов.

— Они вероятно имеют определенные часы для отдыха и сна, а другие животные не смеют приближаться к муравейнику.

Но вот впереди показался широкий просвет. Очевидно лес кончался, а на поляне за ним мог быть муравейник. Поэтому нужно было удвоить осторожность. Зоолог и ботаник остались с Генералом, а Каштанов и Макшеев отправились на разведку.

Дойдя до края леса, они остановились под защитой последних деревьев и начали осматривать местность. Лес сменялся обширной поляной, вернее пустырем, почти совершенно лишенным растительности, — только кое-где торчали объединенные стебли.

Среди этого пустыря, недалеко от опушки леса возвышался огромный плоско-конический холм, метров двенадцати вышиной и более ста метров в поперечнике, состоявший из наложенных друг на друга древесных стволов.

При помощи бинокля можно было различить, что стволы рас-

положены не в беспорядке, а по известной системе, образуя сложную, хотя и грубую постройку. Во многих местах на различной высоте темнели входные отверстия, но муравьев нигде не было видно, — они несомненно спали.

Пустырь был замкнут со всех сторон лесом, возвышенностями и дюнами, и муравьи являлись единственными хозяевами его. В его западной части, вдоль подножия дюн, вероятно протекал ручеек, судя по полосе зеленой травы и кустов, резко выделявшихся на желтом фоне песка.

35

КАК ПРОНИКНУТЬ В МУРАВЕЙНИК

Осмотрев местность, Каштанов и Макшеев вернулись к своим товарищам, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

— Напасть на спящий муравейник не трудно, — сказал Каштанов, — но будет ли это целесообразно — не знаю. Нам ведь неизвестно, в какой части этого огромного сооружения сложены наши вещи, мы легко можем заблудиться в лабиринте ходов.

— Внутри наверно темно, а у нас нет ни свечей, ни фонарей, — заметил Папочкин.

— Можно устроить факелы, я видел в лесу смолистые деревья, годные для этой цели, — заявил Громеко.

— Идя с огнем, мы несомненно разбудим муравьев и подвергнемся нападению, которое должно кончиться печально для всех нас, — сказал Макшеев.

— Да, их должны быть сотни, если не тысячи, и сколько бы мы ни уложили выстрелами и ножами, в конце-концов нас все таки загрызут или зажалят до смерти.

— Но что же нам делать? — пробормотал Каштанов. — Мы не можем отказаться от своих вещей, они необходимы нам для обратного пути.

— А если поджечь муравейник с одной стороны? Муравьи начнут спасать свои запасы и в том числе наши вещи, которые вытащат наружу.

— Прежде всего, они будут спасать своих личинок и куколок, а вещи могут за это время сгореть. Но если они даже успеют вынести вещи, то все-таки нам придется отнимать их силой.

— Не выкурить ли муравьев дымом, а потом, когда они покинут свое жилище, отправиться за вещами?

— Этот план уже лучше, но в ходы, наполненные дымом, мы сами не сможем проникнуть, а когда дым рассеется, муравьи тоже могут вернуться.

— Положение, кажется, остается безвыходным!

— Вот что, — предложил Макшеев, — я лягу вблизи муравейника и притворюсь мертвым. Муравьи потащат меня в свое жилище и там я может быть сумею разведать, где лежат наши вещи, а в следующую ночь успею вытащить их наружу.

— Этот план слишком рискован, — возразил Каштанов. — Муравьи могут утащить вас не целиком, а растерзав на куски. Но допустим даже, что они потащат вас целиком и не умертвив, как же вы в темноте, да еще в положении трупа сумеете ориентироваться в лабиринте ходов, чтобы потом найти дорогу наружу.

— Я возьму в карман клубок ниток, и, выпуская постепенно нить, сумею по ней выбраться, как Тезей по нити Ариадны из лабиринта.

— Хорошо, если муравьи не заметят этого и не станут подбирать вашу нить. А есть ли у вас нитки?

Клубка ни у кого не было, и этот рискованный план также был забракован. Все сидели, понутив головы, придумывая новые планы, которые также приходилось отбрасывать, как невыполнимые.

— Вот что я придумал, — заявил Каштанов, — нужно отравить или оглушить муравьев ядовитыми газами, чтобы они оставались в оцепенении в течение времени, необходимого нам для поисков наших вещей в муравейнике. Такими газами являются: хлор, бром и сернистый газ. Следовательно, нужно прежде всего найти материал для приготовления достаточного количества газов. Хлор можно добыть из поваренной соли, которая имеется в море. Бром вероятно имеется в золе водорос-

лей, растущих в этом море, но добыть его будет еще труднее, чем хлор. Всего легче было бы приготовить сернистый газ, если мы только найдем серу, серный колчедан или другую сернистую руду. Свинцовый блеск мы уже видели в ущельи птеродактилей, может быть он найдется и здесь, в утесах возвышенности.

— Но ведь на поиски материала и изготовление газа понадобится не мало времени! — сказал Макшеев.

— Что же делать! На несколько дней нам хватит наличных зарядов для добычи пищи. Лучше подготовить способ наиболее верный, рискованные способы останутся у нас в запасе на случай крайности.

— Следовательно нам нужно убираться отсюда, ничего не сделав с грабителями!

— Лучше уйти, пока муравьи нас не заметили, и не возбуждать их подозрительности поспешными попытками. Если мы их потревожим, они сделаются более осторожными, расставят караулы у входа, будут обыскивать окрестности и затруднят нам дальнейшие шаги, ведь мы еще не знаем, на каком уровне развития стоят эти цари юрской природы.

Все согласились с Каштановым, хотя и не без чувства досады на необходимость отказаться от немедленной расправы с грабителями. Решили вернуться к песчаным дюнам и вдоль русла проникнуть на возвышенность в поисках серы или сернистых руд.

Путешественники прошли к руслу вдоль опушки леса; никаких животных, даже насекомых не было видно, — очевидно муравьи систематически охотились за всякой дичью в окрестностях муравейника. Только изредка над пустырем проносился какой-нибудь ящер, спешивший дальше. Русло тянулось вдоль окраины пустыря, а немного далее вверх врезывалось в песчаные холмы, пролетая в довольно глубокой долине. Здесь по обоним берегам росли кусты, небольшие хвощи, сладкий тростник, папоротники. Вверх по этой долине путешественники подвинулись еще на несколько километров и затем решили основательно отдохнуть после тревог и переходов, продолжавшихся целые сутки. Воды в ручье было уже много, а тень

пальм и хвощей манила к себе. Сварили чай, поужинали оставшимся в запасе яичным желтком и спокойно выпались. Но затем появление муравьев по соседству заставило поторопиться с завтраком, чтобы поскорее уйти подальше от муравейника и не выдать его обитателям свое присутствие.

Через несколько километров песчаные склоны долины уступили место скалистым, так как русло начало врезаться в столовую возвышенность. В поисках сернистых руд Макшеев и Каштанов шаг за шагом осматривали скалы, — один на правом, другой на левом склоне, что конечно замедляло движение. Папочкин и Громеко оставались вблизи русла, с ружьями наготове, чтобы добыть какую-нибудь дичь или отразить нападение ящеров или муравьев. Но последние не встречались, местность постепенно становилась все более пустынной, даже вдоль ручья деревья и кусты росли уже более редко, и только узкая полоса травы и сладкого тростника везде еще окаймляла его берега. Наличие последнего очень радовало путешественников, так как он остался их единственной пищей в этой пустыне.

Из животных им попадались только огромные стрекозы, реявшие над водой, и изредка птеродактили, охотившиеся за этими насекомыми. Воздух был совершенно спокоен, лучи Плутона жгли немилосердно в узкой долине, голые склоны которой были нагреты, словно печь, и только близость воды, которой можно было постоянно утолять жажду и смачивать голову, поддерживала путешественников и позволяла им двигаться вперед.

Поиски сернистых руд пока были безуспешны.

Обеденный привал сделали на берегу ручья, сварили чай, пососали сладкий тростник и разделили последний сухарь.

— Вечером нам придется попробовать стрекозу или подстрелить птеродактиля! — печально сказал Папочкин, собирая последние крохи сухаря.

36

В ГЛУБЬ ЧЕРНОЙ ПУСТЫНИ

Отдохнув, продолжали путь вверх по долине. На обоих склонах тянулись те же черные, мрачные скалы, разбитые трещи-

нами то на огромные неуклюжие кубы, то на стройные, тонкие столбы. Растительность вдоль ручья становилась все беднее; хвощи попадались реже, папоротники и пальмы совсем исчезли и только трава и сладкий тростник продолжали окаймлять берега ручья.

На ночлег остановились у последнего сухого дерева, чтобы воспользоваться им в качестве топлива. Сварили чай и пили его в большом количестве с соком тростника, чтобы обмануть голод, так как никакой дичи не попалось.

После чая Макшеев и Каштанов вздумали подняться на склон долины, чтобы осмотреть местность. Последняя представляла собой равнину, расстилавшуюся во все стороны на далекое расстояние; только на юге, километрах в двадцати, над ней поднималась группа плоско-конических гор.

Когда оба исследователя отошли на несколько десятков шагов от края обрыва, так что долина ручья совершенно скрылась из вида, они почувствовали все мрачное величие окружавшей пустыни.

Черный голый утес, усыпанный крупными и мелкими осколками, отделившимися от него под влиянием высокой температуры вечно греющих лучей, представлял почву этой пустыни. Нигде ни кусточка, ни былинки, один черный камень под ногами до горизонта, небо с красноватым Плутоном над головой — абсолютная, непроходимая пустыня, грозившая верной смертью от голода и жажды смельчаку, который решился бы надолго углубиться в ее необозримые просторы.

От черного камня, нагретого Плутоном, дышало жаром, как из раскаленной печи, а сверху жгли отвесные лучи Плутона, от которых решительно негде было укрыться. Только горы, поднимавшиеся на юге, вносили маленькое разнообразие в ужасную подавляющую монотонность пустыни, потому что они были не черные, а изобиловали белыми, красными и желтыми полосами и пятнами.

Рассмотрев местность, Каштанов сказал своему спутнику:

— Я думаю, что нашему проникновению в глубь таинственной страны поставлен недалеко отсюда окончательный предел. Долина, по которой мы идем, вероятно оканчивается там, у

группы гор, и я боюсь, что дальше расстилается такая же мрачная пустыня, абсолютно непроходимая без специального снаряжения, без больших запасов воды, провианта и топлива.

— Неужели вся остальная часть внутренней поверхности земли представляет такую же раскаленную пустыню?

— Вероятно, что так, по крайней мере до окрестностей входного отверстия у южного полюса, если такое существует. Ведь влагу, необходимую для растительности и животной жизни, внутренняя поверхность получает через эти отверстия. Очевидно море, которое мы переплыли, составляет последний резервуар этой влаги.

— Но северные ветры, вообще господствующие, как мы видели, могут заносить эту влагу и дальше.

— За последнее время мы этих ветров не ощущали, кроме редких бурь с грозами. Вероятно последние тучи, приходящие с севера, разряжаются над морем и в ближайшей к югу от него полосе, а дальше над этой раскаленной пустыней несутся только остатки влаги, воздух не насыщается ими и дожди невозможны.

— Значит мы дойдем только до этих гор на юге?

— Да, доберемся до них и увидим, правильны ли мои соображения.

— Что же делать, если на этом пути мы не найдем нужных нам сернистых руд?

— Эти горы, судя по их форме и цвету, вероятно представляют потухшие вулканы, а на склонах вулканов почти всегда можно найти серу. Я почти убежден, что мы там найдем то, что нам нужно.

— И повернем назад?

— Я думаю, что нужно воспользоваться тем, что мы уже проникли так далеко от моря, и сделать еще экскурсию на юг, чтобы убедиться, что пустыня непроходима. Тогда наша совесть будет спокойна — мы сделали все, что в человеческих силах.

— Но может быть в другом месте море проникает дальше на юг, а следовательно даст нам возможность проникнуть дальше.

— Если мы отнимем у муравьев наши вещи, то можем проехать вдоль берега моря на восток и на запад и убедиться в этом.

Насмотревшись на пустыню и бросив прощальный привет seiner поверхности моря и его зеленым берегам, которые чуть виднелись на севере, за краем пустыни, геологи направились обратно к своему лагерю. Когда они спускались по расселине, скользя на осыпях и прыгая с глыбы на глыбу, они слышали один за другим два выстрела.

— Что это? Неужели муравьи забрались так далеко и напали на наших товарищей? — заметил Каштанов.

— Нужно поспешить на помощь! — ответил Макшеев.

Удвоив быстроту спуска, они через несколько минут достигли подножия склона и бегом направились к месту стоянки. Но их тревога оказалась напрасной: не муравьи напали на товарищей, а благосклонная судьба послала голодающим запас провизии.

Сидя на берегу ручья, Папочкин и Громеко заметили черную тень, пронесшуюся над ними. Они подняли головы и увидели, что над долиной кружит большой птеродактиль, внимание которого может быть привлекла блестящая на солнце жестянка. Не долго думая, они схватили ружья и выстрелили, когда ящер, описывая новый круг, спустился ниже. Одна пуля попала, и животное свалилось. Это был очень крупный экземпляр, длиной от головы до кончика хвоста больше полутора метров, так что его туловище имело много мясистых частей.

Насытившись ужином из ящера, залегли спать, поочередно карауля, так как мясо, разложенное на камнях для провяливания, нужно было беречь от летучих ящеров, которые могли сюда залететь.

На следующий день движение вверх по долине продолжалось; путешественники были нагружены запасами сушеного мяса, а также сладкого тростника и топлива, так как опасались, что всего этого выше по долине уже не встретят. Долина действительно становилась все более и более пустынной, и растительность на берегах ручья попадалась все реже. Сернистая руда не встречалась, и теперь Каштанов возлагал единствен-

ную надежду на вулканообразные горы в верховьях долины, которые к концу длинного перехода казались уже совсем близко. Немного не доходя их, долина сузилась и превратилась в короткое ущелье, которое вывело путешественников в котловину, расположенную у самого подножия гор.

К всеобщему удивлению, на дне котловины оказалось довольно большое озеро, скалистые берега которого местами были покрыты зеленью — небольшие хвощи, папоротники и тростник росли группами на более отлогих участках берега, прерывавшихся невысокими скалами. Это озеро представляло удобное место для стоянки, где можно было оставить лишний груз, чтобы подняться налегке на горы в поисках серы или сернистых руд.

Расположившись в тени папоротников, путешественники вздумали выкупаться в темной, спокойной воде озера, которое походило на большое гладкое зеркало в раме черного дерева с изумрудными вставками. Папочкин, раздевшийся первым, храбро нырнул с головой в воду, но тотчас же вынырнул и выскочил на берег с возгласом:

— Вода горячая, дух захватывает!

Остальные стали пробовать воду — кто рукой, кто ногой — и убедились, что зоолог прав: вода почти обжигала кожу.

Громеко вытащил карманный термометр, единственный уцелевший из инструментов экспедиции благодаря тому, что он всегда был с собой. Опущенный в озеро, он показал 40° по Цельсию.

— Ну, это еще не так страшно! — сказал ботаник. — Сорок градусов Цельсия равны тридцати двум градусам Реомюра, а это температура горячей ванны, которую вполне можно выдержать.

Но горячая ванна в жаркий день не могла освежить, так что путешественники ограничились только тем, что помылись основательно, употребляя вместо мыла белый тонкий ил, который лежал толстым слоем на дне озера. Он был нагрет еще больше, чем вода, и положительно обжигал погруженные в него ноги, зато пенился подобно мылу и прекрасно заменял его.

— Вот еще неожиданное богатство, остающееся без употребления в этой стране чудес! — сказал Макшеев, усердно патираясь илом.

— Да, предприимчивые люди создали бы громадное дело. Целебное мыло из недр земли излечивает всякие болезни, начиная от насморка и кончая раком, — приблизительно так гласили бы рекламы, которыми были бы наводнены страницы газет и журналов, — смеялся Громеко, относившийся иронически ко всем богатствам, возбуждавшим предприимчивый дух прежнего золотонискателя.

— Уж если говорить о богатствах Плутонии, то нельзя забывать и животный мир, — воскликнул Папочкин, сунувшийся на солнце после ванны. — Я бы организовал акционерную компанию для вывоза всех этих «живых окаменелостей» и снабжения ими зоологических садов и музеев всех государств поверхности нашей планеты. Такая компания имела бы огромный успех, больше ваших горнопромышленных предприятий, потому что золото, медь, железо — все это имеется в достаточном количестве и там наверху, а живых мамонтов, плезиозавров, птеродактилей там нет.

— Меня интересует это горячее озеро, — сказал Громеко, — я уже раньше заметил, что вода в ручье тепловата, но приписывал это ее нагреванию в голой долине с черными склонами; теперь ясно, что ручей получает свое тепло из этого озера.

— Мы несомненно находимся у подножия старых вулканов, — пояснил Каштанов, — и озеро получает приток в виде горячих ключей, выходящих из нагретых еще недр вулкана.

— Нужно обследовать это озеро по всей его окружности и выяснить этот приток, — заявил зоолог.

— Вот вы и займитесь этим вдвоем с Михаилом Игнатьевичем, пока варится ужин, а мы пойдем на разведки к вулкану, — предложил Каштанов.

Одевшись после «ванны», он и Макшеев обогнули западный конец озера, из которого вытекал ручей, просачивавшийся между наваленными черными глыбами, и начали подниматься на совершенно голые и усыпанные черным щебнем холмы, лежащие у подножия вулкана. Перевалив через них, разведчики

очутились у подножия первой большой горы, на крутом склоне которой можно было различить потоки лавы, изливавшейся в разное время из кратера на вершине горы и застывшей на поверхности то округленными волнами, то хаотически нагроможденными друг на друга глыбами.

Рассматривая более старые потоки, поверхность которых была местами желтая, красная и белая, Каштанов объяснил своему спутнику, что здесь находится охра, нашатырь и сера.

— Ну вот и сера, которая нам так нужна! Но только здесь ее немного и собирать трудно, а в кратере, надеюсь, найдем ее больше.

Карабкаясь по глыбам потока, разведчики через час достигли вершины горы. Она была плоская и в центре ее зияла черная пропасть с почти отвесными стенками.

— Вот и кратер, довольно солидных размеров.

— К несчастью, совершенно недоступный.

— Обойдем его кругом, может быть найдется удобное местечко для спуска.

Вершина горы также состояла из застывшей глыбовой лавы. С нее открывался обширный вид в обе стороны. На севере у подножия холмов лежало озеро в своей зелено-черной раме. Оно имело форму почти правильного круга, и быть может тоже представляло кратер еще более древнего вулкана. На восток и на запад спускались огромные лавовые потоки, постепенно таявшие в виде гряд и стен черных скал на поверхности пустыни. На юге поднималась немного выше вторая гора, очевидно главный конус вулкана, закрывавшая дальнейший вид; с первой горой она была соединена узкой и скалистой седловиной.

Обогнув кратер с запада и убедившись, что с этой стороны спуск в него также невозможен, разведчики прошли по седловине на вторую гору. Ее вершина имела также глубокий кратер, но разорванный на юго-востоке громадной выемкой, от которой вниз по склону шел гигантский лавовый поток, вероятно продукт последнего извержения вулкана.

Эта выемка в вале кратера позволяла спуститься на его дно без особого риска.

Теперь вид на юг был открыт. В ближайшем соседстве с главным вулканом возвышалось еще несколько низких вулканов с обвалившимися кратерами, а за ними до горизонта растянулась та же черная пустыня, которой казалось не было конца.

— Да, дальше на юг, в глубь Плутонии здесь хода нет! — воскликнул Макшеев, впиваясь своим острым взором в даль. — Километров на сто не видно ничего, кроме черного камня.

— И экскурсировать в эту сторону нечего! — прибавил Каштанов. — Осмотрим вулканы, наберем серы — и назад к муравейнику отбивать наше имущество.

Вид с вершины горы произвел на них удручающее впечатление.

Под ногами наблюдателей тянулась группа черных гор, изрезанных глубокими ущельями, словно морщинами, с желтыми, белыми и красными пятнами, словно набрызганными гигантской кистью неопытного маляра, а затем во все стороны шла черная ровная пустыня без единого признака жизни, безотрадный простор которой под красноватыми лучами Плутона имел особенно зловещий характер.

— Это царство смерти, более ужасное, чем полярные снежные пустыни! — воскликнул Каштанов.

— Да, если бы дух зла существовал, то лучшего местопребывания ему не найти! — подтвердил Макшеев.

— Вы подали хорошую мысль. Назовем эту местность пустыней Дьявола.

— А эти вулканы — трон Сатаны. Мне так и рисуется зловещая картина: в те дни, когда Плутон меркнет и воцаряются красноватые сумерки, из кратера поднимается дух зла, похожий на исполинского птеродактиля, носится над этими горами и над пустыней, оглашая воздух своим воем, купается в волнах горячего озера, отдыхает на черных высоких скалах, любясь своим царством...

Осмотрев местность и заметив наиболее удобный пункт для спуска в кратер, разведчики пошли к озеру, выбирая более прямой путь от главной вершины, чтобы отправиться на следующий день вчетвером за серой.

ЭКСКУРСИЯ В КРАТЕР САТАНЫ

На следующий день все четверо отправились к главному вулкану, захватив с собой на всякий случай только одно ружье, немного жареного мяса и сладкого тростника. Остальное имущество можно было покинуть у озера под наблюдением Генерала, так как полное отсутствие животных в этой пустыне позволяло надеяться на его целость.

Путь шел сначала через низкие горные черные холмы и гряды лавовых потоков, потом по склону главного вулкана вдоль огромного потока, начинавшегося у бреша кратера. Через полчаса добрались до нее и начали спускаться вглубь по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто в роде лестницы для исполинов.

Спуск продолжался полчаса и привел на дно кратера, которое представляло площадку с засохшей и растрескавшейся черной грязью, прежде очевидно покрытой водой исчезнувшего озера. За площадкой круто поднималась противоположная стена, густо покрытая белыми, желтыми и красными налетами и натеками. В желтых налетах не трудно было узнать самородную серу в виде мелких и крупных кристаллов, сидевших в пустотах лавы или покрывавших ее поверхность нетолстым слоем.

Вынув охотничьи ножи, путешественники принялись соскабливать налеты и отделять более крупные кристаллы, складывая добычу в свои заплечные мешки. Когда последние были наполнены, оказалось, что в каждый поместилось около шестнадцати килограммов.

— Шестнадцать килограммов серы дают свыше одиннадцати тысяч литров сернистого газа, — заметил Каштанов, — а шестьдесят четыре — почти сорок пять тысяч литров. Я думаю, что этого достаточно для муравейника.

— Больше мы и не можем унести, — сказал Папочкин, — у нас есть еще ружья и некоторые запасы, а тащить это все на себе придется два дня.

— Кое-что можно навьючить на Генерала, — предложил Макшеев, — он уже поправился, сегодня целый день отдыхает и унесет на своей спине килограммов тридцать. До озера под гору мы эти тридцать килограммов донесем, поэтому наберем еще серы, чтобы хватило.

Позавтракав и отдохнув, путешественники набрали еще килограммов тридцать, для помещения которых Макшеев снял свою рубашку и сделал из нее мешок. В одной из трещин наскребли также горсть поваренной соли.

Во время отдыха Каштанов полулежал, прислонившись к стене кратера, и внезапно ощутил резкие удары, доносившиеся из глубины горы.

«Неужели вулкан не потух?» — подумал он.

Но не имея опыта в изучении действующих вулканов, он не придавал значения этим звукам и даже не сказал о них своим товарищам.

Когда же сбор второй партии серы был окончен и все четверо опять уселись на дне кратера, чтобы отдохнуть перед подъемом и спуском с тяжелым грузом на плечах, Каштанов вспомнил о звуках и приложил ухо к скале. Удары слышались еще яснее и ощущалось даже легкое дрожание утесов.

— Я может быть ошибаюсь! — воскликнул он, вскочив с своего места. — Но мне кажется, что там здесь мешкать нечего: в недрах вулкана идет какая-то работа. Уж не готовится ли он к извержению? Послушайте сами!

Приложив ухо к стенке кратера, все убедились в справедливости его слов.

— Может быть извержение и не состоится; может быть оно произойдет через неделю или через месяц, но я не поручусь, что оно не может случиться сегодня! — заявил профессор.

— Совершенно верно, и сидеть на дне кратера нечего, тем более, что нам предстоит не легкий подъем до его края, — согласился Громеко.

Взвалив тяжелые мешки на плечи, путешественники полезли вверх по лестнице исполинов. Но подъем с ношей шел не так скоро, как спуск, и только через час они были наверху. Оглянувшись назад, они убедились, что их поспешность была

вполне своевременна: со дна кратера поднимался тонкий столб желтоватого дыма, в воздухе запахло серой и хлором.

Содрогание стенок кратера уже настолько усилилось, что ощущалось под ногами. Нужно было торопиться, потому что с минуты на минуту извержение могло начаться взрывом лавовой пробки, закупорившей жерло кратера. Не теряя времени, путешественники начали спускаться по той же дороге, по которой пришли, и через два часа были у озера, где соскучившийся Генерал приветствовал их радостным лаем и визгом.

Впрочем, вулкан не торопился начинать свою деятельность. Над его вершиной виднелся только тонкий столб буроватого дыма, поднимавшийся вертикально на огромную высоту и там рассеивавшийся. У озера не слышно было подземных ударов и все было спокойно.

Когда все сгрузили мешки с серой возле остального имущества, Папочкин спохватился, что забыл свое ружье в кратере или на вершине, где два раза останавливались для отдыха. Заявив об этом товарищам, он сказал, что вернется сейчас к вулкану за ружьем.

— У нас есть еще три ружья, а в муравейнике четвертое запасное, так что можно обойтись без оставленного и незачем подвергаться еще раз опасности, которую мы избегли, — заметил Каштанов.

— Вулкан только дымит, — твердил зоолог, очень любивший свою двустволку, отличавшуюся верным боем, и огорченный своей забывчивостью. — Пока вы отдыхаете, я успею сбегать.

— Спускаться в кратер дымящегося уже вулкана нельзя, потому что вы задохнетесь от ядовитых газов. А наиболее вероятно, что вы оставили ружье именно на дне кратера. Следовательно ваша затея все равно невыполнима, — убеждал Каштанов.

— Нет, я вспоминаю, что скорее всего оставил ружье на краю кратера еще перед спуском, чтобы не таскать его напрасно вниз и вверх по скалам. А добежать до края кратера не так уж долго и опасно, — твердил зоолог.

— Извержение может начаться каждую минуту. Не знаю

даже благоразумно ли мы поступаем, оставаясь до завтра на берегу этого озера; не лучше ли подальше уйти от вулкана?

Но все очень устали от восхождения и спуска с тяжелой ношей на спине. Вид вулкана не внушал особых опасений, а озеро находилось на расстоянии около двух километров по прямой линии от кратера, т. е. сравнительно далеко, и можно было надеяться, что его берегам непосредственная опасность не может угрожать, поэтому решили ночевать у озера, рассчитывая присутствовать хоть при начале такого грандиозного явления, как извержение вулкана.

Но тишина продолжалась только часа четыре. Спящие внезапно были разбужены страшным грохотом и колебаниями почвы. Им показалось, что их подбросило в воздух и что они падают в озеро.

Все вскочили на ноги, испуганно озираясь: почва дрожала под ногами, и деревья на берегу озера раскачивались в разные стороны.

Вершина вулкана была окутана густой завесой черного дыма, которую прорезали, подобно молниям, раскаленные камни, выбрасываемые из кратера.

Извержение началось.

— Где же Папочкин? — воскликнул Макшеев, заметивший, что их только трое.

— Не сбросило ли его толчком в озеро? Он лежал ближе всех к его берегу, — предположил Громеко.

Но поверхность воды была покрыта только мелкой рябью, очевидно обусловленной сотрясением почвы. Круговых волн, которые указывали бы, что в воду только что свалилось тяжелое тело, не было видно.

— Не убежал ли он с перепугу вниз по долине?

— А не ушел ли он все-таки к кратеру за своим ружьем? — заметил Каштанов.

Последнее предположение показалось наиболее правдоподобным, потому что зоолог отличался упрямством. Он очевидно подождал, пока его товарищи уснули, и отправился к вулкану.

Когда все призывы и поиски вокруг озера оказались тщетными, пришлось признать, что зоолог ушел за ружьем.

— Хорошо, если он еще не дошел до вершины вулкана, когда извержение началось, — заметил Каштанов. — В противном случае он несомненно погиб.

— Что же нам делать? — воскликнул Макшеев. — По-моему, нужно бежать к нему на помощь!

— Подождем некоторое время, — предложил Громеко. — До дна кратера и обратно три-четыре часа хода. Если он ушел в девять, как только мы уснули, он через полчаса или час должен вернуться.

— А за это время ход извержения покажет, можно ли подняться к кратеру без крайнего риска!

— Но ведь это ужасно — сидеть бездейтельно на месте и ждать, вместо того, чтобы спешить на помощь товарищу!

— Да, это ужасно, но мы можем спасти его только в том случае, если он еще не дошел до кратера и только ранен упавшим камнем. Если же он оказался на вершине или в самом кратере во время взрыва, то он безусловно погиб, если не от камней, то от газов. Пытаясь теперь проникнуть на вершину вулкана, мы товарища не спасем, а рискуем судьбой всей экспедиции. Смотрите, что там делается!

Последние слова Каштанов произнес при виде огромного облака паров, вырвавшихся из кратера вулкана.

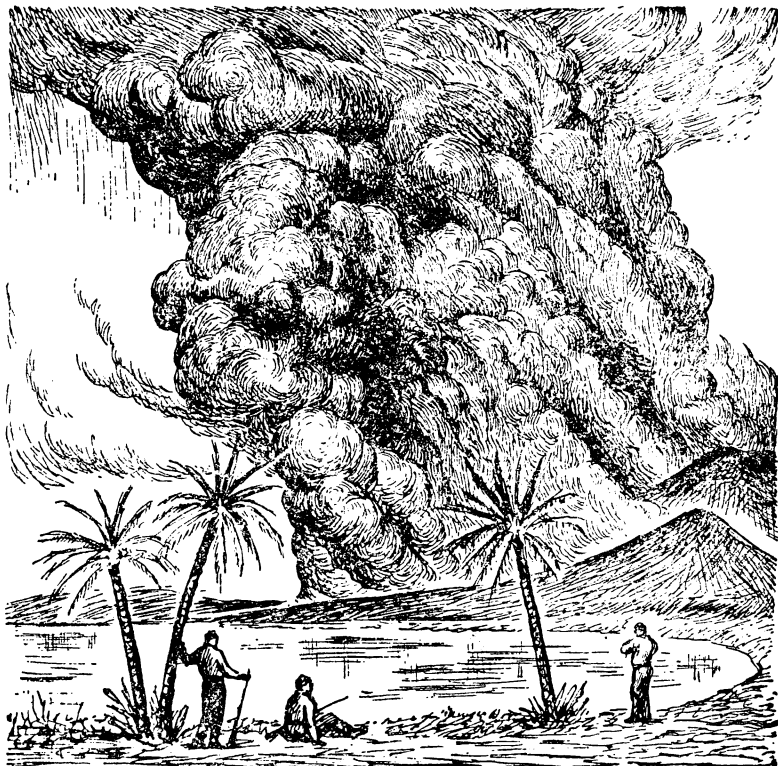
38

ПРОБУЖДЕНИЕ ВУЛКАНА

Через несколько секунд раздался оглушительный грохот, словно гора разлетелась на части или взлетела на воздух. Облако помчалось вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу или целую стену туч, которые клубились, перемешивались, свивались, озаряемые ослепительными молниями. Эта стена неслась по склону со скоростью поезда, и через несколько минут ее

конец был уже у подножия вулкана, а верхний край поднимался, клубясь, гораздо выше его вершины.

— Это совсем напоминает страшное извержение Лысой горы на острове Мартинике, погубившее в мае 1902 года город Сен-Пьер с его двадцатью семью тысячами жителей в течение

Клуб помчался вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу.

нескольких минут! — воскликнул Каштанов. — Эта туча, — так называемая жгучая или палящая, — состоит из страшно сжатых и перегретых водяных паров и газов, переполненных горячим пеплом, и несет не только мелкие камни, но и громадные глыбы.

— Наше счастье, что туча направилась не к озеру, а в дру-

гую сторону, иначе нас постигла бы участь жителей Сен-Пьера! — заметил Громеко.

— Да, она очевидно воспользовалась той же брешью в крае кратера, по которой прошли и мы, и поэтому направилась на юго-восток, по последнему потоку лавы.

— Что же будет дальше! — спросил Макшеев.

— Эти палящие тучи могут повторяться через известные промежутки времени — часы или дни, а затем появится лава.

— Но могут ли следующие тучи направиться в другую сторону, чем первая, например к нам?

— Если край кратера не изменился при страшном взрыве, сопровождавшем выход первой тучи из жерла, то и следующие тучи скорее всего сохранят направление первой. В противном случае они пойдут по новому пути.

— Следовательно могут направиться и в нашу сторону?

— Конечно, но пока мы будем надеяться, что этого не случится, и до поры до времени мы здесь в сравнительной безопасности.

Во время этой беседы туча, расплываясь в стороны, закрыла значительную часть восточного склона горы, но двигалась вниз уже медленнее и росла главным образом вверх. Все три путешественника стояли безмолвно, созерцая ужасное и величественное зрелище.

И вдруг из-за гребня ближайшего холма подножия вулкана появился Папочкин. Он бежал стремглав, без шапки, с развевающимися волосами, перепрыгивая через глыбы, заграждавшие ему дорогу. Его товарищи бросились ему навстречу, засыпая вопросами. Но он так запыхался от быстрого бега и волнения, что не мог говорить.

Только отлежавшись в тени деревьев у озера и проглотив несколько чашек холодного чаю, он пришел в себя и начал свой рассказ.

— Несмотря на ваши убеждения, я решил сходить за ружьем к вулкану, который казался мне мало угрожающим. Я надеялся, что ружье осталось на одном из двух привалов, сделанных нами во время подъема, или в крайнем случае на вершине. Я дождался, пока вы крепко уснули, и около десяти

часов ушел налегке, взяв только несколько стеблей тростника. На месте первого привала ружья не оказалось, а так как вулкан не усиливал своей деятельности, я полез дальше. Но ружья не было и на месте второго привала. Я поднялся уже очень высоко, и до вершины оставалось не больше полукилометра. Проклятый вулкан попрежнему слабо дымил, и возвращаться не хотелось.

— Я уже поднимался к бреши в крае кратера, и мне казалось, что я вижу свое ружье, прислоненное к глыбе лавы в сотне шагов впереди, когда внезапно раздался сильный грохот и из жерла выбросило массу дыма, поднявшегося вверх. Я остановился в нерешительности. Итти дальше было уже опасно, а повернуть назад — обидно, когда до ружья было так близко. Но посыпавшиеся сверху мелкие камни и комья грязи вывели меня из нерешительности. Они сыпались градом вокруг меня, и один ком так саданул меня по плечу, что я вскрикнул; должно быть он набил мне здоровый синяк — я с трудом двигаю рукой. С минуты на минуту можно было ждать нового взрыва и бомбардировки более крупными и раскаленными камнями. Я побежал вниз как только было возможно на неровном пути. Через полкилометра раздался второй взрыв, после которого вершина вулкана скрылась в дыму. Порывом воздуха унесло мою шляпу; вокруг меня опять начали падать камни, и я все бежал и бежал. Последний страшный взрыв, когда я был недалеко от подножия, бросил меня со всего размаха на землю и я чуть не вывихнул себе руки. Поднявшись, я увидел эту ужасную тучу и, собравши последние силы, побежал опять, опасаясь, что она меня догонит и задушит.

— Да, вы счастливо избегнули ужасной опасности! — сказал Каштанов, когда зоолог окончил свой рассказ.

— И в наказание за свое упрямство потеряли шляпу и устали, как ломовая лошадь! — прибавил Громеко.

— Будем рады, что наш товарищ вернулся, и обсудим, что делать дальше, — заметил Макшеев.

— Нужно уходить подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Папочкин.

— Да, вы разве в состоянии итти сейчас? Вы еще не успели

отдохнуть от вчерашней ходьбы и прибавили к ней новую. Ложитесь и спите, часа два мы можем подождать.

— А не лучше ли нам действительно отодвинуться подальше от вулкана, хоть на два-три километра? — предложил Макшеев. — Его соседство начинает становиться опасным, а мы находимся у самого подножия вулкана.

Громеко также поддержал это мнение. Решили отойти на поверхность черной пустыни вблизи края ущелья, где озерная котловина переходила в долину ручья. С этого пункта можно было наблюдать дальнейший ход извержения вулкана. Наполнили жестянку водой, навьючились серой и припасами. Два мешка серы приспособили в виде вьюка на Генерала, который сначала протестовал и пытался сбросить тяжелый груз, но потом смирился и поплелся потихоньку рядом с людьми, вместо того чтобы рыскать по сторонам в поисках какой-нибудь пищи.

Из озерной котловины поднялись по невысоким уступам на поверхность черной пустыни, по которой прошли километра два и остановились у того места, где ущелье расширялось в долину. Извержение как-будто приостановилось, первая жгучая туча уже рассеивалась, вершина горы очистилась от дымовой завесы, и из кратера поднимался только тонкий столб черного дыма. Рассмотрев вулкан в бинокль, Каштанов заметил, что его вершина потерпела некоторое изменение во время первых взрывов: край кратера с восточной стороны понизился, и вершина казалась срезанной наискось.

Понемногу все путешественники задремали, расположившись вокруг мешков с серой на голой поверхности пустыни. Так прошло часа три, когда снова страшный грохот разбудил спящих и приковал их взоры к вулкану. Из кратера опять вырвалась зловеющая туча и понеслась вниз по склону, но в этот раз прямо на северо-восток, к котловине озера. Каштанов следил по часам за движением тучи, разраставшейся, как и первая, в высокую и широкую стену серо-лилового цвета. Через четыре минуты после взрыва стена надвинулась уже на озеро и скрыла его от взоров наблюдателей.

— Туча движется со скоростью курьерского поезда, около шестидесяти километров в час! — воскликнул Каштанов.

— Какое счастье, что мы ушли оттуда!

— Да, путь тучи изменился градусов на восемьдесят против первого направления, очевидно вследствие разрушения краев кратера.

— А что было бы, если бы мы остались у озера? — поинтересовался Папочкин.

— На основании наблюдений, сделанных экспедицией, снаряженной французской Академией наук для изучения Лысой горы на Мартинике, я могу сказать, что мы были бы обожжены и задушены в атмосфере перегретого пара с пеплом, составляющего главную массу тучи, или были бы убиты камнями, которые в изобилии несутся в ней. Она переносит даже глыбы в четыре-шесть кубических метров на несколько километров от вулкана. На своем пути туча уничтожает все — животных, растения, — и после нее остается пустыня: голая полоса горячего пепла, больших и малых камней, обгоревших деревьев и почерневших трупов.

— Что же могло сделаться с озером?

— Оно завалено горячим пеплом, камнями, вышло из берегов и превратило ручей, который из него течет, в грязный и горячий поток, вероятно кратковременный.

В это время жгучая туча пронеслась через котловину озера и поднялась на черную пустыню километрах в двух от того места, где находились путешественники. Несмотря на такое расстояние, люди почувствовали жгучее дыхание тучи в виде сильного и горячего вихря, который заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждами. Они пролежали так около получаса, обливаясь потом, пока не установилось равновесие в атмосфере.

Подняв головы, они увидели над пустыней длинную и высокую стену клубов белого и серого пара, которая тянулась в одну сторону еще километров на десять дальше места, где они находились, и поднималась вверх на полторы тысячи метров. Воздух все еще был удушливый и горячий.

— Уйдемте по-добру по-здорову подальше от этого ужасного

вулкана! — воскликнул Громеко. — Кто знает, не вздумает ли он выбросить следующий заряд прямо в нашу сторону?

— Да, мы уже испытали, как трудно стало дышать в двух километрах от края тучи. Можно себе представить, каково было бы нам в ее объятиях!

Собрав свое имущество, путешественники пошли по пустыне на север, постепенно приближаясь к долине речки, куда они намеревались спуститься в первом удобном месте. Но когда они подошли к краю долины и бросили взгляд вниз, оказалось, что спокойный чистый ручеек превратился в бурный грязно-белый поток, вышедший из своего русла и бешено мчавшийся по дну долины, уничтожая растительность своих берегов.

— Стоит ли спускаться вниз? — спросил Каштанов своих товарищей. — Итти по ровной пустыне легче, чем по песчаному дну долины, а пить воду ручья, переполненного грязью, теперь уже нельзя.

Все согласились продолжать путь по пустыне и спуститься в низовьях долины, где склоны были более изрыты оврагами. Шли недалеко от края обрыва и время от времени подходили к нему, чтобы взглянуть вниз. Бурный поток через час-другой после второго извержения начал уже убывать и вскоре совершенно иссяк. Видны были только голое русло, поваленные с корнем деревья, вырванные кусты, трава, прибитая к почве и занесенная грязно-белым илом.

— Вулкан отомстил нам за то, что мы похитили из него серу! — пошутил Макшеев. — Он уничтожил ручей, чтобы умирить нас жаждой.

— Да, теперь насчет воды нам будет плохо, — заметил Громеко, — и нужно беречь наш запас, пока мы найдем другой источник в окрестностях муравейника.

— И это может помешать немедленной осаде муравейника.

Несмотря на тяжелый груз и палящий зной черной пустыни, путешественники сделали усиленный переход и остановились на ночлег, только спустившись на дно долины, недалеко от ее выхода из столовой возвышенности и от муравейника. Каштанов и Макшеев отправились на разведку, чтобы изучить внимательно крепость своих врагов. Они поднялись на поверх-

ность пустыни и прошли на восток вдоль края обрыва, с которого можно было хорошо рассмотреть муравейник.

Он имел вид громадного холма, сложенного из сухих стволов и ветвей и состоящего из целого ряда этажей. На уровне земли были расположены главные входы, по одному с каждой стороны света, невысокие, но настолько широкие, что в них могли пройти четыре или пять муравьев рядом. В этих входах происходило непрерывное движение: одни муравьи выходили целыми колоннами, направляясь в разные стороны за добычей пищи, другие возвращались парами и порознь и тащили стволы деревьев, ветви, мертвых и живых насекомых, личинок, куколок, стебли тростника, с которыми скрывались в глубине своей крепости.

В вышележащих этажах также чернели отверстия на различной высоте и в различных местах. Но они служили очевидно только для притока воздуха и может быть на случай нападения врагов — для выхода защитников. Они были уже и ниже главных, так что по ним мог выходить один муравей за другим. Из этих отверстий время от времени также показывались муравьи, бегали по уступам муравейника, вероятно осматривая, все ли в порядке.

— Не помешает ли это обилие отверстий нашему плану? — спросил Макшеев. — Если движение воздуха по муравейнику будет слишком свободно, сернистый газ начнет быстро выходить и не окажет должного действия.

— Сернистый газ тяжелее воздуха и только постепенно вытеснит последний, — ответил Каштанов. — Кроме того важные части муравейника — склады личинок, куколок, яиц, запасы пищи — вероятно находятся в глубине, может быть в камерах, вырытых в почве. Сернистый газ пойдет сначала в эти более глубокие части, а потом уже начнет распространяться в верхние этажи. Впрочем часть отверстий можно будет заткнуть, если мы увидим, что тяга слишком сильная.

— А не заложить ли горящую серу в верхние отверстия?

— Это может вызвать пожар всего муравейника. У нас ведь нет никаких несгораемых подстилок — жаровень, сковород, что ли, и серу пришлось бы класть прямо на сухое дерево.

— Можно воспользоваться скорлупой яйца игуанодона, из которой сделаны наши временные тарелки и блюдо.

— Их всего пять, а отверстий гораздо больше.

— Нужно попытаться раздобыть сегодня еще одно или два яйца, тогда можно будет устроить еще с десятков чаш для сжигания серы.

— Это идея! Времени до вечера у нас еще много, сделаем экскурсию в пески, откуда муравьи таскают эти яйца.

Окончив осмотр муравейника, Макшеев и Каштанов возвратились к месту стоянки и сообщили свой план товарищам. Все охотно согласилось сходить на следующий день в песчаные холмы за яйцами, пока Макшеев и Каштанов будут заняты измельчением серы.

39

ГИБЕЛЬ МУРАВЕЙНИКА

Когда последние партии муравьев вернулись домой и муравейник успокоился, путешественники приступили к исполнению своего плана. За день вся сера была истерта в порошок при помощи плоских камней. Наполнив ею заплечные мешки и захватив блюда из яичной скорлупы, все направились к муравейнику, где каждый товарищ должен был положить в одном из главных входов свою порцию серы, рассыпав ее грядкой поперек хода, чтобы газ направлялся в глубь сооружения. Зажегши серу, нужно было заложить выход стволами, взятыми со стен, а затем забраться по наружной поверхности и расставить в ближайших отверстиях блюда с остальной серой, чтобы отравить воздух во всей нижней части муравейника и воспрепятствовать муравьям спастись вверх. Для того, чтобы сера на блюдах не горела слишком быстро и не могла зажечь сухие бревна постройки, она была слегка смочена водой.

Этот план был в точности исполнен, но только в двух главных выходах, обращенных на юг и на запад, Макшеев и Громеко неожиданно встретили караульных муравьев. К счастью,

муравьи были полусонные и не успели поднять тревогу, как их убили ударами ножей.

Путешественники зажгли серу и отошли в сторону, дожидаясь на страже с ружьями в руках, чтобы истреблять спасающихся. Через четверть часа из нескольких отверстий самых верхних этажей, в которых сера не была положена, появились муравьи, тащившие большие белые свертки, очевидно куколок. Они бегали с ними по поверхности муравейника, спускаясь вниз, но, не достигнув земли, падали, отравленные газом серы, горевшей у нижних входов. Только нескольким удалось спуститься на землю, и они принялись растаскивать бревна, загораживавшие один из самых главных входов, очевидно полагая, что этим они спасут своих, задыхающихся в глубине сотоварищей. Но эти неожиданные спасители были истреблены несколькими выстрелами. Больше никто не появлялся — все население муравейника, захваченное во время сна, погибло.

Когда сера догорела и из всех отверстий потянулся легкий сизый дымок, доказывавший, что весь муравейник наполнен сернистым газом, Папочкин задал вопрос, совершенно естественный, но до сих пор не приходивший никому в голову.

— Как же мы сами то попадем в глубь этого сооружения? Ведь оно и для нас отравлено надолго!

— Нужно разгородить нижние отверстия, чтобы усилить доступ воздуха, а затем ждать, может быть несколько дней, пока сернистый газ постепенно не улетучится, — ответил Каштанов.

— Ждать так долго без дела — слишком скучно, — заметил Макшеев. — Нельзя ли устроить какую-нибудь усиленную вентиляцию, чтобы выгнать газ?

— Посредством чего? Огонь разводить нельзя из-за опасности пожара, а других приспособлений у нас нет.

— Если бы нам удалось застрелить игуанодона или крупного птеродактиля, — заявил инженер, — я бы смастерил из его свежей шкуры большой мех.

— Это идея! Но из чего мы сделаем трубы для вдувания воздуха в глубь муравейника?

— А хвощи разве не годятся? — предложил Громеко. —

Ведь их стволы пустотелые и нужно только пробить перегородки между отдельными коленами, чтобы сделать из них прекрасные длинные трубы. А их уже можно соединить друг с другом.

— Голь на выдумки хитра! — согласился Папочкин. — И я убеждаюсь все больше и больше, что мы, подобно Робинзону, выпутаемся из всякой беды, которую еще уготовит нам судьба.

— И даже лучше Робинзона, — заметил Каштанов, — потому что он был один, а нас четверо, и все мы специалисты разного рода. Нам было бы стыдно, если бы мы на общем совещании не могли придумать выход из любого затруднительного положения.

— Итак, за дело! — воскликнул Макшеев. — Двое из нас с Генералом пойдут на охоту, а остальные займутся изготовлением труб. Материал под руками — почти весь муравейник сложен из сухих стволов хвощей.

Папочкин и Громеко вернулись к месту стоянки, отвязали Генерала, принесли оставшееся имущество ближе к муравейнику и затем отправились вдоль опушки леса на восток.

Макшеев и Каштанов направились к муравейнику, но, не дойдя до него десятка два шагов, почувствовали резкий запах сернистого газа. Они начали кашлять и убедились, что подойти ближе невозможно.

— Придется подождать еще!

— Займемся пока доставкой замазки для труб, — предложил инженер. — В русле ручья, после того как сбежал бурный поток, вызванный извержением вулкана, осталось очень много липкой беловатой грязи. Нужно натаскать ее сюда, пока она не высохла.

Захватив заплечные мешки, освободившиеся от серы, оба отправились к руслу и в несколько приемов натаскали целую кучу грязи, представлявшей превосходную замазку. Кучу покрыли мешками и лишней одеждой, чтобы предохранить от жгучих лучей Плутона.

Затем начали раскалывать стволы хвощей при помощи ножей, клиньев и большого камня, служившего вместо молота, и уничтожать перегородки между коленами, после чего обе по-

ловины ствола снова склеивались посредством замазки, и получившаяся труба обвязывалась в нескольких местах гибкими прутьями.

Таким образом в течение нескольких часов была изготовлена дюжина труб, длиной около шести метров каждая. Так как стволы к вершине были заметно тоньше, то трубы не трудно было соединить друг с другом, вставляя узкий конец одной трубы, обильно смазанный замазкой, в широкий конец следующей.

К концу этой работы явились и охотники, доставившие шкуру игуанодона.

Из более тонких стволов хвощей Макшеев устроил стан для меха. Когда мех был сделан, его установили у одного из больших входов в муравейник. Затем в последний начали спускать приготовленные трубы, одну за другой, узким концом вперед, постепенно подвигая их в глубь галлерей и наращивая с широкого конца. Постепенно все двенадцать труб исчезли в темноте галлерей, откуда газ выходил еще в изобилии, так что приходилось прерывать работу и отбегать в сторону, чтобы отдышаться на свежем воздухе. Широкий конец последней трубы вставили в мех, туго обвязали — и импровизированный вентилятор был готов.

После ужина немедленно начали проветривание муравейника, меняясь у меха, так что трое могли спать, пока четвертый работал мехом.

Проветривание вскоре начало оказывать действие — выделение газа из всех отверстий усилилось. Неожиданную помощь оказала также налетевшая гроза с сильным ветром, но почти без дождя. Порывы ветра проникли в отверстия муравейника, вытесняя газ из верхних ярусов.

Утром приступили к осмотру муравейника, вооружившись небольшими факелами, которые Громеко приготовил из сухого ствола очень смолистого хвойного дерева. Галлерея, по которой были проложены трубы вентилятора, шла в глубь муравейника с пологим уклоном вниз. Она имела более двух метров в ширину, но только полтора метра в высоту, так что приходилось идти согнувшись. Уже недалеко от входа начали попа-

даться трупы муравьев, застигнутые газом во время бегства, и чем дальше, тем их было больше, так что ниже конца труб вентилятора приходилось уже очищать себе дорогу, отбрасывая трупы в сторону.

Галерея оканчивалась в центральной большой камере, в которую сходились, подобно радиусам, и остальные три главные хода. Эта камера была уже врыта на глубину четырех метров в почву равнины, но свод ее состоял из стволов хвощей, расположенных очень искусно по радиусам, подобно стропилам плоско-конической крыши цирка. В промежутках между устьями четырех главных галлерей в стенках камеры открывались другие четыре хода, шедшие также по радиусам, но с уклоном от центра к окружности и врытые целиком в землю, представлявшей очень плотный морской песок с прослоями гальки. В камере трупы муравьев, куколок и личинок, которых первые спасали, лежали целыми горами, так что приходилось карабкаться через них.

Путешественники пошли наугад в один из нижних ходов, почва которого была вся устлана трупами. Этот ход был такой же низкий, как и верхние, и чтобы не идти почти на четвереньках, путешественники были вынуждены складывать трупы друг на друга вдоль стен, очищая себе проход посередине. Этот ход, углубляясь в землю, привел на расстоянии семидесяти шагов от центральной камеры к поперечной галлее, которая имела уже почти два метра вышины, так что в ней можно было выпрямиться. Эта галлея шла по окружности круга под всей площадью муравейника и представляла его важнейшую часть, так как справа и слева от нее располагались отдельные камеры различной величины и с различным назначением: в одних лежали рядами белые куколки, похожие на детские трупы, завернутые с головой в саван; в других порознь и кучами валялись мертвые личинки — толстые белые черви, подобные обрубками бревен; в третьих были разложены яйца муравьев, напоминавшие желтоватые караваи хлеба. Все камеры, занятые этими будущими поколениями муравьев, располагались с одной стороны кольцевой галереи, именно с внутренней, тогда как с наружной стороны находились камеры со складами съест-

ных припасов — грудями сладкого тростника, молодых стеблей кустов и трав, различных насекомых — стрекоз, жуков, червей, гусениц, целых или разорванных на куски и издававших зловоние, которое не заглушалось даже запахом сернистого газа, более заметным в этом ярусе муравейника.

Осмотрев ряд камер по обе стороны кольцевой галлерей, путешественники наконец, к своей великой радости, наткнулись и на похищенное у них имущество: все вещи были сложены в одной из наружных камер друг возле друга и в относительно порядке. Здесь была и палатка, и ящики с инструментами и припасами, и сумки с одеждой и бельем, топор, ружье, посуда — даже образцы железной руды и золота, принесенные с первой экскурсии в береговые ущелья и не уложенные еще в мешки с коллекциями.

Вещи принесли в два приема: сначала в центральную камеру, а затем вынесли их из муравейника на свежий воздух, показавшийся удивительно приятным после часового пребывания под землей в атмосфере, пропитанной зловонием гниющих насекомых и остатков сернистого газа.

Отдохнув и пересмотрев свои вещи, среди которых запас табаку особенно обрадовал курильщиков, лишенных его целую неделю, путешественники захотели осмотреть еще верхние надземные ярусы муравейника, чтобы иметь полное понятие об его устройстве.

Оказалось, что надземная система имела главной целью защиту подземных частей от непогоды и врагов. Ходы в этой постройке, также идущие радиусами, были узкие и низкие, и в каждом ярусе сходились в небольшой центральной камере. Для сообщения между ярусами служили короткие и круто наклонные ходы.

40

ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

После странствования по черной пустыне и в безводных окрестностях муравейника, где в последнее время с трудом добывали грязную воду из ямы, вырытой в русле иссякшего после

извержения ручья, путешественники с восторгом приветствовали морской берег и искупались в чистых водах моря Ящеров. Затем они откопали лодки и возобновили свое плавание.

Каштанов, после знакомства во время экскурсии к вулкану с характером этой страны, почти не питал надежды на возможность дальнейшего путешествия к югу; ему казалось наиболее вероятным, что к югу от моря Ящеров залегла на многие тысячи километров бесплодная и безводная пустыня, проникнуть в глубь которой при наличных средствах экспедиции нельзя было и думать.

Но исследовать насколько возможно западный конец или западное продолжение моря было интересно и необходимо.

Плыли вдоль берега, представлявшего огромные и бесплодные песчаные дюны, с которыми путешественники достаточно познакомились во время экскурсии к вулкану. Поэтому плавание продолжалось безостановочно до окончания песков, которые тянулись вдоль берега на двадцать пять километров. Море в этой части оказалось мелким, и в разных местах сквозь воду краснели обширные отмели, которые приходилось объезжать, отдаляясь от берега. Вблизи берега совсем не попадались плезиозавры и ихтиозавры, предпочитавшие глубокую воду. Зато между отмелями видно было множество мелкой рыбы, которая здесь пряталась от хищников, беспощадно истреблявших ее в других частях моря. Местами морское дно было сплошь покрыто пышными и разнообразными водорослями, доставлявшими обильную жатву как ботанику, так и зоолоту. Последнего интересовали различные морские ежи, звезды, плеченогие, брюхоногие и пластинчатожаберные моллюски, которыми кишели эти подводные заросли.

Наконец пески отодвинулись от берега, уступая место узкой полосе леса хвощей, папоротников и пальм. Здесь наши исследователи сделали привал для обеда, а потом поплыли дальше. Количество отмелей в море все увеличивалось, и появились даже низменные острова, сплошь заросшие мелким хвощом и тростником. Пески отодвигались все дальше, и их красноватые гребни уже почти скрывались за береговым лесом, количество островов все увеличивалось, и море превращалось в

огромную тихую реку, разбившуюся на рукава. Даже вода стала почти пресной.

— Очевидно с запада в море впадает большая река, и мы уже попали в ее дельту, — заметил Каштанов.

— Да, здесь уже нет прибоя и поэтому нет песчаного побережья, на котором так удобно было ставить палатку! — сказал Макшеев.

— И нам придется ночевать в чаще среди туч насекомых, — пожаловался Папочкин.

Насекомые действительно появились в изобилии. Над водой и зеленью островов реяли разноцветные стрекозы, иногда преследуемые небольшими летучими ящерами. В чащах хвощей и тростника пели исполинские комары, и издаваемые ими звуки можно было слышать на расстоянии нескольких метров. По стеблям ползали огромные жуки — черные, красные и бронзовые, иногда падали в воду и барахтались, стараясь уцепиться за нависшие листья.

Несколько часов плыли между низменным южным берегом, занятым непроходимым, сплошным лесом, и лабиринтом островов, также не представлявших удобного места для стоянки.

Оставалось расположиться на отдых в лодках, причалив к берегу, и ограничиться сухоядением, потому что топлива не было совершенно. Все приуныли от перспективы бесконечной войны с комарами.

Маленькое приключение подняло настроение путешественников. Они плыли очень близко от зарослей большого острова, высматривая, нет ли где-нибудь сухого дерева среди бесконечной зелени хвощей и мелких папоротников.

— Ура! — воскликнул внезапно Громеко, когда лодки обогнули выступ и впереди открылась новая полоса берега. — Смотрите, какое славное бревно, и невысоко над водой, словно для нас приготовлено.

Действительно, из зеленой стены высовывалось больше чем на два метра толстое бревно зелено-бурого цвета, очевидно ствол большого хвоща, сваленный бурей. Гребцы налегли на весла и направили лодки к самому краю зарослей.

Макшеев встал на носу с багром, а Громеко с веревкой,

чтобы закинуть ее на бревно и втащить его в лодку. Он искусно кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась несколькими кольцами вокруг бревна. Но бревно грациозно изогнулось и скрылось в зарослях, унося с собой веревку, конец которой ботаник от неожиданности выпустил из рук. Хвощи и папоротники трещали и колебались, словно среди них двигалось какое-то огромное тело.

Из зеленой стены высывалась больше чем на два метра голова диплодока — толстое бревно зелено-бурого цвета.

— Вот так бревно! — воскликнул, смеясь, Макшеев, успевший рассмотреть маленькую голову, которой оканчивалась длинная шея. — Михаил Игнатьевич хотел поймать ящера арканом. Зачем же вы выпустили веревку? Нужно было тащить добычу в лодку!

— Так шею ящера вы приняли за бревно? Ха-ха-ха! — смеялись Папочкин и Каштанов.

— Он держался совершенно неподвижно, а тело было скрыто в чаще, — оправдывался сконфуженный ботаник.

— Ха-ха-ха-ха! — заливались остальные.

— Вы напрасно смеетесь! — рассердился Громеко. — Я должен напомнить вам, что и вы делали подобные ошибки. Кто-то из вас принял мамонтов за базальтовые холмы, а еще кто-то прокатился на глиптодоне, которого принял за скалу и начал обрабатывать ее зубилом!

Но это напоминание только увеличило всеобщую веселость, и в конце концов Громеко также расхохотался.

Усталость, комары, отсутствие топлива были забыты, все наперебой вспоминали разные курьезные случаи путешествия.

Когда смех затих на некоторое время, Макшеев, прислушиваясь, заявил:

— Впереди должно быть более открытое море, я слышу шум прибоя.

Гребцы подняли весла и также прислушались; с запада действительно доносился слабый шум.

— Если так, то наляжем на весла! Там, где есть прибой, найдется и удобное место для почлега и дрова для костра.

— Но сначала наполним наши жестянки водой, которая сейчас совсем пресная, не то придется опять искать какой-нибудь ручей, — заметил Громеко.

Последовали этому мудрому совету и наполнили водой все свободные сосуды, затем дружно взялись за весла, и через полчаса выплыли из лабиринта островов на открытую воду. Берега отдалялись в обе стороны, и море уходило на запад за горизонт. Вместе с тем на южном берегу опять появился широкий голый пляж, на котором и расставили палатку.

Это второе море, соединенное с первым длинным и узким проливом с островами и мелями, было такое же как и первое.

На северном берегу была видна только зеленая полоса леса, тогда как на южном позади леса тянулись темные обрывы столовой возвышенности. Над зеркалом вод реяли стрекозы, с пронзительным свистом и кваканьем кружились летучие ящеры, а по временам то тут, то там поднимались шеи и головы плезиозавров.

— Уж не ошиблись ли мы в лабиринте островов и не выехали ли обратно в море Ящеров! — заявил Папочкин, когда зашел разговор о необычайном сходстве обоих морей.

— Сходство конечно большое. Но вы забыли про песчаные холмы южного берега. Если бы мы ошиблись и поехали на восток — ведь по этому Плутону, вечно торчащему в зените, ориентироваться нельзя — мы должны были бы долго ехать, ввиду этих дюн, — сказал Каштанов.

— Но не видно реки, текущей с юга, по которой мы могли бы продвинуться еще в эту сторону, — горевал Громеко.

— Имейте терпение, малодушный! Мы только что выехали в это море, а вы уже жалуетесь.

Но терпение действительно подверглось испытанию. Проплыли несколько часов, а характер южного берега не менялся: все тот же лес без перерыва, все те же обрывы плоских высот позади него. Становилось скучно. Плезиозавры, летучие ящеры, стрекозы сделались настолько обыденными явлениями, что на них обращали не больше внимания, чем на каких-нибудь лебедей, ворон, жуков при плавании на реке земной поверхности. Только изредка ихтиозавры нарушали однообразие и заставляли гребцов браться за ружья, когда вблизи лодки внезапно появлялась широкая буро-зеленая спина или противная голова этого страшного хищника.

41

СВЕРХЧУДОВИЩА

Так прошла половина дня, и гребцы начали поглядывать уже на берег, высматривая местечко с топливом для обеденного привала. Утром они паловили опять много рыбы и теперь собирались жарить ее.

— Вот впереди на берегу какие-то кучи бревен, — воскликнул наконец Макшеев.

Направили лодки так, чтобы постепенно приблизиться к берегу, и налегли на весла в ожидании вкусного завтрака. Но когда бревна были еще в сотне метров, Каштанов, всмотревшись пристальнее, заявил:

— Это совсем не кучи бревен, а какие-то животные огромной величины, мертвые или спящие.

— Осторожнее, держите дальше от берега! — крикнул Макшеев, заметивший, что куча шевелилась.

Лодки остановились на расстоянии шагов двухсот, и гребцы с удивлением и с ужасом смотрели на берег, на котором лежали друг возле друга, вытянувшись на песке, четыре каких-то чудовища. Туловища их вздымались над пляжем, подобно длинным холмикам метра в четыре вышиною. Вдоль спины шел узкий и плоский гребень, но без щитов и шипов, как у стегозавра, а совершенно гладкий и повидимому голый. Бока животных были песочно-желтого цвета с длинными и узкими темными продольными полосами, так что издали производили впечатление кучи бревен, наложенных друг на друга.

Даже с такого близкого расстояния трудно было поверить, что это не четыре штабеля бревен, а чудовищные животные, длиной не менее пятнадцати—семнадцати метров; но эти штабели вздымались с боков при дыхании, иногда вздрагивали, а хвосты шевелились в воде, поднимая рябь на ее зеркальной поверхности.

— Как бы заставить их встать, — проговорил Папочкин. — Нужно же рассмотреть их как следует и сфотографировать.

— Несколько разрывных пуль не трудно послать в эти туши, — заметил Макшеев, — но не кончится ли это очень плохо для нас? Если чудовища разъярятся и бросятся к нам, они нас проглотят в одно мгновение.

— А хищники это или травоядные? — поинтересовался Громеко. — Что это — колоссальные ящеры, я не сомневаюсь.

— Я полагаю, что это не хищники, — сказал Каштанов. — Таких огромных размеров хищники никогда не достигали; для них нужно было бы слишком много животной пищи, а природа в этом отношении соблюдает известную экономию. Вспомните, что все наиболее крупные животные современности, как слоны, носороги, бегемоты, киты — не хищники.

— Ну, в таком случае можно поохотиться на них! Поглядите, сколько мяса: можно накормить целый батальон! — заявил ботаник, хватаясь за ружье.

— Подождите немного, — предупредил его Каштанов. — Пусть они даже не хищники, но разъярить их едва ли будет

благоразумно: они могут броситься к нам и утопить наши лодки, словно скорлупки.

— А если выстрелить в воздух или пустить в них заряд дробь, чтобы они встрепнулись? — не унимался Громеко. — Дробь только пощекочет этих великанов.

— Ну, хорошо, только подплывем сначала так, чтобы быть против них, но на расстоянии хотя бы ста метров от берега. Если эти животные сухопутные, то они так далеко в воду не полезут.

Когда лодки очутились против чудовищ, продолжавших спокойно лежать, Громеко выпустил в них двойной заряд дробь. Дробь или звук близкого выстрела, отдавшегося эхом от стены леса, заставили животных вскочить на ноги. Чудовища как-то странно замотали своими длинными шеями, оканчивавшимися головкой, маленькой до смешного в сравнении с громадным телом, хотя и достигавшей семидесяти пяти сантиметров в длину, а затем тяжелой рысцой, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега. Ноги у них были короткие и слабые сравнительно с массивным телом.

— Я думаю, что это бронтозавры — самые крупные травоядные ящеры верхнеюрского времени, быстро исчезнувшие на земле, вследствие своей неуклюжей организации и отсутствию органов защиты, — сказал Каштанов.

— Кто же мог нападать на этих колоссов? Ведь они имеют не меньше пятнадцати-восемнадцати метров в длину, больше четырех метров в высоту, — поинтересовался Макшеев.

— И несмотря на эти размеры, хищнику, например цератозавру, ничего не стоит перегрызть шею такому чудовищу, не говоря уже об истреблении его яиц и детенышей.

— Они и в Плутонии повидимому немногочисленны! — заметил Папочкин.

— Мы уже видели много игуанодонов, птеродактилей, ихтио- и плезиозавров, а этих встречаем в первый раз. А так как чудовища оказались трусливыми, то я предлагаю подплыть ближе к берегу, чтобы фотография вышла немного крупнее.

Ящеры побежали на запад, т. е. в ту же сторону, куда плыли наши путешественники, и, отбежав около полукилометра, ос-

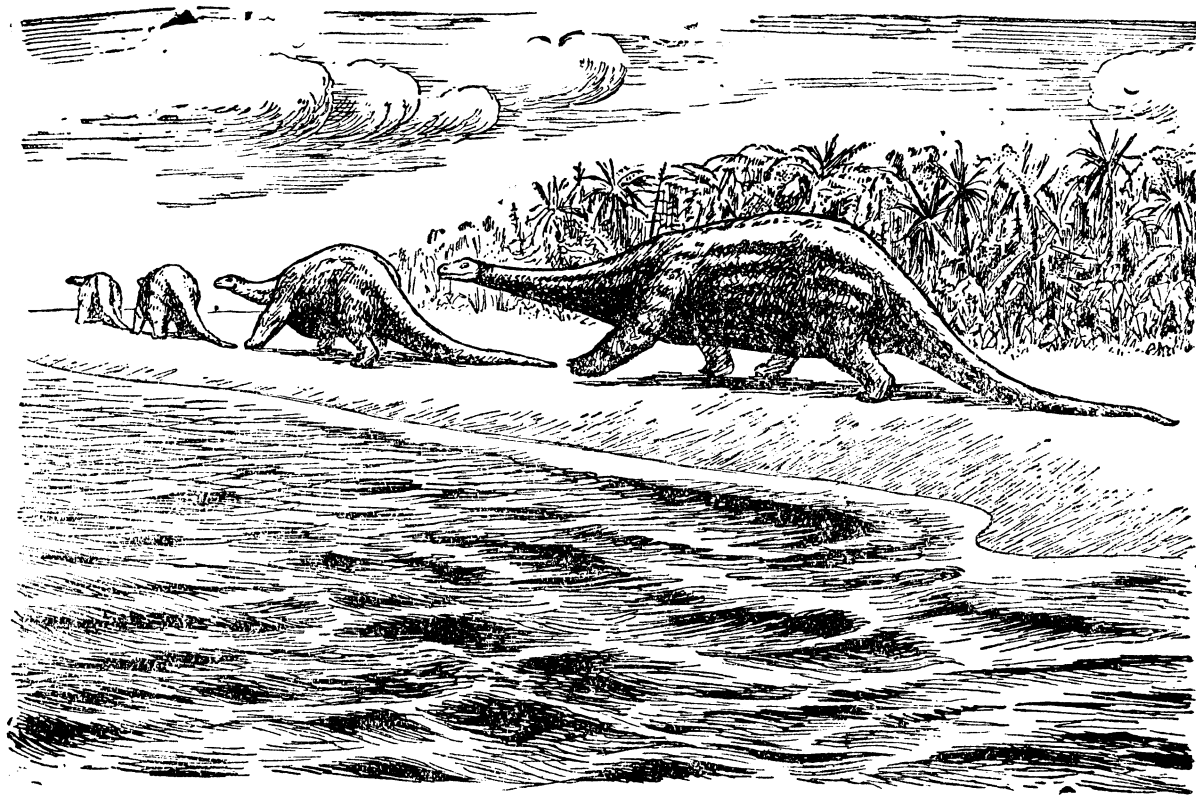
тановились. Поэтому через короткое время лодки, приблизившиеся к берегу, очутились опять против них. Папочкин сделал два снимка и, приготовившись к третьему, попросил ботаника выстрелить, чтобы снять животных во время неуклюжего бега.

На этот раз заряд дробы, пущенный в ящеров с близкого расстояния, произвел иной результат. Вместо того, чтобы возобновить свое бегство вдоль берега, чудовища, толкая друг друга, бросились в воду, вздымая огромные волны и целые фонтаны брызг, долетавших до неосторожных мореплавателей. Громеко, стоявший в лодке, окаченный с головы до ног, потерял равновесие и бултыхнулся в море с ружьем в руках; Папочкин едва успел спрятать аппарат под свою куртку, самоотверженно подставляя голову холодному душу. Каштанов и Макшеев, сидевшие на корме и, к счастью, не выпустившие весел из рук, употребляли крайние усилия, чтобы удерживать лодки против набегавших одна за другой волн и не дать им залить и потопить себя.

Если бы эти гиганты направились прямо к лодкам, гибель путешественников было бы неминуема, — они были бы смяты и потоплены со всем своим имуществом под напором чудовищных тел, так как глубина, на которой они остановились, оказалась не более двух метров. Но ящеры побежали наискось, словно не замечая преследователей, и остановились, когда вода покрыла их туловища и значительную часть шеи. Над поверхностью волновавшегося моря виднелись только четыре уродливые головы, поворачивавшиеся в разные стороны и словно старавшиеся рассмотреть странных врагов или уяснить себе причину переполоха.

В это время Громеко уже вынырнул и подплыл к лодкам, отнесенным волнами несколько в сторону от места катастрофы. Во время падения он не выронил своего ружья и теперь держал его над головой, ухватившись за борт лодки, пока товарищи не пришли к нему на помощь и не вытащили из воды.

Он промок конечно до нитки, перемочил все содержимое многочисленных карманов — записную книжку, часы, медицин-

Протозавры как-то странно замотали своими длинными шеями, а затем тяжелон рысцой, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега.

ский набор, кiset с табаком, потерял трубку и ругался по адресу виновника приключения.

— Нужно причалить к берегу, — заявил он наконец, выпустив весь заряд своего негодования. — Хотя Плутон греет хорошо, но если не протереть сейчас инструменты и не высушить записную книжку у костра, они заржавеют, а все мои записи пропадут.

— А бронтозавры? — испугался Папочкин. — Мы расположимся на берегу, а они вылезут из воды и пожелают познакомиться с нами поближе.

— Ну, что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния.

— Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, то нам придется удирать в лес и лезть на деревья...

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что эти чудовища очень трусливы и не отличаются умом. Они нам не опасны, если мы не будем так неосторожны, как были только что. Причалим, займемся нашим завтраком и будем наблюдать за ними.

Высадились к берегу, набрали топлива на опушке леса и приступили к приготовлению завтрака, недоверчиво поглядывая в сторону бронтозавров. Последние все еще стояли в воде на том же месте, не решаясь вылезти на сушу.

— Эти животные очевидно не умеют плавать, — заметил Папочкин. — Они спасаются в воде от своих сухопутных врагов и, пока мы не уедем, не вылезут на берег.

Пока жарилась рыба, Громеко разложил на песке свою одежду и белье, предоставив лучам Плутона высушить их, сам же в костюме Адама занялся чисткой инструментов и просушкой записной книжки. Позавтракав, лежали на песке, наблюдая за ящерами, которые не двигались с места, а затем все поплыли вдоль берега в том же направлении. Через несколько километров южный берег начал заметно отклоняться к югу, но лежащий впереди длинный мыс, покрытый лесом, заграждал вид в эту сторону. Когда его обогнули, оказалось, что надежда на то, что море распространится далеко на юг и даст возможность плыть на лодках дальше, в глубь Плутонии, не оправдалась.

Море образовало только большой залив, и в нескольких километрах виден был его берег.

Так как в залив с юга могла впадать значительная река, то решили плыть в этом направлении. Через час достигли южного берега и убедились, что здесь действительно имеется река, но небольших размеров. Но в одной лодке можно было попытаться сделать экскурсию в глубь страны, скрытой в этом месте стеной леса от морского берега. Поэтому у устья речки выбрали место для стоянки. Экскурсию предположили сделать только вдвоем, оставив двух других при палатке, так как печальный опыт на берегу моря Ягеров показал, как опасно оставлять имущество под охраной одного Генерала. Муравьи могли быть и в этой местности южного берега, достаточно отдаленной от уничтоженного муравейника.

42

БРАНДЕР КАШТАНОВА

Захватив с собой провизию, запасную одежду и заряды на случай, если экскурсия затянется на несколько дней, Каштанов и Папочкин отправились на одной лодке вверх по речке. Так как глубина была небольшая, а течение довольно быстрое, они заменили весла шестами, которыми упирались в дно. Узкое русло было окаймлено с обеих сторон высокой стеной леса; нередко хвощи, папоротники и пальмы, склоняясь над водой, почти сходились вершинами, и речка текла под высоким зеленым сводом, через который слабо проникали лучи света.

Здесь было сумрачно и прохладно. Лодка тихо скользила по воде и только слышно было журчание под ее носом и скрип шестов, упавшихся в галечное дно.

В более открытых местах зеленого коридора реяли и звенели стрекозы, глухо жужжали большие жуки, а при слабых порывах ветра чуть шептали и шумели большие листья пальм и ветви папоротников и мягко шуршали хвощи.

Через несколько километров зеленые стены сразу расступились и открылась большая поляна, которую речка пересе-

кала поперек. Почва ее была покрыта очень скудной и мелкой растительностью — щетками жесткой травы нескольких видов.

— Уж не начинается ли и эта речка вблизи той же группы вулканов, которую мы обследовали? — заметил Папочкин.

— Возможно, и в таком случае нам нечего будет делать, — согласился с зоологом Каштанов. — Хотя большое количество воды в речке позволяет надеяться, что ее верховья находятся значительно дальше, среди черной пустыни.

Проплыв еще километра три поперек поляны, исследователи увидели, что впереди, где речка суживалась, с одного берега на другой было перекинуто довольно толстое бревно, висевшее так низко над водой, что лодка не могла пройти под ним.

— Можно подумать, что это мост, который кто-то устроил себе через речку! — засмеялся зоолог. — Во всяком случае, нужно причалить к берегу и убрать эту преграду.

— Э, ведь действительно похоже на мост! — воскликнул Каштанов, когда они подошли к преграде и увидели, что она состояла не из одного бревна, а из трех, аккуратно положенных рядом.

— Да, речка едва ли могла так уложить эти стволы, — согласился Папочкин. — Но если это мост, то кто же его построил? Неужели в этой юрской стране есть люди? Это было бы крайне интересно!

— В юрское время не было высших млекопитающих, как вы знаете. Даже птицы были представлены только формами, переходными к ящерам.

— Но не ящеры же устроили мост!

— Вы забыли про муравьев. Существа, которые настолько умны, что строят сложные жилища по определенному плану, вполне способны построить и мост, так как плавать не умеют и воды боятся.

— Вы правы! Вот и жилища этих проклятых насекомых! — воскликнул Папочкин, указывая на запад.

В этой стороне действительно виднелся огромный муравейник, совершенно того же типа, как и уничтоженный путешественниками.

Сбросить сухие и легкие стволы хвощей в речку было де-

лом нескольких минут, после чего путники направились к лодке, чтобы продолжать плавание. Но, к своему изумлению, они увидели, что в лодку уже забрался незванный пассажир — муравей, который ощупывал их вещи, тогда как другой стоял на берегу.

— Эге, эти черти уже тут как тут, а наши ружья в лодке!

— Берите нож, сначала атакуем того, который на берегу. Я спереди, а вы забегайте сзади.

Оба побежали к насекомому, которое при виде врагов приняло оборонительную позу, прижавшись к кусту. Каштанов занял его внимание, наступая с ножом, а в это время Папочкин, нагнувшись через куст, рассек муравья пополам.

Но он не заметил, как муравей, бывший в лодке, быстро выскочил на берег и вцепился своими челюстями сзади в его икру. Зоолог вскрикнул от боли и неожиданности.

Прибежавший на помощь Каштанов рассек и этого муравья, но с трудом освободил товарища; пришлось разрезать вцепившуюся голову на несколько кусков.

Рана, причиненная насекомым через толстый шерстяной чулок, была невелика, но яд укуса быстро действовал, и нога начала гореть и деревянеть.

— Присядьте пока на землю, я сейчас достану нашатырный спирт и бинты из походной аптечки, — сказал Каштанов.

— Нет, нет, помогите мне сойти в лодку, оглянитесь!

На поляне к ним быстро приближались десятка два муравьев; еще несколько минут — и пришлось бы вступить в неравный бой. Не теряя времени, Каштанов взял зоолога, с трудом волочившего ногу, подмышки, спустил его с откоса в лодку, затем вскочил сам, и перед самым носом подбежавших врагов лодка отошла от берега.

Продолжать экскурсию нечего было и думать: один гребец лежал без сил на дне лодки и стонал от боли, а всполошенные муравьи могли преследовать слишком медленно идущую против течения лодку и не давать ей приставать к берегу. Поэтому Каштанов, не долго думая, повернул лодку вниз по течению и взялся за весла; он старался держаться середины реки, чтобы избежать нападения насекомых. Папочкин с трудом

снял обувь с раненой ноги, достал наштатырный спирт и бинт; нога уже распухла, покраснела и каждое движение вызывало сильную боль.

Через полчаса лодка приблизилась к опушке леса, окаймлявшего поляну с севера и отделявшего ее от моря. Врагов уже не было видно, и Каштанов решил остановиться, чтобы устроить раненого поудобнее. Он разостлал плащи на дне лодки, уложил на них Папочкина, достал запасную рубашку и, смочив ее водой, положил в качестве охлаждающего компресса на раненое место, — это облегчило боль, и зоолог задремал. Отдохнув немного, Каштанов поплыл дальше.

Перед началом зеленого коридора речка давала небольшое колено. Когда лодка обогнула его, впереди открылась картина, которая заставила Каштанова вздрогнуть. Быстрым движением весла он пригнал лодку к берегу, где уцепившись за кусты, остановил ее и скрыл от взора врагов.

Последние были близко. Несколько десятков их сустились на левом берегу речки в самом начале коридора; они перегрызали стволы хвощей, росших над водой, и роняли их в речку, сооружая препятствие, через которое лодка не могла пройти. Нельзя было сомневаться, что они хотели отрезать своим двуногим врагам путь отступления к морю. Положение становилось отчаянным: один Каштанов и раненый зоолог не в состоянии пробиться через преграду, охраняемую многочисленными насекомыми. «Один укус при неравной борьбе с ними, — подумал Каштанов, — и он сделается беспомощным, как и Папочкин».

«Повернуть назад и толкаться вверх по речке? Но и там муравьи могут напасть рано или поздно; и все равно речка остается единственным путем бегства из их владений. Нужно пробиться во что бы то ни стало. Может быть, их испугают выстрелы, а если нет? Всех не перебьешь, они попрячутся в лесу, а когда я начну возиться над разрушением преграды, они нападут целым полчищем», — думал Каштанов.

В этом безвыходном положении Каштанову внезапно пришла мысль, которая, казалось, обещала полный успех, в случае быстрого воплощения ее в дело. Муравьи, занятые работой, еще

не заметили лодки, прижавшейся к берегу среди кустов. Поэтому Каштанов начал, избегая резких движений, потихоньку тянуться назад, вверх по речке, цепляясь за кусты, чтобы вернуться за поворот русла, где берег совершенно скрывал его от насекомых. Здесь начиналась опушка леса, изобиловавшая сухими стволами хвощей и вообще валежником. Причалив к берегу и привязав лодку со спавшим зоологом, Каштанов стащил в речку несколько толстых стволов, наскоро скрепил их друг с другом гибкими прутьями кустов и затем навалил на этот плот огромную кучу стволов, стеблей и хворосту, перекладывая сухой материал зелеными ветвями хвощей и стеблями тростника.

Когда куча была готова, Каштанов вернулся в лодку и тихонько поплыл вниз по течению, а плот, привязанный к длинной жерди, толкал перед собою по воде, совершенно скрываясь за ним от взоров неприятеля. За поворотом речка текла совершенно прямо к тому месту, где муравьи сооружали преграду, которая отстояла еще на сотню метров. Подтянув плот к лодке, Каштанов поджог кучу и поплыл дальше, попрежнему толкая плот перед собой. Огонь постепенно разгорался, охватывая горючий материал, а из зелени, проложенной слоями, пошел густой черный дым.

Когда лодка и плот были в сотне шагов от преграды, Каштанов пустил плот по течению, а сам взялся за шест, чтобы задержать лодку посреди речки. Гигантский костер поплыл к преграде и остановился перед ней, обдавая клубами едкого дыма и языками пламени работавших насекомых. Часть последних, обожженная или оглушенная, свалилась в воду, остальные сбегали на берег и столпились кучей, пораженные невиданным зрелищем. Тогда Каштанов зарядил двустолвку мелкой картечью и начал угощать муравьев, подплывая к ним все ближе и ближе, целым рядом выстрелов. Треск страшного, невиданного огня, языки пламени, клубы дыма, беспрерывные выстрелы, поражавшие насекомых, произвели на последних такое впечатление, что уцелевшие и легко раненные пустились на утек.

От горевшего плота запылала и преграда, состоявшая напо-

ловину из сухих стволов, и пока гремели выстрелы, огонь охватил всю ее среднюю часть.

Убедившись, что враг бежал, Каштанов причалил к берегу у самого пожарища, прикончил ножом раненых муравьев, а затем принялся уничтожать преграду, сбрасывая горевшие сухие и дымившие зеленые стволы в воду. Через четверть часа препятствие исчезло, и догорающий костер на плоту поплыл дальше по реке, а вслед за ним, не стараясь его обогнать, плыла лодка с человеком, перехитрившим своих многочисленных и умных врагов.

Вниз по течению реки плавание в этом зеленом коридоре шло быстрее, и вскоре впереди в просвете показалась уже шева морской глади.

Приближаясь к устью речки, Каштанов услышал выстрелы, лай Генерала и крики товарищей. Он налег на весла, через несколько минут причалил к берегу и с ружьем в руках бросился к месту стоянки.

43

СРАЖЕНИЕ С МУРАВЬЯМИ

Проводив товарищей в экскурсию, Макшеев и Громеко занялись ужением рыбы в устье речки. Промысел оказался таким удачным, что через час одному пришлось уже приступить к чистке рыбы и развешиванию ее на протянутых веревках для вяления впрок.

Пока Макшеев продолжал ловлю, ботаник облазил опушку леса, собирая растения, и при этом обнаружил саговую пальму, которой решил воспользоваться. Вдвоем ее срубили, раскололи вдоль и, вынув съедобную сердцевину, разложили ее для просушки на одеялах.

Окончив эту работу, поставили на огонь котелок с ухой и уселись возле него, обсуждая чем заняться после обеда.

— Отлучаться далеко мы не можем, — заметил Громеко; — тем более, что оставить рыбу на полечение Генерала нельзя.

— Конечно, — согласился Макшеев, — хотя это и верный

пес, но вряд ли устоит от соблазна покусать вволю вяленой рыбы и вспомнить свою родину.

— Ну, что же, наловим еще рыбы и сделаем большой запас ее для себя и для собаки. Кто знает, скоро ли попадется опять такое рыбное место. А это ящерное мясо мне, признаться, не по вкусу, все время ем его с отвращением. Во время еды я всегда стараюсь думать, что это осетрина или белужина, а не родственник лягушки или ящерицы.

В это время уха начала закипать, и Громеко направился к одеялам, чтобы взять саго для заварки.

— Ой, смотрите скорее на запад! — закричал он Макшееву, оставшемуся за палаткой у костра.

Макшеев выбежал на пляж.

С запада вдоль берега моря двигались чудовища, в которых по полосатым бокам не трудно было узнать бронтозавров.

Они шли медленно, обрывая молодые листья с верхушек пальм и папоротников, по временам останавливаясь возле дерева, казавшегося особенно вкусным.

— Ну, что нам делать, как вы думаете? — спросил Громеко. — Мы знаем, что эти чудовища трусливы и на нас не нападут первые. Но они перестопчут и передадут нам и рыбу, и палатку, если мы пустим их сюда.

— Придется стрелять, — сказал Макшеев, — сначала дробью, а если это не поможет, разрывной пулей.

Оба подняли ружья, прицелились в группу чудовищ, и четыре выстрела прокатились глухо вдоль морского берега.

Неожиданный шум и дробь, посыпавшаяся на животных, конечно их перепугали. Но вместо того, чтобы повернуть назад, неуклюжие махины бросились в воду и побежали мимо стоянки вдоль берега в небольшом расстоянии от него, вздымая волны и фонтаны брызг.

Неудачливые охотники в несколько мгновений были промочены с головы до ног, удерживая лодку, чтобы ее не снесло в море. Одна из набежавших волн подмыла воткнутый в песок шест, к которому была привязана веревка с вялившейся рыбой. другая плеснула на одеяло с сушившимся саго. Рыба с веревкой упала на песок, а саго намокло.

— Тьфу, окаянные! — выругался Макшеев, отряхиваясь после душа. — Все-таки напакостили!

— Ну, вот нам и работа! — утешил его Громеко. — Мы не знали, чем заняться после обеда, а они об этом позаботились. Теперь нужно всю рыбу опять обчистить, а саго обмыть в речке и сушить.

— И сначала самим обсушиться! А уха наша наверно вся выкипела...

Бронтозавры, описав полукруг по воде, опять вылезли на берег, восточнее устья речки и продолжали бежать по пляжу.

— И им видно досталось на орехи, ишь, как улепетывают. Дробью по мордам их здорово сыпнуло! — злорадствовал Макшеев, раздеваясь у палатки, пока Громеко снимал котелок с ухой.

Развесив платье для просушки и водрузив шест с веревкой на прежнее место, путешественники в костюмах Адама принялись за свой обед. Генерал, наевшись с утра рыбьих голов и внутренностей до отвала, растянулся на песке и задремал. Ни он, ни занятые едой люди не заметили, как из леса, недалеко от стоянки, вышли один за другим шесть муравьев, остановились, осмотрелись и столь же бесшумно скрылись в чаще.

Покончив обед, Макшеев и Громеко прилегли в палатке и закурили трубки, прежде чем приняться за очистку рыбы от налипшего песка.

Вдруг Генерал заворчал, вскочил и бешено залаял. Выбежав из палатки, Громеко и Макшеев увидели, что их стоянка окружена муравьями. Одна колонна отрезала их от устья речки, вторая надвигалась с другой стороны к верёвке с рыбой и к одеялу с саго.

— А ружья-то у нас не заряжены! — завопил Громеко, бросаясь к патронташу.

— Берите картечь! — кричал Макшеев, торопливо заряжая двустолвку. — Палите в правых, а я в левых!

Правая колонна уже набросилась на рыбу и стаскивала ее с веревки, а левая была в двадцати шагах от палатки, когда грянули первые выстрелы. Гром, дым и падение подстреленных смутили насекомых, и передние остановились в нереш-

тельности. Но задние напирали, привлекаемые запахом рыбы, и рать опять двинулась вперед. Стоя у входа в палатку, в которую забился ошестинившийся и лаявший Генерал, охотники заряжали ружья, чтобы дать еще залп, а затем, вооружившись ножами и прикладами, вступить в рукопашную с врагами, надвигавшимися со всех сторон. Но борьба казалась безнадежной, в виду неравенства сил.

Макшеев и Громеко кинулись к костру и начали бросать головни в муравьев.

Вдруг из кустов устья речки один за другим раздались два выстрела в задние ряды муравьев, а затем оттуда выбежал Каштанов, в руках которого был пылающий пук хвороста. Размахивая им вправо и влево, он бросился прямо в стаю насекомых, которые шарахнулись в разные стороны.

Макшеев и Громеко со своей стороны кинулись к костру и начали бросать головни в муравьев. Это средство помогло —

первая колонна была рассеяна и позорно бежала в чащу, оставив убитых, раненых и обожженных на поле сражения.

Покончив с врагами этой колонны, все трое, с Генералом, набравшимся храбрости, атаковали с огнем и ножами в руках насекомых, занятых уничтожением рыбы. Часть поплатилась за свою жадность, другие успели бежать, унося в челюстях рыбу или куски намокшего и слипшегося саго. Два муравья потащили за собой все одеяло, но были настигнуты и убиты. Генерал приканчивал раненых, перегрызая им шею.

Когда последние беглецы скрылись в лесу, путешественники могли передохнуть и подсчитать свои трофеи и ущербы. Мертвых и тяжело раненых муравьев оказалось сорок пять.

Вместо пятидесяти рыб на веревке осталось только пятнадцать, да несколько штук, очевидно потерянных врагами при бегстве, подобранные у опушки леса. Больше половины саго было съедено или затоптано в песок. Громеко получил легкий укус в руку, а Каштанов в ногу, но толстый сапог не поддавался и предохранил его от муравьиного яда.

— Как вы кстати явились! — сказал Макшеев, когда, осмотрев поле сражения, все трое уселись у палатки. — Без вашей поддержки и выдумки с огнем мы бы не справились с этим полчищем, и они закусали бы нас до смерти.

— А где вы оставили Папочкина? — спохватился Громеко.

— Ах, я и забыл в пылу битвы, что Семен Семенович лежит у меня еще в лодке!

— Лежит? Почему лежит? Что с ним случилось? Он жив? — посыпались вопросы товарищей, понявших теперь причину неожиданно быстрого возвращения Каштанова.

— Жив, жив! У нас тоже было столкновение с муравьями, и Семен Семенович получил такой укус в ногу, что стал инвалидом. Помогите перенести его в палатку.

— Одну минуточку! Дайте нам одеться, — сказал Громеко, только теперь обративший внимание на то, что он, как и Макшеев, до сих пор оставался полуголым.

— Да, действительно, почему вы оба в таком странном виде, — засмеялся Каштанов. — Вы разве купались, когда встан напали муравьи?

— Нет, нас опять выкупали бронтозавры, — отвечал Макшеев, и, одеваясь, рассказал, как произошло все дело.

Наскоро облачившись, Макшеев и Громеко последовали за Каштановым к речке, где, последний, бросившись в атаку на муравьев, оставил лодку с Папочкинм, который спал так крепко, что не слышал ни выстрелов, ни криков, и проснулся только тогда, когда его подняли за руки и за ноги, чтобы отнести в палатку.

Уложив его, путешественники развесили уцелевшую рыбу, перетаскали мертвых муравьев в море и только после этой неприятной работы, Каштанов, досада оставшуюся уху, рассказал товарищам о своих приключениях во время неудавшейся экскурсии.

Так как можно было опасаться, что муравьи, дважды пострадавшие от незваных пришельцев, вернутся в огромном количестве, чтобы отомстить за свое поражение, то возник вопрос, как быть дальше. Папочкин и Громеко советовали немедленно продолжать плавание, чтобы убраться подальше от муравейника. Но Каштанову хотелось продолжать экскурсию вверх по речке, прерванную из-за муравьев, так как она давала возможность проникнуть в глубь таинственной черной пустыни, и Макшеев поддерживал этот план. Для его осуществления нужно было так или иначе покончить с хитрыми насекомыми, при существовании которых экскурсия была бы под непрерывной угрозой. Поэтому решили обождать до вечера, а затем плыть к муравейнику и поджечь его, пользуясь сном насекомых. В случае удачи этого замысла, путь вверх по речке становился свободным и можно было совершить экскурсию вчетвером на обеих лодках, оставив плот и лишние вещи в чаще на берегу моря.

44

СОЖЖЕНИЕ МУРАВЕЙНИКА

Отдохнув основательно, Каштанов и Макшеев отправились в лодке, захватив ружья, топор и вязанки хвороста. Папочкин не мог еще двигаться, а у Громеко от укуса разболелась рука.

Поэтому оба инвалида остались караулить палатку. Плавание шло быстро по знакомым уже местам. Миповали остатки преграды, сооруженной муравьями, где еще дымились догоравшие стволы и чернели трупы насекомых. Затем выехали на поляну и из-за кустов осмотрели местность вокруг муравейника, чтобы не натолкнуться невзначай на врагов. Но никого не было видно. Насекомые очевидно предавались отдыху в недрах своей крепости. Проплыли немного дальше к бывшему мосту через речку, от которого к муравейнику вела торная дорога, проложенная его обитателями.

Оказалось, что муравьи успели уже построить новый мост.

Лодку привязали в кустах ниже моста, взвалили на плечи вязанки хвороста, взяли ружья, заряженные на всякий случай картечью, и пошли к муравейнику. Не доходя до него, присели за кустами у дороги, чтобы понаблюдать еще некоторое время и убедиться в том, что никто не помешает исполнению задуманного плана.

Все было тихо, и можно было приступить к работе. В каждый из главных входов положили вязанку хвороста, а поверх нее положили наиболее сухие и тонкие стволы, взятые из самой постройки.

Затем подожгли костер самого отдаленного западного входа и побежали стремглав — один к северному, другой — к южному входу, чтобы поджечь их и затем сойтись у восточного входа, где закончить поджог и, в случае надобности, бежать к лодке.

Каштанов, поджигавший костер у северного входа, в галлерее заметил муравья, подбежавшего к заграждению. Он притаился за костром, в надежде, что насекомое выйдет наружу и тогда можно будет прикончить этого часового, чтобы он не поднял тревоги. Но муравей, осмотрев костер и попытавшись растащить его, убежал вглубь, очевидно за помощью. Тревога начиналась, и нужно было спешить к последнему выходу.

Макшеев оказался уже здесь; он торопливо поджигал костер и встретил товарища словами:

— Скорее, скорее! Нужно спастись к лодке.

Оба побежали во весь дух, но по дороге остановились, чтобы взглянуть назад. Из устья восточного входа вырывалось уже огромное пламя. С северной стороны муравейник также пылал в нескольких местах, и из многих верхних ходов валил густой дым. Но с южной стороны, где Макшеев очень торопился при виде встревоженных насекомых, огонь был слабый, и на этой стороне из всех верхних ходов выбегали один за другим муравьи. Одни тащили яйца или куколок, спускаясь с ними вниз и относили их в сторону; другие сустились без толку взад и вперед, подбегали к огню или к дымившим отверстиям, падали обожженные или оглушенные.

— Плохо удалось наше предприятие! — заметил Каштанов. — Часть муравьев успеет спастись, будет блуждать без пристанища по стране и нападет на нас. Придется завтра же убираться подальше.

— А сейчас нам тоже нужно убираться подальше! — вскричал Макшеев, указывая на колонну насекомых, бежавших по дороге к мосту.

— Не за водой ли они побежали, чтобы тушить пожар? — пошутил Каштанов, пустившись рысью рядом с товарищем.

Муравьи несомненно заметили поджигателей и гнались за ними. Они бежали быстрес, чем люди, и расстояние между теми и другими все уменьшалось.

— Я больше не могу, сердце не выдержит! — задыхаясь крикнул Каштанов, который по своим летам и по образу жизни не мог долго тягаться с Макшеевым.

— Остановимся и дадим залп, — предложил последний.

Они успели перевести дух, пока насекомые не приблизились на пятьдесят шагов, и затем выстрелили. Передние в колонне упали, задние остановились. Их было больше десятка, но за ними на некотором расстоянии следовал второй отряд.

Собрав последние силы, преследуемые добежали до моста в то время, когда резерв подошел к месту сражения.

— Чорт возьми, где же наша лодка? — воскликнул Макшеев, добежавший первым до берега реки.

— Что вы, неужели ее нет?

— Нет, она исчезла бесследно!

— Здесь ли она была привязана?

— Здесь, я хорошо заметил место... А вот и веревка, которой она была привязана, висит себе на кусте!

— Кто же отвязал и увел лодку?

— Может быть сама отвязалась и уплыла вниз по речке.

— А может быть муравьи угнали ее.

— Что же нам делать?

— Перебежим пока через мост и разрушим его за собой, — предложил Каштанов. — По крайней мере, речка отделит нас от погони.

Не теряя времени, оба перешли по гнувшемуся под их тяжестью мостику на другой берег. Преследователи были уже в сотне шагов от речки.

— Перетащим бревно к себе, а то пожалуй муравьи их опять выловят, — предложил Макшеев.

Через минуту, когда передние муравьи подбежали к берегу, оба бревна лежали уже у ног путешественников. Глубокая речка отделяла их от преследователей, которые остановились у берега в замешательстве. Их было около двадцати, но на дороге были видны еще новые подкрепления, спешившие на помощь. Позади них, в глубине поляны муравейник пылал, как огромный костер. Пламя поднималось высоко вверх, и клубы черного дыма вились в спокойном воздухе, образуя черный столб, тянувшийся на огромную высоту и затем расплывавшийся в большую тучу.

— Можно подумать, что это извержение вулкана! — засмеялся Макшеев. — Мы им все-таки хорошо отплатили за все каверзы.

— Но не достигли желаемого результата, не очистили местность от них и теперь должны позорно отступать перед насекомыми.

— Как мы только доберемся до моря?

— Итти вдоль берега речки через лес нечего и думать.

— Там скоро не проберешься, а муравьи могут обогнать нас и напасть на наших товарищей.

— Вот что! Если нельзя итти — поплывем. Из этих двух

бревен не трудно сделать плотик, а вода понесет нас скорее, чем наши ноги.

— Идея! Но сначала нужно разогнать муравьев, чтобы они не помешали как-нибудь нашему отплытию.

Зарядив ружья, путешественники дали четыре выстрела в кучу насекомых, толпившихся на противоположном берегу. Больше десятка попадали, некоторые скатились в воду, остальные разбежались в стороны. В несколько минут оба бревна, составлявшие мост, были спущены на воду, наскоро связаны гибкими прутьями, срезанными в кустах, оба вскочили на импровизированный плот и оттолкнулись от берега, бросив последний взгляд на пылающую крепость своих врагов. Вода быстро понесла их вниз, а ружья служили вместо шестов, чтобы отталкиваться от берега, когда плот одним или другим концом слишком приближался к нему. Несколько муравьев некоторое время бежали вдоль речки, но течение было быстрее их, и они постепенно отставали.

За коленом речки, перед опушкой леса, где Каштанов устраивал свой пловучий костер, пловцы с радостью увидели свою лодку, прижатую течением к берегу и застрявшую в кустах. Плот также принесло к этому месту; они поймали беглянку, уселись и налегли на весла.

Через полчаса они благополучно приплыли к своему стану.

45

НОВАЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБЬ СТРАНЫ

Неудачный поджог муравейника заставил путешественников немедленно покинуть стоянку на берегу залива, так как при всякой экскурсии в глубь страны они рисковали встретиться с озлобленными насекомыми, лишившимися жилища и бродящими повсюду, и должны были бы тратить на войну с ними всю свою энергию и огнестрельные припасы, которых оставалось не так уж много. Да и на самой стоянке они рисковали ежеминутно подвергнуться нападению муравьев, которое могло кончиться печально.

Вопрос, продолжать ли плавание вдоль южного берега моря Ящеров на запад или же вернуться и плыть на восток, обсуждался очень горячо во время раннего завтрака, и наконец решили плыть еще на запад.

Поплыли прежним порядком вблизи берега и скоро выбрались из залива. Южный берег и далее был утомительно однообразен. Проведя две недели среди животного и растительного мира юрского периода, наши путешественники уже так привыкли к нему, что находили его довольно однообразным. Им хотелось теперь проникнуть дальше на юг, в надежде встретить еще более древнюю флору и фауну, испытать новые приключения и получить новые впечатления.

Но этот дальнейший путь на юг был прегражден пустыней, а плавание на запад или на восток обещало им только все те же картины юрской природы. И все начали уже подумывать об обратном пути на север.

На берегу в нескольких местах замечены были муравьи, из чего можно было заключить, что этот род насекомых распространен по всему южному берегу моря Ящеров, и они действительно являются царями юрской природы.

— Счастье еще, что они часть времени проводят во сне! — заметил Папочкин. — Иначе от них не было бы житья.

— Да, эти твари хуже сабельных тигров и хищных ящеров. Те и другие не доставили нам и сотой доли тех неприятностей и тревог, которые причинили муравьи, — согласился Макшеев.

Почевали на пляже. Решили плыть еще один день дальше на запад, и если в этот день не удастся проникнуть на юг, то повернуть обратно.

Этот последний день принес желанную перемену. Берег моря вскоре начал сильнее уклоняться на юг, сохраняя тот же характер. Через несколько часов плавания стало видно, что зеленая стена леса скоро кончится и далее начнутся утесы.

— Опять та же столовая возвышенность, а на ее поверхности черная пустыня! — воскликнул Каштанов, изучавший в бинокль местность, лежащую впереди. В его голосе было слышно разочарование.

Но когда подплыли к концу леса, оказалось, что между ними

и подножием столовой возвышенности расположен большой залив, в глубине которого открывалась зеленая долина; на заднем плане последней поднималась группа высоких остроконечных темных гор.

— Опять вулканы! Но на этот раз совсем недалеко от берега моря! — воскликнул Громеко.

Лодки направились к южному берегу залива в устье долины, где виднелась ровная площадка песчаного пляжа.

В долине протекал довольно большой ручей, окаймленный деревьями, кустами и лужайками. Палатку раскинули на пляже. На лужайках вдоль ручья видели жуков, стрекоз, мух, замечали следы игуанодона и летучих ящеров, но муравьев не нашли.

Поэтому после обеда направились к вулканам, но из предосторожности лодки, палатку и лишние вещи запрятали в чашу леса, подвесив некоторые из них даже на деревьях. Генерала взяли с собой.

Путь шел вверх по долине вблизи ручья. Рощи по его берегам не представляли непроходимой чащи и были пересечены тропинками игуанодонов. В утесах обоих склонов Каштанов определил породы, встреченные гораздо севернее, именно на реке Макшеева, — оливиновые с вкраплениями никкелевого железа. Но только здесь эти вкрапления часто превращались в большие гнезда, диаметром от половины до одного метра, состоявшие из сплошного металла.

— Ведь это же прекрасный материал для переработки в сталь! — воскликнул инженер, остановившись в изумлении и восторге перед высокой отвесной стеной, в которой большие и малые гнезда металла, тускло блестевшие под лучами солнца, были рассеяны в изобилии. Он смотрел на эту стену с таким же вожделением, с каким дети разглядывают сладкую булку, переполненную изюмом.

— Эх, какой колоссальный завод можно было бы основать тут! — сокрушался он.

— Несмотря даже на муравьев? — с улыбкой спросил Каштанов.

— Несмотря ни на что! Разве в случае необходимости раз-

работки этих сокровищ люди остановились бы перед полным истреблением надоедливых насекомых? В погоне за золотом европейцы вытеснили воинственных краснокожих, людоедов-австралийцев, бушменов и кафров. Одной пушки и нескольких десятков гранат достаточно, чтобы истребить все муравейники этого берега с их населением.

Над зеленой долиной по временам проносились взад и вперед крупные птеродактили, высматривая добычу; очевидно где-нибудь по соседству на неприступных утесах было их гнездилище. Нападать на людей они не решались, но когда Генерал слишком опережал путешественников или отставал от них, над ним появлялся ящер и кружился в воздухе в ожидании удобного момента для нападения. Громеко два раза стрелял по летучему хищнику и во второй раз подшиб его. Раненое животное осталось барахтаться на вершине большого папоротника.

Встретили стадо игуанодонов, которые отдыхали на лужайке у подножия скал, но охоту на них отложили до обратного пути, чтобы не нагружаться мясом.

Через три часа спокойного хода достигли того места, где долина круто поворачивала на запад. Далее ее правый склон образовывался из откосов группы вулканов. Путь сделался труднее, приходилось то и дело пробираться по лаве, карабкаясь по ее черным глыбам.

На маленькой лужайке, где было удобное место для ночлега и несколько сухих хвощей для костра, сложили принесенные с собой запасы и лишние вещи, чтобы налегке обследовать местность.

Между концами двух широких потоков лавы, спускавшихся с вулкана, лежало небольшое озеро, в полсотню метров в диаметре, окаймленное группами небольших пальм, хвощей и узкой полосой тростников. Ручеек вытекал из этого озера, пробиваясь по лаве нижнего потока. Поверхность озера была гладкая, как зеркало, и отражала в себе до мельчайших подробностей и зеленую раму, и черные потоки лавы, и мрачные обрывы столовой возвышенности.

— Вот чудесное местечко для отшельника, который захотел бы уйти навсегда от суеты мирской! — воскликнул Папоч.

кин. — Он выстроил бы себе хижину под защитой черной степи и жил бы, предаваясь созерцанию ясного неба, вечного солнца и величественного вулкана на берегу мирного озера в тени пальм.

— И в один прекрасный день погиб бы под градом камней или под потоком лавы, извергнутым этим коварным вулканом, — заметил Каштанов.

— Или еще раньше умер бы от голода, ибо, насколько могу судить, эти пальмы не дают съедобных плодов, а тростник не сладкий, — прибавил Громеко.

— И не видно никакой дичи! — сказал Макшеев.

— Какие вы все жалкие реалисты, не даете даже помечтать! Отшельник мог бы завести пашню, садик, огород. Вода есть, а на старой лаве отлично растет виноград и...

Зоолог не успел кончить свою фразу, потому что со стороны вулкана, главная вершина которого была скрыта ближайшими нагромождениями лавы, раздался гул, подобный грому, и через несколько минут вокруг путников упал дождь мелких черных лапилли (камешков).

— Вот вам! Его величество предупреждает, что он не даст отшельнику разводить виноград на старой лаве... — засмеялся Макшеев.

— Осмотрим озеро и вернемся назад к нашим вещам. Здесь менее безопасно, — предложил Каштанов.

Пока путники спускались по лаве к озеру, раскат повторился и опять посыпались лапилли.

— Вулкан сердится на незваных гостей! Он боится, что мы похитим сокровища из его кратера, как похитили серу из кратера Сатаны, прежде чем он успел проснуться.

— Назовем этот вулкан Ворчуном! — предложил Громеко.

Это название было принято сочувственно и занесено на карту, которую набрасывал Каштанов. Озеро получило название Отшельничьего, а ручей, вытекавший из него, имя Папочкина.

— Вот мы и увековечили ваши воздушные замки! — смеялся Макшеев, записывая эти имена.

Вода озера оказалась холодной и пресной, на вкус даже на-

поминавшей сельтерскую, так как из нее при легком подогревании выделялись пузырьки углекислоты.

Обойдя озеро кругом и наткнувшись на удобное место, путники с удовольствием выкупались в его живительной воде и узнали, ныряя, что глубина его не превышает трех метров. Ни рыбы, ни водяных растений, ни насекомых в нем не было.

Так как было еще рано возвращаться на место стоянки, решили взобраться на столовую возвышенность. Это было не трудно, потому что верхний поток лавы упирался в обрыв возвышенности, и глыбы представляли нечто вроде гигантской лестницы, так что, карабкаясь с глыбы на глыбу, путники скоро очутились наверху.

На востоке у их ног, в глубокой яме лежало озеро, а за ним поднимались черные, изрытые склоны Ворчуна, над которым царила его крутобокая вершина. Из нее поднимался столб черного дыма, тянувшийся в спокойном воздухе на огромную высоту. На юг, запад и север расстилалась черная пустыня, совершенно такая же, как вокруг группы вулкана Сатаны. На севере она упиралась в синюю гладь моря, а в другие стороны уходила до горизонта.

— Ворчун гораздо выше Сатаны, и склоны его конуса круче, — заметил Каштанов.

— А начавшееся извержение помешает нам забраться на его вершину, — добавил Макшеев.

— Увидим завтра. Серы нам теперь не нужно, и мы можем повернуть назад в любой момент.

Спустившись обратно к озеру и проделав тот же путь через лавовые потоки, путники через час очутились на месте своей стоянки.

46

ШАЛОСТИ ВОРЧУНА

Но Ворчун не дал им выспаться как следует. Через несколько часов они были разбужены ужасным грохотом и вскочили перепуганные.

— Неужели и этот вулкан выбрасывает палящие тучи? Смотрите, что там творится! — воскликнул Громеко.

Ворчун был окутан густыми черными тучами, которые спу-
скались все ниже по склону и вместе с тем расползались во
все стороны. Чувствовался заметный запах серы и хлора. Тучи
клубились, освещались яркими молниями, а грохот, вырыва-
вшийся из недр вулкана, сливался с раскатами грома.

— Нет, — заметил Каштанов, — палящей тучи нам бояться
нечего. Это извержение носит другой характер, именно типа
Везувия. Сейчас выбрасываются пепел и бомбы, а потом ве-
роятно появится и лава.

— Наше восхождение конечно ухнуло.

— Понятно! Было бы безумно лезть на вулкан в такое время.

— Что же мы будем делать?

— Посидим еще здесь или продолжим прерванный сон, а
затем пойдем назад к морю.

— Почему же не сейчас?

— Интересно наблюдать извержение так близко.

— А если на нас посыплются бомбочки?

— Едва ли; мы тут у самого подножия, и так далеко они не
летают.

— А если лава захватит нас?

— Лава течет медленно и от нее всегда можно уйти, даже
пешком.

— Ну, тогда останемся и посмотрим работу Ворчуна. Но не
мешает за это время позавтракать.

Разожгли костер, поставили чайник и за едой наблюдали за
вулканом.

Он совершенно скрылся в тучах, и даже небо в зените было
подернуто серой дымкой, сквозь которую Плутон казался крас-
ным диском без лучей, бросавшим зловещий, тусклый свет на
мрачные окрестности вулкана.

Вскоре начал падать черный пепел, тонкий, как пудра, спер-
ва отдельными частицами, потом все гуще и гуще, так что чай
пришлось пить, закрывая кружки рукой, чтобы не наглотаться
вулканической пыли. Постепенно почернели и трава, и трост-
ник, и листья пальм, а вода в ручье стала похожей на чернила.

— Хорошо, что мы догадались набрать воды в нашу жестянку, — заметил Макшеев. — Иначе остались бы на целый день без воды. Но что это за шум?

Так как грохот вулкана ослабел, то в промежутке между раскатами грома можно было расслышать глухой шум, подобный реву морского прибоя, постепенно усиливавшийся. Путешественники переглядывались в недоумении.

— Уж не палящая ли туча? — с тревогой спросил Папочкин.

— Нужно бежать скорее наверх! — вскричал Каптанов. — По ручью несется вал воды или грязевой поток. Я и забыл о возможности этого. Берем пожитки — и на гору!

Живо были опорожнены недопитые кружки, собраны вещи и ружья, и все побежали вверх по лавовому потоку, карабкаясь по глыбам, спотыкаясь, стараясь подняться на достаточную высоту над руслом ручья.

Когда они наконец остановились, чтобы перевести дух, на высоте около пятидесяти метров над местом стоянки и оглянулись, их взору представилась картина, показавшая, что поспешное бегство было вполне своевременным. По руслу, шедшему со склона вулкана, несясь бешеный поток черной воды, срывавший большие глыбы застывшей лавы с своих берегов. Через несколько минут грозный вал, вышиной метра в три, докатился до места, где они только что беспечно пили чай, и в одно мгновение в его грязных волнах скрылись зеленые кусты, закачались и повалились пальмы, сломанные или вырванные с корнем, и вся площадка исчезла, словно ее и не было.

— Ловко работает! — воскликнул Папочкин. — Мы во-время убрались!

При своем бегстве путешественники поднялись выше этого лавового потока, и с того места, куда они забрались, видны были внизу и та и другая вершины. Грязевой поток прошел по правой вершине, и теперь все повернулись в сторону левой, чтобы посмотреть, что там делается. Через несколько минут по тесной долине левой вершины прикатил второй грязевой поток, но двигавшийся медленнее, так как вода была переполнена пеплом и мелкими камешками и представляла жидкую черную

кашу, в струях которой крутились кусты, вырванные с корнем, и стволы пальм.

— Их несет с берегов озера, где мы были вчера! — воскликнул Папочкин.

— Вот вам и тихое, идиллическое убежище отшельника! Озеро уже не существует, все затоплено грязью, — сказал Каштанов.

— Да, здешние вулканы оказываются очень беспокойными соседями! — заметил Громеко. — Сатана угостил нас палящей тучей, а Ворчун — грязью.

— И все-таки мы спаслись и тут и там и видели грозные и интересные явления природы, — сказал Каштанов.

— А теперь мы отрезаны от моря и наших лодок! — воскликнул Папочкин в совершенном унынии. — Смотрите, справа и слева бурные потоки, а позади нас — Ворчун, который может устроить нам еще какое-нибудь угощение.

Действительно, путешественники, укрывшиеся от грязевых потоков на скале вулкана, очутились в осадном положении и не могли направиться вниз по долине к морю. А позади них вулкан продолжал гроыхать.

— Если теперь прикатит еще сверху лава, мы будем между огнем и водой. Приятная перспектива! — заявил Громеко.

— Да, Ворчун еще не сказал своего последнего слова, — заметил Макшеев.

— Я думаю, что наши тревоги преждевременны, — успокоил их Каштанов. — Грязевые потоки скоро сбегут, и мы пойдем к морю, прежде чем лава, если таковая вообще направится в эту сторону, доберется до нас.

— А пока нас тут промочит до нитки! Укрыться-то негде, — ворчал Папочкин.

Зоолог был совершенно прав. Уже некоторое время из туч, распространявшихся от вулкана, накрапывал дождь, на который путешественники не обратили внимания, занятые грязевыми потоками. Теперь дождь усилился и все начали осматриваться по сторонам, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Рассчитывая на хорошую погоду, продолжавшуюся уже много

дней, путешественники пошли в экскурсию налегке, без плащей и палатки, и теперь ничем не могли защититься.

— Мне кажется, что там, выше, где столько крупных глыб лавы, мы скорее найдем какое-нибудь убежище, — сказал Макшеев, указывая вверх по склону.

— И очутимся еще ближе к вулкану! — вздохнул Папочкин.

— Вольному воля, оставайтесь здесь под дождем, а мы полезем, — заявил Громеко.

Но зоолог не захотел отстать от компании, и все пошли вверх по крутому потоку. И камни и обувь уже намокли и идти было скользко и трудно. Впрочем, скоро добрались до большого вала из навороченных друг на друга глыб, обозначавшего конец более молодого потока, излившегося поверх старого. Между глыбами кое-где оставались промежутки, достаточные для приюта одного человека. Все четверо разместились по этим норам, а мокрый Генерал залез к Макшееву, который был не особенно доволен этим соседством. Достаточно намокшие люди, скорчившиеся в неудобных позах на неровных камнях, переживали довольно неприятные минуты и, чтобы поддерживать хорошее расположение духа, перекликались из своих убежищ друг с другом, когда грохот Ворчуна немного затихал.

Дождь лил не переставая. Скоро и по поверхности лавового потока потекли струйки и ручейки грязной воды, наполненной пеплом, и доставили укrywшимся новые неприятности.

Одному обдало холодным душем бок, другому спину. Папочкин, растянувшийся на животе в низкой и длинной норе, почувствовал воду под собой. Он вылез наружу и с проклятиями начал бегать между глыбами в поисках лучшего места.

Макшеев, видевший эту сцену, хохотал: ему удалось приютиться вместе с Генералом в маленькой пещерке в лаве.

— Это не Ворчун, — кричал зоолог, карабкаясь по глыбам под дождем, — это чорт знает что: Плакун. Мокрун, Дождюн.

— Водолеем назовем его! — предложил Макшеев.

Но Папочкин уже не слышал. Он нашел низенькую расселину и заполз в нее головой вперед. Только она оказалась слишком короткой, и ноги остались снаружи, под дождем.

Вдруг ужасающий грохот потряс воздух. Путешественникам

показалось, что камни раздавят их, как мышей в ловушке. Все выскочили из убежищ.

— Землетрясение! — вскричал Громеко.

— Вулкан взорвался и рухнет на нас! — вопил Папочкин.

— Неужели палящая туча? — прошептал Каштанов, бледнея.

Через завесу дождя и туч ничего не было видно, и после первых мгновений испуга все немного успокоились. Но вот с глухим треском вблизи них грохнулась бомба, величиной в голову, покрытая спиральными бороздами, и начала шипеть, трещать и дымиться под дождем. По сторонам, справа и слева, вверху и внизу, то тут, то там также слышны были удары и треск падавших камней.

— По местам скорее! — крикнул Макшеев. — Ворчун открыл пальбу снарядами крупного калибра.

Все поторопились залезть в свои норы, откуда с замиранием сердца, но с интересом наблюдали, как падали и шипели бомбы разной величины. Иные, ударившись о глыбу, разлетались на осколки, словно гранаты. Зато ливень быстро прекратился. Порыв горячего ветра пронесся вниз по склону, запахло серой и гарью. Тучи начали рассеиваться или подниматься выше. Снаряды перестали падать. Макшеев решился выглянуть из пещерки.

— Ворчун снял свою шапку и показал нам свой красный язык! — вскричал он.

Остальные тоже повылезли и подняли головы.

Наверху, между черными тучами по временам открывалась вершина вулкана, на которой с одной стороны свесился короткий огненно-красный язык лавы, словно дразнивший людей, которые осмелились нарушить вековое уединение горы.

— Да, это появилась лава! — заявил Каштанов.

— Час-от-часу не легче! Сначала он хотел затопить нас в грязи, потом залить водой, потом пришибить бомбами, а так как все это не помогло, то пустил в ход последнее средство и хочет залить нас лавой! — шутил Громеко.

— Мужайтесь, Семен Семенович! Теперь уж вам крышка, — смеялся Макшеев.

— Ну, вас! — огрызнулся зоолог. — Если бы опасность была

так велика, вы бы сами задали лататы, как перед грязевым потоком.

— От лавы мы уйдем не торопясь! — заметил Каштанов.

Но уходить было некуда. В обоих руслах все еще бушевали грязные потоки, перейти которые было немыслимо. А наверху красный язык быстро удлинялся, по временам исчезая под клубами белого пара, выделявшегося с его поверхности.

— Ворчун вымочил нас, а теперь высушит! Когда лава подойдет близко, мы сначала высушим на себе платье, а потом...

— А потом вымокнем опять при переправе через поток, если не утонем в нем, — закончил Папочкин шутку Громеко.

Но благодаря очистившемуся от пепла и туч воздуху проглянул Плутон и быстро начал обсушивать склоны вулкана. Черные глыбы лавы дымились, словно подогретые подземным огнем.

Путешественники сняли свое платье и развесили его на камнях, предварительно выжавши воду. Громеко разделся даже донага и, согреваясь лучами Плутона, советовал остальным товарищам последовать его примеру.

— А если Ворчун угостит нас новой порцией снарядов? Сидеть в норах голыми будет не особенно удобно, — заметил Макшеев.

— Раз показалась лава, взрывы и извержение рыхлого материала обыкновенно прекращаются, — пояснил Каштанов.

— Но если придется удирать от лавы, мы не успеем одеться.

В эту минуту над вершиной вулкана вырвалось белое облако паров, и над краем кратера показалась огненная стена, быстро поползшая вниз.

— Первый поток лавы ушел в долину озера, — заметил Каштанов, — а этот, пожалуй, может и до нас добраться!

— А через сколько времени? — поинтересовались остальные.

— Может быть через час, может быть и позже. Это зависит от свойства лавы. Если лава тяжелая и легкоплавкая, она жидка и течет быстро, а если лава легкая, вязкая, богатая кремнеземом, она трудноплавкая и движется медленно.

— Какой же лавой угощает нас Ворчун?

— До сих пор, насколько было видно по старым потокам,

он изливал тяжелую лаву. Вероятно такая же будет и в этот раз. Вообще, по характеру всех пород, которые мы встречаем в Плутонии, очень тяжелых, богатых оливином и металлами, трудно ожидать, чтобы здешние вулканы могли изливать легкую кремнеземистую лаву.

— Следовательно нам нужно убраться отсюда поскорее.

— Да, но я надеюсь, что, прежде чем лава доберется до нас, грязевые потоки иссякнут, и мы свободно переберемся через русло того или другого.

Плутон, не закрываемый больше тучами, и горячий ветер, дувший с вулкана, скоро высушили одежду путешественников, которые оделись и, в ожидании возможности уйти, продолжали наблюдать вулкан. Конец длинного языка лавы уже скрылся за гребнем склона, очевидно спускаясь в долину бывшего озера у западного подножия Ворчуна. Новые порции лавы, поднимавшиеся из кратера, изливались отчасти по этому пути, отчасти же севернее и вероятно образовали второй поток, спускавшийся на северный или северо-западный склон; в последнем случае он должен был течь в сторону наблюдателей. Но из-за ближайших нагромождений лавы они не могли видеть, куда направляется этот поток.

Количество грязной воды в обоих руслах, особенно в левом, заметно уменьшилось, и по ним катился уже не бешеный поток, а небольшая грязная речка, через которую можно было рискнуть перейти и в брод.

47

В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Так прошло полчаса. Извержение продолжалось спокойным темпом, и взрывы в кратере слышались только изредка и слабые. Но вот выше по склону над местом, где сидели наблюдатели, послышался глухой шум и шорох, напоминавший звуки, раздающиеся на большой реке во время сильного ледохода. В этой стороне поднимался гребень из громадных глыб лавы, очевидно фронт старого потока, остановившегося на этом месте.

— Пожалуй пора уходить, — сказал Каштанов, вставая, — лава уже недалеко.

Все направились вниз по склону, к месту своего ночлега на берегу ручья, по временам оборачиваясь и оглядываясь назад, туда, где шум все усиливался. Там, над гребнем старого потока, уже показался фронт нового; но он совсем не представлял стену огненно-красной лавы, как рисовали себе три наблюдателя, кроме Каштанова, знакомого с этими явлениями. Этот фронт имел вид черного вала из глыб различной величины, который подвигался вперед под действием какой-то невидимой, но чудовищной силы.

Глыбы медленно ползли, надвигаясь друг на друга с треском и скрипом; одни скатывались с гребня вниз, а на месте их появлялись новые, другие катились довольно далеко вниз по склону, с грохотом ударяясь и разбиваясь о неровности поверхности старого потока или глыбы, лежащей на ней. Из промежутков между глыбами вала то и дело вырывались струи и клубы белого пара, местами взвивались синие огоньки или же появлялись огненные пятна, словно отдельные горящие еще угли в потухающем костре, подернутом пеплом. Но этот костер двигался вперед, словно огромное ползущее чудовище под колеблющимся панцырем из черных чешуй, ползущее и изрыгающее жгучее дыхание и ядовитые испарения.

Спасаясь от глыб, катившихся по склону, путешественники подбежали к руслу правой вершины ручья, немного выше места своего ночлега; оно представляло неровно-бугроватую поверхность с струившимися по ней грязными ручейками. Недолго думая, путешественники смело шагнули вперед, но уже на втором шаге погрузились по колено в вязкую грязь. Послышались возгласы неудовольствия.

— О, чорт! Влопались! Ноги вытащить нельзя, такая вязкая трясина! Словно тесто!

Громеко, шедший немного позади остальных и увязший менее глубоко, наконец вытащил свои ноги из сапог, оставив последние в грязи, а затем с берега русла, ставши на твердую глыбу, с грузом вытащил и сапоги. Остальные трое стояли в

беспомощном положении и не могли двинуться ни взад, ни вперед, словно мухи на липкой бумаге.

А между тем фронт лавового потока неуклонно двигался вперед, и до него оставалось не более двухсот метров вверх по склону. Положение завязших становилось трагическим; вблизи не было ни бревна, ни доски, ни даже жерди, чтобы положить ее на грязь и помочь товарищам высвободить ноги.

Но Громеко не растерялся. Он живо набросал несколько плоских кусков лавы от берега русла по направлению к Папочкину, как наименее тяжелому. Затем сбросил с себя мешок с вещами, ружье и верхнюю одежду, засучив штаны выше колен и пробравшись по лаве к зоологу, помог ему освободиться от груза. А потом, взяв его подмышки, полегоньку вытащил из грязи. На Папочкине были не сапоги, а шнурованные ботинки, которые не могли слезть с ног и потому не остались в грязи.

Затем сообща устроили вторую дорожку из плит к Макшееву и вдвоем вытащили его, но без сапог. Каштанова, — самого рослого и грузного из всех, — вытащили втроем, также без сапог.

Тем временем фронт лавового потока надвигался все ближе и уже обжигал путешественников своим раскаленным дыханием. Поэтому некогда было выкапывать увязшие глубоко сапоги, а приходилось скорее спастись от лавы.

Подобрав свое имущество, злополучные исследователи побежали вдоль русла вниз, высматривая местечко понадежнее. Но везде была та же предательская серая грязь, в которую уже не рисковали соваться.

Так в бесплодных попытках дошли до места ночлега, где в русле стояло целое озерко. Воды в нем было мало, но дно представляло ту же грязь неизвестной толщины.

А фронт лавового потока медленно, но неуклонно надвигался сзади.

Шорох, шуршание и треск перекатывавшихся глыб, шипение паров не умолкали ни на мгновение. Пахло серой с хлором, жар становился все сильнее...

У озера, на месте слияния обеих вершин ручья путешественники перебежали через конец старого потока к руслу у левой

вершины. Но и последнее представляло такую же полосу вязкой грязи. Оставался еще один путь — идти вчерашней дорогой вверх вдоль этого русла к озеру Отшельничьему, чтобы убежать от второго потока лавы, рискуя наткнуться на первый. Это русло суживалось между отвесными обрывами столовой возвышенности и склоном вулкана, и здесь можно было надеяться найти узкое место, где было бы нетрудно перемостить грязь глыбами лавы или перепрыгнуть через нее. Такое место вскоре и нашлось, но на другом берегу русла возвышались отвесные скалы в несколько метров вышины. На них невозможно было взобраться, нельзя было также пройти вверх или вниз вдоль их подножия, так как оно было окаймлено той же грязью.

Обессиленные бегом и волнением, путешественники уселись на глыбах возле грязи и опустили головы. Им оставалось ждать неминуемой смерти: или задохнуться в грязи, забравшись в нее при попытке перебраться через русло, или изжариться и сгореть на берегу, когда лавовый поток достигнет их. И то и другое было одинаково мучительно, и у каждого из людей, попавших в это отчаянное положение, возникала мысль о самоубийстве, если иного выхода не будет.

Отдохнув немного, Каштанов заметил, что фронт лавы движется медленнее. Он вскричал, вскакивая:

— Идемте скорее дальше вверх по этому берегу ручья. Мы успеем пройти мимо конца лавы, она почти остановилась!

— Но если мы от этой лавы уйдем, то наткнемся на ту, которая затопила Отшельничье озеро и повернула конечно вниз по руслу! — безнадежным тоном заявил Папочкин.

— Это единственный шанс для нашего спасения! — настаивал Каштанов. — Во-первых, выше по руслу мы может быть найдем брод через грязь в таком месте, где утесы левого берега доступны. Во-вторых, весьма вероятно, что оба лавовые потока не сливаются друг с другом, а следовательно...

— Следовательно, между ними должно быть более или менее широкое пространство, свободное от лавы, — воскликнул Макшеев, доканчивая мысль.

— Да, и на этом промежутке мы можем выждать, пока по-

верхность грязи не засохнет настолько, что выдержит нашу тяжесть.

— Ура! — закричали Громеко и Папочкин.

Все встали и с новым подъемом энергии зашагали на юг, вдоль русла, карабкаясь по вчерашнему пути через остатки старых потоков. Слева над ними в сотне-другой шагов тянулся фронт лавы, от которого веяло жаром. Но лава надвигалась медленно, и они постепенно увеличивали расстояние между собой и этим черным валом, несшим с собой смерть. Вскоре можно было заметить, что этот вал загибается вверх, поднимаясь по склону вулкана. Фронт лавы был благополучно обойден.

— Ну, от этого мы ушли! — сказал Макшеев, облегченно вздохнув.

Русло представляло в нескольких местах сужения, где можно было перепрыгнуть через грязь. Но везде на противоположном берегу подымалась отвесная стена, преграждавшая путь. Приходилось двигаться дальше. Вскоре путешественники начали подниматься на поверхность самого высокого застывшего потока на западном склоне вулкана, за которым находилась котловина озера. Поднявшись наверх, они увидели, что их шансы на спасение очень увеличились.

Этот старый поток разделил новую лаву на две части и сам поднимался между ними в виде плоского горба. С его гребня, где путники спокойно уселись, можно было видеть впереди под ногами котловину, где вчера лежало, словно зеркало в зеленой раме, мирное озеро, которое привело в такой восторг Папочкина. Теперь на этом месте не было ни озера, ни пальм, ни травы, а расстиралось поле серой грязи с отдельными лужами черной воды. Со стороны вулкана на него надвигался фронт второго потока и, вследствие соприкосновения горячих глыб лавы с мокрой грязью, у подножия вала раздавалась непрерывная канонада маленьких взрывов, выбрасывавших облачка белых паров.

Хотя от места, где расположились путешественники, было шагов пятьсот-шестьсот до потоков горячей лавы, но соседство раскаленных полей сильно сказывалось. Температура была ад-

ская, тем более, что и Плутон совсем не заслонялся тучами и жег непрерывно.

Сидя бездейтельно на месте, люди изнывали от жары и сбросили с себя лишнюю одежду. Начали ощущаться голод и усталость. Ночь они не доспали, а потом все время бегали и волновались.

— Эх, — пожаловался Папочкин, — чайку бы напиться! Жара невыносимая!

— Жара ужасная, а дров нет! Разве сбежать и поставить чайник на свежую лаву? — пошутил Макшеев. — Там он живо закипит!

— А вода у нас есть?

— Воды осталось еще изрядно, — объявил Громеко, освидетельствовав жестянку.

— Ну, что же, давайте хоть закусывать, если чая не будет. Есть хочется ужасно!

Все уселись в кружок, достали вяленую рыбу и галеты и с аппетитом пообедали, запивая водой.

— Мы сегодня утром сделали крупную оплошность, за которую теперь и платимся, — заявил Каштанов.

— А именно?

— Убегая от приближавшегося грязевого потока, мы бы должны были перебраться сразу через ручей на тот берег, а не лезть вверх. Мы бы теперь были уже на берегу моря и не спасались бы от лавы и грязи.

— Да, с того берега путь к морю был свободен.

— Ну, не совсем! По долине ведь пропесся двойной грязевой поток и вероятно всю ее залил.

— И захватил бы и нас в этой долине!

— Но мы могли подняться наверх, на черную пустыню, и идти к морю поверху.

— Да, сплеховали! Впопыхах кто же мог сообразить все последствия. Тогда казалось наиболее правильным — спешно подняться выше, чтобы убежать от потока.

— Нет, если бы на нашем месте были люди, хорошо знакомые с действующими вулканами, они бы лучше рассудили, в какую сторону нужно спасаться!

— А я думаю, — заметил Папочкин, — что мы сделали крупную оплошность уже вчера, когда остались ночевать у подножия вулкана, несмотря на признаки начавшегося извержения.

— Но мы же остались, чтобы увидеть это извержение!

— Вот и увидели! Я по крайней мере удовлетворен на всю жизнь и впредь буду держаться подальше от этих беспокойных гор. Сатане я пожертвовал свое ружье, а Ворчуну...

— Ворчуну мы с Макшеевым пожертвовали свои сапоги, а это гораздо чувствительнее. У вас сапоги на ногах, а вы ворчите! Нам же придется шагать без сапог до моря по раскаленным камням черной пустыни.

— Вы правы, я в лучшем положении и должен умолкнуть.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Только и остается лечь спать, если можно уснуть на этих жестких, неровных камнях.

— Попробуем. Но по очереди одному из нас придется дежурить, чтобы наблюдать за вулканом. Он может выкинуть еще какую-нибудь штуку.

— Сколько же времени будем спать?

— А сколько позволит Ворчун.

— Это максимум. А минимум — пока не подсохнет грязь в русле настолько, что можно будет перейти через него.

Так и сделали: трое кое-как прикурили на глыбах лавы, четвертый бодрствовал, наблюдая за состоянием вулкана и высыханием грязи. Последнее, несмотря на жар, испускаемый потоками лавы и лучами Плутона, подвигалось медленно, и только часов через шесть грязь стала проходимой.

Собрав пожитки, путешественники направились к руслу и один за другим, поочередно, перешли благополучно через грязь. Затем полезли по расселине, карабкаясь с глыбы на глыбу, с уступа на уступ, подсаживая друг друга, и через полчаса выбрались на поверхность черной пустыни, где были уже в безопасности и могли вздохнуть свободно.

Папочкин повернулся лицом к вулкану, снял шляпу, раскланялся и произнес:

— Прощай навсегда, старый Ворчун! Спасибо за твое угощение и внимание к нам.

Все улыбнулись. Каштанов вскричал:

— Эх, будь у меня сапоги, не ушел бы я сейчас отсюда!

— А что бы вы делали здесь?

— По черной пустыне можно пройти дальше на юг и посмотреть, что находится за вулканом.

— Та же пустыня! Это видно и отсюда.

— Кроме сапог, у нас нехватает и провизии, — заметил Макшеев.

— И почти нет воды! — добавил Громеко, встряхнув жестянку.

— Вы правы! Нужно спешить к морю. Но эти черные камни пустыни страшно накалены. У меня такое ощущение, словно я стою на горячей плите. А толстые носки за время беганья по лаве почти изорвались.

— Придется разорвать наши рубашки и обмотать ими ноги, — предложил Макшеев. — Итти босиком совершенно невозможно.

Во время этого разговора и он и Каштанов все время приплясывали, поднимая попеременно то одну ногу, то другую, чтобы дать им остынуть. Теперь они сняли с себя рубашки, обернули ими ноги, обвязали их ремешками от ружей и, бросив последний взгляд на окутанный черными тучами вулкан, бодро зашагали по пустыне на север. Итти было легко: поверхность пустыни была совершенно ровная, представляя местами голую массу зелено-черной древнейшей лавы, выглаженную ветрами, местами же усыпанную мелкими обломками. Как и в пустыне вокруг вулкана Сатаны, здесь тоже не было признаков какой-нибудь растительности. Черная равнина простиралась до горизонта. Над ней чистое небо и в зените красноватый Плутон, заливавший эту равнину своими лучами, отражавшимися от гладкой поверхности так, что последняя сверкала миллионами зеленоватых огоньков. Путникам приходилось закрывать или щурить глаза, чтобы не утомлять их этой массой света и блеска.

Они пошли на северо-восток, чтобы выйти к низовьям ручья, где только и можно было найти удобное место для спуска с возвышенности. Через три часа приблизились к краю

обрыва и начали искать подходящую расселину. Долина, накануне еще представлявшая зеленый оазис, теперь была совершенно опустошена грязевым потоком; деревья были повалены, кусты вырваны и унесены потоком, лужайки занесены грязью. Только кое-где у подножия обрывов уцелели клочки зелени. При виде этой печальной картины разрушения путники вспомнили, что на обратном пути собирались поохотиться на игуанодонов в низовьях долины.

— Они вероятно убежали к морю!

— Или погибли в грязи.

Последнее предположение оправдалось. Немного дальше путники обратили внимание на то, что над долиной кружились птеродактили, словно воронье над падалью. Подойдя ближе, они увидели, что на дне долины идет кровавый пир. Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуанодонов, на которых расселись десятки летучих ящеров. Они рвали своими зубастыми клювами мясо и внутренности, ссорились и дрались, сгоняя друг друга, взлетали вверх и опять садились. Визг и кваканье не прекращались ни на минуту.

— Вот и паша дичь! — сказал Громеко при виде этой отвратительной картины. — Что мы теперь будем делать?

— Мы можем подстрелить птеродактиля, — предложил Макгисев.

— После того, как они наелись падали? Благодарю покорно!

— Но мы ведь уже пробовали их.

— Не зная, что они питаются и падалью. Да и ели-то потому, что другого мяса не было, когда нас ограбили муравьи.

— Но теперь у нас тоже нет мяса.

— Есть вяленая рыба в лодках, да и свежей наловим в устье речки.

— Вы забываете, что речки уже нет, — сказал Каштанов. — Да и весь залив моря наверно переполнен грязью, которую принес поток, так что рыба или подохла, или ушла подальше в море.

— Я боюсь, что у нас и пресной воды не будет, — заметил Громеко.

— Верно, ведь речки-то нет.

— А я боюсь, не погибли ли все наши вещи, спрятанные в чаще. Они лежали недалеко от речки и невысоко над ее уровнем. Если грязевой поток был столь же стремителен в устье долины, как и выше, он мог все унести в море или, в лучшем случае, залить грязью.

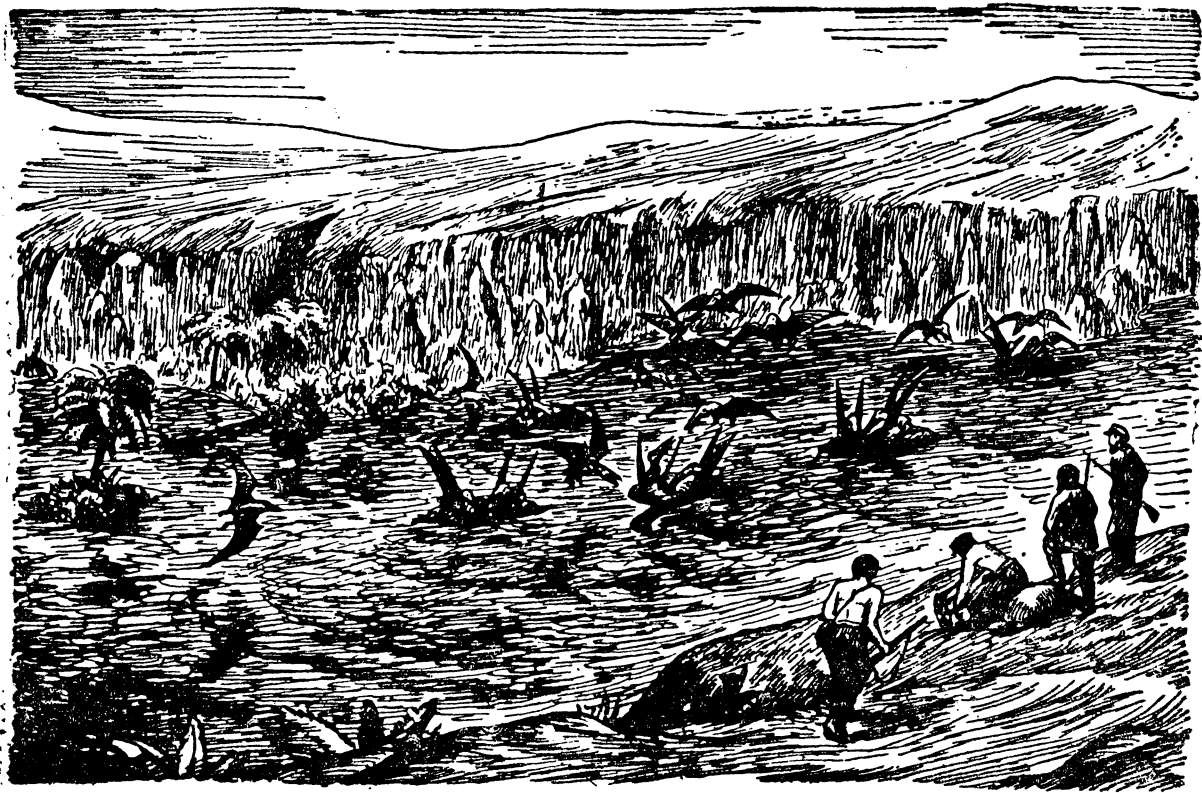
Это сообщение Макшеева сильно обеспокоило всех и, забыв о птеродактилях, они поспешили дальше. Впрочем, Папочкин все-таки успел сфотографировать это пиршество птеродактилей.

Недалеко от устья долины нашелся крутой и узкий овраг, по которому удалось спуститься вниз. Всем хотелось бежать, чтобы скорее добраться до моря. Но не тут-то было. Грязь, разлитая повсюду, хотя и не толстым слоем, еще недостаточно засохла, и ноги вязли или прилипали на каждом шагу. Уже издали было видно, что грязевой поток и в устье поработал изрядно. Речка в низовьях протекала по узкому коридору между стенами хвощей и папоротников. Теперь там была проложена широкая просека, а наваленные деревья были занесены грязью. Но и вне этой полосы, по которой пронеслась главная масса воды, поток поработал: весь лес в устье долины был затоплен грязной водой, оставившей после себя повсюду толстый слой грязи.

Увязая в этой грязи, путники наконец добрались до берега залива и ахнули. Вместо чистой голубой воды перед ними растлались бурые помои, по поверхности которых плавали листья, ветви, сучья, кусты и целые стволы, выброшенные потоком в море. Макшеев и Громеко, прятавшие лодки и вещи, побежали к чаще, почти уверенные, что все унесено, потому что признаки опустошения были видны везде, и даже пляж близ устья речки был покрыт слоем грязи.

— Ура! — раздался их возглас с леса. — Все цело, идите на помощь.

Вещи уцелели благодаря тому, что были сложены в лодки, а последние покрыты палаткой и плотом и кроме того крепко привязаны к деревьям. Все вздохнули свободно и принялись откапывать лодки и перетаскивать их и вещи на берег моря, где, подальше от устья речки, нашлось местечко, не покрытое грязью. Но так как речка несякла, приходилось убираться из

*Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуанодонов, на которых расселись
десятки летучих ящеров.*

этого уголка, который накануне так очаровал всех. Продолжать плавание на запад было рискованно, так как в эту сторону южный берег моря представлял голые утесы столовой возвышенности — черной пустыни, и не было надежды найти пресную воду.

— Не имея запаса воды, мы не можем схать на запад, тогда как на востоке нам известен источник, возле которого мы ночевали, — заключил Громеко обсуждение вопроса, куда плыть.

48

ОБРАТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Через час путешественники уже плыли по заливу, превратившемуся в грязную лужу. Они обогнули мыс и повернули на восток, вдоль однообразного низкого берега с возвышающейся стеной леса. Все усиленно гребли, чтобы скорее добраться до пресной воды, где можно было бы наконец отдохнуть и выспаться после всех трудов и волнений последних двух дней.

Эта поспешность не помешала однако сделать привал для охоты за игуанодонами, замеченными в одном месте на пляже.

На следующий день плавание продолжалось столь же энергичным темпом, и к вечеру достигли злополучного места в устье речки Муравьиной, той самой, на которой находился сожженный муравейник. Здесь был песчаный пляж и пресная вода, а дальше уже не было удобных мест для стоянки.

Остановились на ночлег, который не был нарушен никакими приключениями.

Еще один день прошел в плаваннии на восток через пролив между островами, разделявшими Восточное море от Западного.

В этот раз выбрали путь вблизи северного берега, чтобы определить положение устья реки, которая оказалась значительно больше реки Макшеева, но имела повидимому такой же характер.

Ее низкие берега были покрыты сплошным лесом, доходившим до воды и не оставлявшим ни единой пяди земли для стоянки. Пришлось пообедать всухомятку на лодках.

Во время отдыха после еды Папочкину внезапно пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами.

— Ведь мы сейчас у северного берега моря, не так ли? — вскричал он радостно.

— Ну, конечно! — ответил Каштанов.

— Так будем держаться его и дальше до самого устья реки Макшеева: этим мы избегнем опасного переезда через море.

— Но ведь мы же собирались основательно обследовать южный берег на восток от места первого осмотра? — заявил Громеко.

— Не пора ли нам подумать об обратном пути ко льдам? — продолжал зоолог.

— Почему же так скоро?

— Потому что путь вверх по реке потребует в три или четыре раза больше времени, чем вниз. Придется все время идти на веслах против течения.

— Ну так что же, у нас времени много.

— Не так, чтобы очень! Восьмой август уже на исходе. На берегах этого моря вероятно вечное лето, но там на севере, ближе ко льдам, наверно бывает и зима. Если мы поздно двинемся в обратный путь, мы рискуем захватить холода, и вместо того, чтобы плыть по реке, которая покроется льдом, будем тащиться пешком по снегу...

— Без лыж и без теплой одежды! — прибавил Макшеев.

— Это соображение конечно очень важно и его надо принять во внимание, — заметил Каштанов. — По еще одна неделя, которую мы уделили бы для дальнейшего изучения южного берега моря, не уменьшит заметно время, остающееся для обратного пути.

— Есть еще соображение! — настаивал Папочкин. — Все наши экскурсии по южному берегу моря наталкивались на опасности и препятствия, связанные с муравьями. Едва ли приходится сомневаться в том, что и в других частях южного берега водятся эти зловредные насекомые. Борьба с ними требует большого расхода огнестрельных припасов, а у нас их осталось не так много. Нужно их побережь на обратный путь для охоты и для защиты от хищников.

— И наконец, — поддержал его Громеко, — мы едва ли найдем что-нибудь новое на южном берегу моря за те три-четыре дня, которые можем посвятить дальнейшему плаванию на восток. Мы уже видели, что в эту сторону на большое расстояние тянутся отвесные обрывы столовой возвышенности, а с вершины вулкана Сатаны мы не видели на востоке ничего, кроме черной пустыни.

— В лучшем случае откроем еще одну речку и в ее верховьях еще группу вулканов, которые снова угостят нас каким-нибудь сюрпризом! — прибавил Папочкин, не забывший свои зловключения. — Два раза мы спаслись почти что чудом. Благоразумно ли еще раз испытывать судьбу?

— Итак, я вижу, что остаюсь в одиночестве! — сказал не без досады Каштанов. — Трое стоят за обратный путь, и доводы их очень основательны. Придется уступить голосу благоразумия.

— Следовательно мы поплывем теперь вдоль северного берега? — спросил Громеко.

— Ну, конечно, раз мы решили прекратить исследование южного.

— Тогда нужно набрать пресной воды теперь же, потому что сегодня мы едва ли успеем доплыть до устья реки Макшеева, а есть ли ближе ее другая речка, нам неизвестно.

Наполнив обе жестянки водой из устья большой речки, которую окрестили рекой Громеко, путешественники продолжали плыть среди мелей и островов се дельты, стараясь не уклоняться от северного берега. Последний имел здесь такой же низменный характер, как у устья речки Макшеева, но только был лишен песчаного пляжа, и чаща леса и тростников доходила до самой воды. Постепенно острова начали редеть, потом исчезли, и берег начал отклоняться заметно на север. На южном берегу против этого места началась область песчаных дюн; вдали видна была группа вулкана Сатаны, который все еще продолжал выбрасывать довольно густой дым, застилавший эту часть горизонта.

Плаванье оживлялось насекомыми, реявшими над волей и над зеленой стеной, по временам мелкими летучими ящерами,

охотившимися за стрекозами, и головами плезиозавров, появившимися над зеркалом моря на порядочном расстоянии от берега. Вблизи последнего вода была очень неглубока, и весла по временам почти касались дна.

Кое-где в зеленой стене тростников, окаймлявших лес, были протоптаны широкие дорожки, настоящие зеленые коридоры, по которым вероятно пробирались к воде различные травоядные и хищные ящеры, населявшие чащу.

На следующий день путешественники еще до обеда приплыли к устью реки Макшеева, которое легко узнали по сооруженной ими пирамиде.

Здесь провели почти сутки, чтобы сделать последние наблюдения на берегу моря, наловить и навялить рыбы в устье речки, починить лодки и плот для долгого плавания вверх по реке.

Это плавание шло довольно медленно. Приходилось работать веслами без перерывов, уделяя на отдых, еду и сон только самое короткое время.

Успевали проплыть в сутки всего только тридцать-сорок километров, в зависимости от быстроты течения.

Задерживали плавание также и приключения с ящерами, с хищными и травоядными млекопитающими, так как, сберегая снаряды, путешественники стреляли только для добычи свежего мяса или в случае нападения.

За время первых недель этого плавания природа не обнаруживала заметных изменений. Но дальше, когда начались лиственные леса более умеренного климата, оказалось, что листья на деревьях уже пожелтели и опали, и чем дальше к северу, тем больше встречалось обнаженных от листвы растений.

Изменилась и погода: хотя Плутон стоял попрежнему в зените, но густые тучи все чаще и чаще заслоняли его, дул прохладный северный ветер и часто моросил осенний мелкий дождь. В промежутках, когда небо прояснялось, становилось спясть жарко, но средняя температура все больше и больше понижалась.

Ненастье в виде сильных дождей с холодным встречным ветром все чаще тормозило или даже прерывало плавание: приходилось укрываться в палатке и согреваться у костра. Путе-

шественники, побывшие несколько месяцев в очень теплом и сухом климате, стали более чувствительными к холоду и сырости.

В поясе, где жили мамонты, длинношерстые носороги, исполкиные олени и первобытные быки, путешественники застали уже начало зимы. Температура держалась около нуля и поднималась выше только изредка, при ясном небе. Но небо большею частью было скрыто сплошной пеленой густых туч, сыпавших по временам снегом; дул холодный северный ветер. Вместе с тем вода в речке начала заметно убывать, а ее узкое русло было уже стеснено ледяными краями. Только середина ее, вследствие более быстрого течения, оставалась свободной от ледяного покрова; можно было думать, что через день-другой придется прекратить плавание. Плот же, соединявший и облегчавший лодки, был уже раньше брошен из-за узости фарватера. Сильно нагруженные лодки медленно пробирались одна за другой по быстрой речке, и скорость движения уменьшилась до пятнадцати-двадцати километров в день.

Между тем до холма с юртой оставалось еще более ста километров.

По берегам в лесах и на полянах лежал тонкий слой снега.

49

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

Однажды после ужина Громко и Макшеев отправились ловить рыбу на мягкий песчаный откос, желтевший на берегу среди увядшей и побитой морозами травы. Макшеев уже забросил удочку и следил за поплавком, как вдруг заметил на песке рядом с отпечатком своего сапога ясный след босой ноги человека.

Странно, — подумал он, — я как будто еще не снял сапог, да и доктору едва ли понадобилось это в такую прохладную погоду.

Он наклонился и начал рассматривать след; след был оставлен левой ступней крупного размера и превышал даже след са-

пога инженера, нога которого была не из маленьких. Ступня была плоская. Человек, оставивший след, очевидно всегда ходил босиком. Но всего замечательнее было то, что все пять пальцев, отчетливо отпечатавшиеся на песке, были очень длинны, а большой палец далеко отстоял от остальных. Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Немного дальше Макшеев увидел след и правой ноги, но большая часть ее была уже под водой и сглажена ею. Очевидно субъект пошел в брод через речку, так как обратных следов вверх по откосу не было видно.

— Михаил Игнатьевич, подите-ка сюда на минуту! — воскликнул Макшеев.

— В чем дело? Подождите немного, у меня клюет! — ответил ботаник.

— Бросьте вашу рыбу, идите, посмотрите, я нашел что-то любопытное.

— Ну, что такое? Рака, что ли, или черепаху?

— Нет, след босой ноги человека на песке.

— Не может быть!

Громеко оставил свою удочку и побежал. Рассмотрев с удивлением след, он согласился, что форма ноги, оставившей след, очень странная.

— Не обезьяна ли прошла здесь? — предположил он.

— Здесь в субполярной местности, среди лиственниц и берез?

— Кто знает! Если мамонты и носороги, близкие родичи которых теперь живут там, на поверхности земли, только в теплом климате, могут жить здесь в северных лесах и тундрах, то почему не может быть и обезьяны, приспособившейся к этому климату?

— Пожалуй вы правы. Нужно позвать сюда зоолога и геолога, они лучше рассудят.

— Ловите свою рыбу, а я съезжу за ними.

Громеко поплыл к месту стоянки и привез товарищей.

— Это огромная обезьяна! — предположил геолог.

— А я думаю, что это скорее обезьяноподобный человек, — заявил зоолог. — Смотрите, он шел только на ногах, не опираясь на руки. Обезьяна, спускаясь довольно круто к воде, наверно стала бы и на руки, но следов рук не видно.

Тщательный осмотр местности обнаружил на обоих берегах тропинку, а в речке неглубокий брод. На тропинке следы видны были менее ясно, но по расстоянию между ними можно было судить, что субъект был ростом не менее ста восьмидесяти сантиметров.

— Что же вы обнаружили? — спросил Макшеев, когда они подошли к нему. Пока товарищи изучали следы, он и Громеко возобновили рыбную ловлю.

— Вероятнее всего, что следы оставил обезьяноподобный человек, шедший по хорошо пробитой тропе к известному ему неглубокому броду через речку, — заявил Каштанов.

— Следовательно, сюда в Плутонию раньше нас забрались какие-то люди?

— И вдобавок ходят босиком, хотя уже падает снег! Пере-

ходят преспокойно в брод через ледяную воду! — воскликнул ботаник.

— Вероятно какие-нибудь дикари?

Недаром у них форма ноги почти не отличается от обезьяньей.

— Нежелательно было встретиться с ними! Они пожалуй людоеды.

— Ну, муравьи нас не одолели, хотя помешали нашей работе. А с дикарями мы бы так или иначе поладили.

Теперь приходилось быть особенно настороже, чтобы не подвергнуться нападению врасплох. Во время отдыха поочередно дежурили, и весь следующий день зорко смотрели по сторонам.

Но еще через день плавание прекратилось. С севера налетел продолжительный буран, речка замерзла и даже покрылась слоем снега сантиметров в пятнадцать.

Чтобы не бросать лодок и не тащить имущество на себе, решили сделать полозья, поставить на них лодки с вещами и, придерживаясь русла речки, где не мешали ни кусты, ни деревья, тащить их за собой по снегу. Но идти без лыж по свежему рыхлому снегу и тащить за собой тяжелые сани, было не легко, так что за день проходили только километров двенадцать-пятнадцать. Плутон больше не показывался из-за густой пелены туч, и температура опускалась до 5 и даже 10° ниже нуля. В тонкой палатке и тонкой одежде было очень холодно, и во время отдыха поочередно дежурили, чтобы поддерживать огонь у входа в палатку. В борьбе со стужей и снегом совсем забыли о дикарях. Впрочем больше не встречали и следов. Все живое повидимому откочевало на юг, и редкие леса под белым саваном погрузились в зимнее безмолвие.

Только на восьмой день после начала санного путешествия поредевший лес кончился, и на северном горизонте показались белые увалы — конец льдов, а на фоне их с трудом можно было различить темную точку — юрту на холме, который почти сливался с равниной тундры.

Оставался еще десяток километров тяжелого пути, а затем предстояло свидание с товарищами и отдых в теплой юрте

после многонедельного странствования. Через три часа они были только в километре от нее и с минуты на минуту ждали, что услышат лай собак, что из юрты выбегут люди и поспешат к ним навстречу с нартами и лыжами. Но никого не было видно, никто не лаял, и юрта, полузанесенная снегом, одиноко чернела на вершине холма, словно покинутая обитателями. У путешественников вставали тревожные вопросы, которыми они перебрасывались.

— Неужели они спят по целым дням?

— Почему же не видно и не слышно собак?

— Не случилось ли что-нибудь скверное?

Напрягая все силы, путники ускорили свое движение по глубокому и рыхлому снегу равнины, в котором нога погружалась почти до колена.

Вот холм уже совсем близко, но на нем попрежнему все было безмолвно и пусто. У его подножия путники остановились и хором закричали:

— Эй-эй, Боровой, Иголкин! Вставайте, встречайте!

Повторили призывы еще и еще раз, но ответом была та же могильная тишина. Кричавшие не на шутку встревожились.

— Если только наши товарищи не умерли, то можно объяснить их молчание только тем, что они отправились куда-нибудь на нартах на охоту за крупным зверем, — сказал Макшеев. — Тем более, что нет и собак.

— Но мы уже целую неделю не видели никакой дичи, — возразил Папочкин.

— Потому-то они и ушли куда-нибудь подальше на юг.

— Не пошли ли они нам навстречу, ввиду нашего долгого отсутствия? — предположил Громеко. — После того, как начались холода и пошел снег, они должны были вспомнить, что мы ушли в летней одежде и без лыж.

— Это мало правдоподобно, потому что они знали, по какой речке мы поплыли, а разойтись по льду с нами они не могли, — заметил Каштанов.

— Я думаю, что в юрте мы найдем разрешение загадки, — сказал Макшеев. — Но раньше обогнем весь холм, чтобы по-

смотреть, нет ли каких-нибудь следов, которые мы можем нечаянно затоптать.

Оставив сани у подножия, все четверо пошли вокруг холма, тщательно рассматривая поверхность снега. Но никаких следов, ни свежих, ни старых, на этой поверхности не оказалось, и можно было утверждать, что с тех пор, как снег покрыл землю, никто не поднимался на холм и не спускался с него.

50

В ПОКИНУТОЙ ЮРТЕ

Войлочная дверь юрты, обращенная на юг, была закрыта и снаружи завязана: следовательно, юрта была пуста. Приподняв войлок, путешественники вошли. Юрта имела жилой вид. У задней стенки были сложены экспедиционные ящики с инструментами, коллекциями и более ценным имуществом. Висели ружья, патронташи, платье товарищей, а у боковых стенок были свернуты их спальные мешки. В центре юрты чернело огнище и на треноге висел даже чайник; рядом лежала кучка дров и хвороста. Все имело такой вид, словно товарищи отлучились не надолго.

При виде всех этих признаков, тревога вошедших усилилась. Их товарищи не ушли ни на охоту, ни на экскурсию, потому что и ружья и спальные мешки остались в юрте. Приходилось думать, что какие-то враги — хищники или дикари — напали на них врасплох где-нибудь поблизости юрты, например возле ледника или на тундре у ее подножия. А собаки, лишившись хозяев и мучимые голодом, погибли или разбежались. Но если папали дикари, то почему они не разграбили юрту?

Более внимательный осмотр вещей обнаружил, что чайник, ружья, вообще все вещи покрылись слоем пыли. Макшеев поднял крышку чайника: остатки чая на его дне оказались покрытыми густой плесенью. Стало совершенно ясно, что люди покинули юрту уже давно.

— А это что такое? — спросил Каптанов, указывая на странный деревянный предмет, стоявший на одном из ящиков и незамеченный раньше.

Все обступили ящик. На нем оказалась фигурка мамонта, очень грубо вырезанная из дерева. Она была покрыта бурыми мазками и слоем сала, так что было даже противно притрнуться к ней.

— Не занялся ли Иголкин со скуки скульптурой? — предположил Папочкин.

— Нет! — сказал Макшеев. — Это несомненно идол каких-то дикарей. Его мазали кровью и салом убитых животных в виде жертвоприношения. Наши товарищи нашли его где-нибудь.

— Да, сопоставляя эту находку со следами на песке, нельзя сомневаться, что здесь живут какие-то первобытные люди, — заметил Каштанов.

— Они убили или увели с собой наших товарищей! — вскричал Громеко.

— Почему же они не разграбили вещи?

Макшеев взял фигуру, чтобы лучше рассмотреть ее. К общему удивлению под ней оказались две бумажки, аккуратно сложенные. Каштанов поспешно развернул их и стал читать вслух.

Первая бумажка от 25. сентября гласила:

Извещаю, что мы в плену у диких людей, неожиданно появившихся в тундре. Они захватили нас две недели тому назад врасплох безоружными в леднике, где мы проверяли склад, и увели с собой в леса. Юрту и склад не тронули, но не дали нам ничего взять с собой; собаки побежали за нами. Нас не обижают, кормят и даже окружают почестями, вероятно считая колдунами или богами, но не пускают, строго караулят и отняли у нас сапоги и почти всю одежду. Сами ходят совершенно голые, живут в шалашах из жердей и шкур, огня не знают, едят сырое мясо. Оружие у них исключительно костяное и деревянное — копья, стрелы и ножи. В орде больше ста человек, но преобладают женщины, которые охотятся, тогда как мужчины няньчатся с детьми и стерегут стойбище. Мужчин мало, они тщедушны, а женщины рослые и сильные. Их тело покрыто довольно густыми волосами, и они вообще похожи на больших обезьян (без хвоста), но обладают речью, которую мы уже научились понимать. Поэтому мы узнали, что нашу юрту они считают чем-то в роде жилища богов и ходят туда поклоняться. Мы воспользовались этим, чтобы послать эту записку, как жертву богу.

Они обещали положить ее в юрте. Увели нас на юго-восток, вниз по речке, через которую мы с вами ходили за убитым мамонтом, километров на пятьдесят—шестьдесят. Мы думаем, что вам удастся освободить нас без кровопролития, явившись в облике богов. Привезите нам теплую одежду, спичек и табаку. Лето провели хорошо, в складе много припасов,

БОРОВОЙ
ИГОЛКИН

Второй листок был от 2 ноября.

Стало холодно и часто перепадает снег. Дикари собираются откочевать дальше на юг, где теплее. Мы сами пользуемся огнем, на котором жарим мясо и у которого греемся, но дикари боятся огня и окружили нас еще большим поклонением. В плену нас держат главным образом женщины, которым мы нравимся, потому что мы красивее и сильнее мужчин их племени. Мужчины же с удовольствием помогут нашему освобождению. Пошлем последнюю записку, потому что дикари больше к юрте ходить не будут. Но по пути на юг, вероятно, вдоль той же речки, мы будем оставлять записки на каждом ночлеге или по дороге, будем накалывать их на кусты, чтобы вы могли выследить нас. Если нам не удастся освободиться хитростью при помощи мужчин, тогда вы выстрелами известите нас о своем приближении. Наступайте открыто, стреляя залпами в воздух, чтобы поразить дикарей и заставить их покориться нашей воле. В крайнем случае подстрелите нескольких женщин. Мы не унываем и не боимся, только страдаем от холода и от однообразной мясной пищи. Тревожимся за вас. почему вы не возвращаетесь, благополучно ли ваше путешествие?

БОРОВОЙ
ИГОЛКИН

— Они живы! — воскликнул Громеко.

— Нам нужно спешить на выручку товарищей, ведь уже почти три месяца, как они в плену: сегодня 5 декабря, — заявил Громеко, заглянув в свой дневник.

— Они пишут, что дикари здесь ничего не тронули, — сказал Максимов. — Следовательно нарты и лыжи должны быть

в леднике вместе с запасами провизии; пужно сейчас раскопать вход в склад и начать приготовления к отъезду.

— Да, в юрте все как будто на месте; должно быть и склад цел, если только дверь в него не осталась открытой и собаки не растащили провизию, — заметил Папочкин.

После тяжелого пути по снегу, ночлега в тонкой палатке и питания одним мясом и сухарями, — теплая юрта и запасы разных консервов сделали жизнь путешественников гораздо приятней. Они решили отдохнуть несколько дней, снаряжаясь в то же время в новое путешествие, которое могло затянуться на несколько недель в зависимости от того, как далеко откочевали дикари.

Весь холм вокруг юрты был покрыт довольно глубоким снегом. В складах все было в целости, и нарты с лыжами были сейчас же извлечены для осмотра и починки. Большой склад был заперт настоящей прочной дверью: благодаря этому хищники ничего не утащили, несмотря на отсутствие людей и собак. Заботливые отшельники наготовили на зиму много копченого мяса, которое было теперь очень кстати для погони за дикарями, так как избавляло от необходимости тратить время на охоту.

Несколько поодаль на холме стояла небольшая метеорологическая будка, сооруженная Боровым. Инструменты были в исправности. В юрте нашелся метеорологический журнал, по которому можно было судить о климате второй половины лета и начала осени на тундре.

Решили взять юрту с собой, а все лишние вещи сложить в склад, запереть его на замок и вход завалить снегом, чтобы совершенно скрыть его от незваных гостей.

Сообразно с этим решением приготовили для путешествия две нарты, шесть пар лыж, провизию на месяц, теплую одежду, спальные мешки. Отобрали также некоторое количество сахара, конфет, ножей, иголок, ниток, бус и колец для подарков дикарям в случае добровольной выдачи пленных. На всякий случай захватили также спирт и коньяк, чтобы в случае падобности подпоить стражу.

ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩЕЙ

После трехдневного отдыха на холме двинулись в путь, сначала на юго-восток к речке, за которой Каштанов и Папочкин впервые охотились на мамонтов, а затем вниз по течению последней.

На второй день нашли поляну на левом берегу речки, где находилось прежде стойбище дикарей; от него остались десятка два остовов шалашей, представлявших жерди, составленные конусом, как в чумах остяков и тунгусов Азии.

На одной из жердей была приколота бумажка с следующим текстом:

*Здесь мы жили в плену у дикарей все время до отко-
чевки на юг. Сегодня орда уходит. С дороги может быть
удастся бе...*

Конец записки очевидно был оторван.

Решили продолжать путь по речке, тщательно высматривая поляны на расстоянии — каждые пятнадцати-двадцати километров, вероятно составлявших дневной переход орды, нагруженной всем домашним скарбом и потому двигавшейся медленно. На опушках этих полян могла уцелеть записка пленных товарищей.

К вечеру того же дня действительно встретили большую поляну и на одном из кустов записку, привязанную ниточкой к ветке. Она гласила:

*Передвигаемся километров двадцать в день, то по
тропам в лесу близ речки, то прямо по воде, которая
уже очень холодна и местами глубиной выше колена.
Но дикарям это нипочем. Нам отдали часть одежды, но
на ночлеге снова отбирают ее и дают звериные шкуры,
чтобы защититься от холода. На перекочевке они ша-
лашей не ставят, а спят под кустами. Мы спасаемся
только благодаря костру, который поддерживаем пооче-
редно все время, пока стоим на месте.*

БОРОВОЙ

На следующий день прошли километров сорок, но не нашли ни одной записки; может быть ее сорвал ветер или страхнул какой-нибудь зверь.

Шли еще день, и после обеденного привала опять нашли записку такого содержания:

Дикари снимают наши бумажки с кустов, если заметят, и хранят, как талисманы. Они думают, что мы оставляем их в жертву злему духу, приносящему зимний холод и снег. Поэтому нам удастся оставлять записки в исключительных случаях, но по пути у самой речки мы будем накалывать пустые бумажки на ветки, чтобы вы знали, что мы прошли. Когда достигнете местности, где снега не будет и где речка не замерзла, будьте особенно внимательны. Мы думаем, что дикари остановятся там надолго.

БОРОВОЙ

Так шли еще шесть дней, изредка находя записку в несколько слов, чаще же пустые бумажки, наколотые на кустах возле речки; на десятый день пути слой снега стал очень тонким, а лед на речке под ногами иногда потрескивал. Температура держалась только на один-два градуса ниже нуля. На следующий день пришлось сойти с речки, так как лед сделался слишком тонким и местами открылись большие полыньи. Путешественники отыскиали тропу, извивающуюся то по лесу, то вдоль берега речки, и пошли по ней. К концу перехода слой снега был не толще четырех сантиметров, а по речке лед держался только у берега.

Наконец на двенадцатый день пути остались только небольшие сугробы снега под защитой кустов и в лесу, так что нарты приходилось тащить по слою опавших листьев, покрывавших тропу. Перед обедом опять нашли записку, в которой сообщалось, что на расстоянии одного перехода должна быть большая поляна, где дикари собираются остаться на зимовку, если снег не прогонит их дальше.

Теперь пришлось удвоить внимание, чтобы не наткнуться случайно на дикарей, рыскающих в окрестностях своего стойбища; один из путешественников шел вместе с Генералом впереди нарт, в качестве разведчика.

На ночлег остановились на небольшой поляне вблизи речки. После ужина Макшеев и Каштанов отправились вперед на разведку. Пройдя километра три, они услышали впереди какой-то шум, отдельные крики и осторожно подкрались к опушке боль-

шой поляны. На противоположной стороне они увидели стойбище дикарей.

Оно состояло из двенадцати конических шалашей из жердей, покрытых звериными шкурами и расположенных по кругу на небольших промежутках друг от друга, отверстиями внутрь круга; в центре последнего находился тринадцатый шалаш меньших размеров, возле которого пылал костер. Нельзя было сомневаться, что в этом шалаше живут пленные товарищи. По размерам остальных шалашей Макшеев определил, что орда состоит приблизительно из сотни взрослых.

В круге среди шалашей видны были только дети, бегавшие большою частью на четвереньках и похожие на черных бесхвостых обезьян. Они играли, прыгали, дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина, тоже похожий на обезьяну. В бинокль можно было рассмотреть, что тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода, показывавшая, что это мужчина.

Вскоре из того же шалаша высунулся второй дикарь; чтобы выйти, он толкнул первого коленом в спину. Сидевший качнулся вперед и вскочил на ноги, так что оба очутились рядом. Оказалось, что второй был почти на две головы выше и значительно шире в плечах и в бедрах, так что первый возле него производил впечатление тщедушного подростка. Лицо у этого второго было менее безобразное, а волосы на голове длиннее и свешивались космами на плечи. Тело было покрыто менее густыми волосами, особенно на груди, форма которой обнаруживала, что это женщина.

Женщина направилась через круг к центральному шалашу. Она шла немного наклонившись вперед и переваливаясь. Ее руки, опущенные вниз, немного недоходили до колен; мускулы рук и ног были сильно развиты. Приблизившись к шалашу пленников, она упала на колени перед костром, протянула к нему руки с умоляющим жестом, а затем на четвереньках поползла в шалаш.

— Пришла в гости к нашим товарищам! — сказал Каштанов.
— Не воспользуемся ли мы пустотой стойбища, чтобы дать им знать о нашей близости? — предложил Макшеев.

— Каким образом? К ним нельзя подойти незаметно.

— Дадим выстрел-другой из леса; они догадаются, потому что сами предложили этот способ извещения.

— А дикарей это не встревожит?

— Они ведь не знают огнестрельного оружия и не поймут в чем дело.

— Не бросятся ли они искать нас?

— Думаю, что нет. Они будут испуганы и не посмеют.

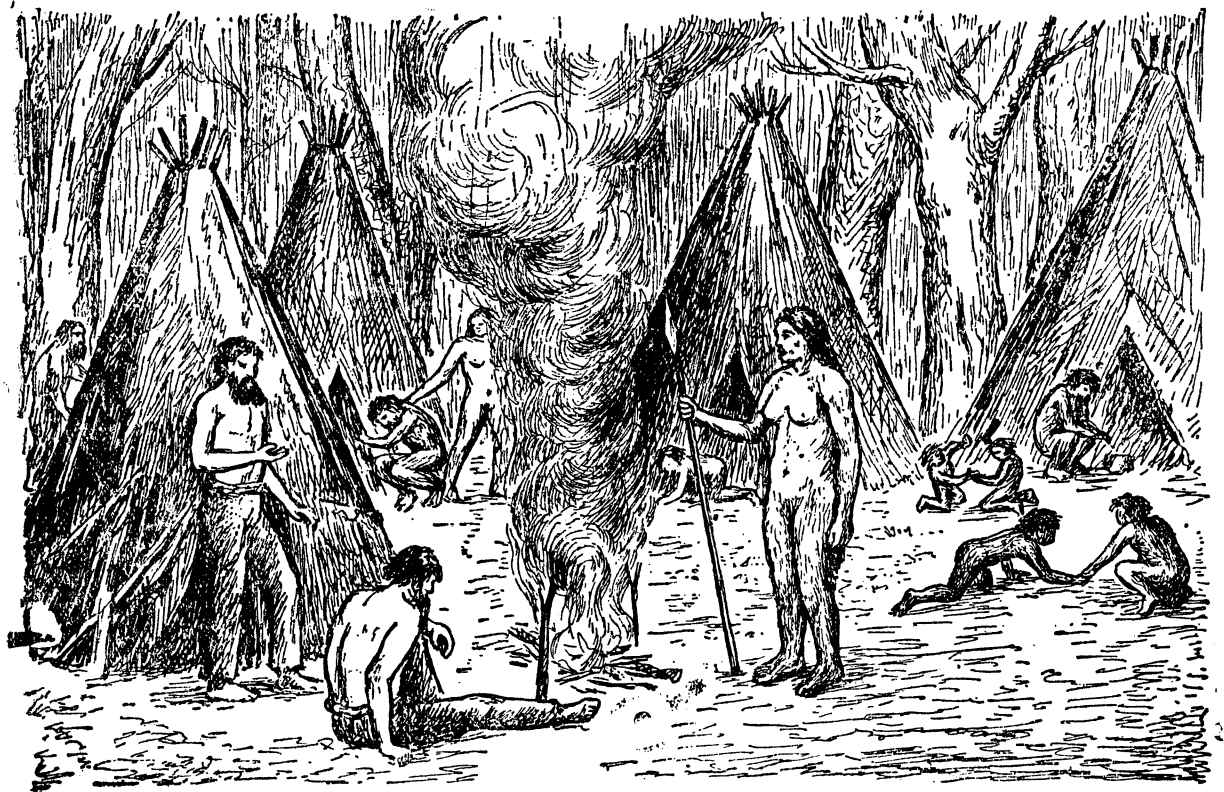
— Ну, что же, попробуем!

Они отошли немного назад в лес и дали один выстрел, потом через несколько минут другой и вернулись опять к своему наблюдательному посту на опушке.

Стойбище было встревожено. Возле каждого шалаша теперь стояло несколько взрослых, преимущественно женщин и детей разного возраста. Все смотрели в сторону, откуда раздались непонятные звуки, и что-то говорили. Возле центрального шалаша у костра стояли пленники. Они были обнажены до пояса, а ниже пояса одеты в оборванные остатки брюк; их кожа была темно-бронзового цвета, волосы нечесаны, лица обросли длинными бородами. По сравнению с тщедушными мужчинами дикарей они казались атлетами, особенно плечистый Иголкин, но по своей мускулатуре несомненно уступали женщинам. Они также смотрели в сторону опушки, и их лица выражали радостное изумление.

И вдруг оба, очевидно сговорившись, упали на колени перед костром и простерли к нему руки. Немедленно и все дикари попадали на колени и припали лицами к земле. Воцарилась тишина. Тогда Иголкин встал, сложил руки рупором, и, обращаясь в сторону леса, начал кричать:

— Товарищи! Сейчас дикари все здесь в сборе, собираются спать. часов через десять большая часть их уйдет на дальнюю охоту, тогда приходите освободить нас. Все ли в вас благополучно. все ли вернулись? Покажите, что вы поняли меня, сделав еще выстрел, если все хорошо, и два, если не совсем ладно.

Дети, похожие на черных бесхвостых обезьян, играли, прыгали, дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина, тоже похожий на обезьяну.

Макшеев немедленно отполз немного назад и выстрелил. При звуке выстрела Иголкин упал опять на колени и простер руки к костру. Дикари, поднявшиеся с земли, пока он кричал, и смотревшие на него с недоумением, опять упали ниц.

Дав им полежать немного, Иголкин встал и, обратившись лицом к огню, запел громким голосом веселую матросскую песню. Дикари на коленях подползли ближе и расположились большим кругом вокруг костра, перебрасываясь отдельными возгласами удивления. Очевидно их пленные боги до сих пор не делали ничего подобного.

Макшеев насчитал около восьмидесяти взрослых, большинство которых были женщины. Приблизительно на шесть женщин приходился один мужчина. Подростков и детей разного возраста было гораздо больше. Они стояли и сидели вне круга взрослых, и по их лицам было видно, что песня Иголкина доставляет им большое удовольствие, тогда как взрослые были поражены и отчасти даже испуганы ею.

Попев минут десять, Иголкин опять простерся перед костром, а затем он и Боровой, сидевший во время пения неподвижно у костра, направились в свой шалаш. Дикари встали и стали расходиться по своим. Но две женщины подошли к шалашу пленников и сели у его входа, очевидно намереваясь охранять их сон.

Стойбище скоро затихло, и только догоравший костер потрескивал среди опустевшего круга.

Каштанов и Макшеев вернулись к своим спутникам, передали им все, что видели и слышали, и сообща обсудили план освобождения товарищей.

52

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ

Выспавшись основательно, путешественники сложили все вещи на нарты и приготовили все к немедленному отъезду. Затем отправились к стану дикарей, захватив с собой одежду и обувь для пленников, ружья для них и пакеты с подарками для ди-

карей. Приблизившись к поляне, они слышали доносившиеся оттуда крики и лай собак. Очевидно дикари еще не ушли. Поэтому путешественники, крадучись, подошли к опушке и стали наблюдать из-за кустов.

Они увидели, что все стойбище пришло в движение. Круг между шалашами был заполнен дикарями, собиравшимися на охоту. Женщины выносили из жилищ копья, луки и стрелы, связки ремней. Дети сновали повсюду между ними, трогали оружие, получали пинки, визжали и выли. Девочки-подростки пробовали натягивать луки, осматривали копья и стрелы и, испытывая их острие, покалывали в шутку друг друга. Десятка полтора собак, в которых не трудно было узнать принадлежавших экспедиции, но полуодичавших, держались вне круга, в стороне от шалашей, очевидно собираясь сопровождать охотников, а в ожидании ссорились и грызлись друг с другом.

Наконец все оружие было вынесено, и женщины, вооружившись копьями, каждая несколькими, двинулись толпой на восток. За ними шли девочки-подростки, несшие луки, стрелы, ножи и ремни; они очевидно играли роль оруженосцев и носильщиков добычи. Дети, кто на двух ногах, кто на четырех, бежали сзади и по сторонам с визгом и криками. Собаки следовали поодаль. В конце поляны дети отстали и повернули назад, а толпа охотников, насчитывавшая не менее сотни человек, исключительно женщин и девочек-подростков, вытянулась гуськом по тропе, постепенно скрываясь в лесу.

На стойбище теперь видны были только мужчины, занявшие уборкой шалашей и вытряхиванием шкур, служивших подстилкой и покровом для спящих. В каждом шалаше был только один взрослый мужчина. Из некоторых шалашей вылезли сторбленные старухи и уселись у входа; выползли самые маленькие дети, а грудных младенцев мужчины выносили на руках и клали на шкуры возле шалашей на время их уборки.

Только возле шалаша пленников остались три взрослые женщины, очевидно исполнявшие обязанности караульных. Одна из них занялась разрезкой шкур костяным ножом на ремни; другая строгала таким же ножом палочки для стрел, а третья

раскалывала толстые кости, чтобы получить острые осколки для наконечников копий и стрел.

Вскоре из шалаша вышел Иголкин, полуобнаженный, как и накануне, подбросил дров в костер и сел возле женщин. Поговорив с ними о чем-то, он достал свой большой матросский нож и начал помогать нарезать ремни; при его помощи дело шло заметно быстрее. Затем появился и Боровой, но он не принялся за работу, а стал смотреть в сторону, где накануне раздались выстрелы товарищей.

Лицом он походил на австралийца.

При виде этой сцены мирного сотрудничества матроса XX века и дикарок каменного периода, наблюдатели в кустах не могли удержаться от улыбки. Малочисленность оставшихся дикарей и примитивность их вооружения внушали им уверенность в успешном освобождении товарищей добром или силой. Но нужно было выждать еще часа полтора или два, чтобы охотники отошли достаточно далеко, и не могли услышать ни призывов, ни выстрелов, и чтобы даже караульные женщины не могли догнать их и вернуть в короткое время.

Дети, провожавшие охотников, постепенно возвращались назад и начали разные игры в круге и вне его. Они боролись, кувыркались, дрались, а некоторые, постарше, страдали из маленьких луков в воздух или в покрывки шалашей.

Разрезав шкуру, Иголкин пошел в свой шалаш и вынес оттуда кусок мяса, разрезал его на кусочки, нанизал на палочки, приготовленные для стрел, и воткнул последние в землю возле костра, чтобы изжарить этот шашлык. Очевидно пленники еще не завтракали и собирались поплотнее закусить перед бегством. Когда мясо поджарилось, оба уселись недалеко от костра и принялись уплетать шашлык. Иголкин время от времени подносил кусочек мяса то одной, то другой из работавших возле огня женщин, но те смеялись и отворачивались. Потом одна из них принесла из своего шалаша большой кусок сырого мяса, и они стали есть его в таком виде, отрезая костяными ножами длинные и тонкие полоски, которые давали также подбегавшим к ним детям.

Когда завтрак кончился, сидевшие в засаде, взглянув на часы, убедились, что прошло уже достаточно времени.

Они вышли из леса, выстроились в ряд и, подняв ружья и стреляя поочередно холостыми зарядами в воздух, быстро направились к шалашам.

При первых же выстрелах в стойбище все затихло. Сидевшие дикари вскочили, стоявшие застыли на месте, повернувшись лицом к подходившим, которые издавали такие страшные звуки, подобные грому. Когда путешественники вступили в круг шалашей, дикари распростерлись на земле перед ними в безмолвии, и только самые маленькие дети заревели от страха.

Подойдя к шалашу пленников и передав им одежду и ружья, путешественники продолжали поочередно стрелять, пока Иголкин и Боровой одевались. Макшеев сказал матросу:

— Растолкуйте дикарям, что вы достаточно погостили у них и что за вами пришли теперь еще более могущественные волшебники. За гостеприимство, оказанное вам, им принесли дары, чтобы дикари помнили о необыкновенных пришельцах, спустившихся из страны вечных льдов. Скажите дикарям, чтобы они не смели преследовать нас, в противном случае они будут жестоко наказаны. Скажите, что боги льдов умеют делать не только гром, но и молнии, поражающие непослушных.

Когда Иголкин и Боровой вышли из шалаша переодетые, их товарищи прекратили стрельбу, и матрос, лучше овладевший языком дикарей, благодаря своей общительности, обратился к распростертым на земле с речью, в которой в общем повторил сказанное ему Макшеевым. Но в конце он прибавил, обращаясь к трем женщинам, караулившим их:

— Эти дары отдайте старшим воинам, когда они вернутся с охоты, пусть они разделят их. Еще мы оставляем вам огонь, которым вы можете теперь пользоваться, но не давайте ему никогда умереть, питайте его, как мы питали. И еще повторяю приказ — не гонитесь за нами. Мы уходим туда, в страну вечных льдов, а когда станет опять тепло, вернемся к вам.

Когда он кончил и положил пакеты с подарками у входа в свой шалаш, все шестеро, опять стреляя поочередно в воздух, прошли через круг между распростертыми дикарями, не смевшими пошевелиться, и скрылись в лесу.

На опушке они остановились на минуту, чтобы посмотреть, что станут делать дикари. Последние, когда выстрелы прекратились, начали подниматься с земли и негромко переговариваться, очевидно обсуждая необычайное происшествие. Часть столпилась вокруг костра, переданного в их владение и смотря в огонь, лишившийся своих хозяев, словно он мог объяснить им что-нибудь. Вскоре две из караульных женщин, вооружившись копьями, побежали в ту сторону, куда ушла орда, очевидно чтобы сообщить ей о происшедшем. Третья женщина осталась у шалаша пленников, вероятно для того, чтобы дети и мужчины не растащили подарки, к которым она сама не смела притронуться.

Пройдя к нартам, оставленным в лесу, путешественники направились на север в обратный путь. Нарты приходилось тащить по узкой тропинке, покрытой опавшими листьями.

Отдаваясь от стойбища, Иголкин по временам издавал резкий свист, к которому приучил собак. Последние все время держались вокруг дикарей, повинаясь этому свисту. Иголкин кормил их отбросами, но собаки сильно одичали, так как дикари боялись их и не допускали к шалашам. Часть собак погибла в борьбе с разными хищными зверями, остальные ушли

теперь с ордой на охоту, и на свист матроса прибежало только пять собак, оставшихся в окрестностях стойбища. Они следовали в некотором отдалении за нартами, но в руки не давались и огрызались на подбегавшего к ним Генерала. Их нужно было в течение нескольких дней приручать кормлением, чтобы получить упряжку, хотя бы для одной нарты.

Прошагав двенадцать часов и сделав около пятидесяти километров, расположились наконец на ночлег, уверенные, что дикари их уже не догонят.

53

НАПАДЕНИЕ ДИКАРЕЙ

На ночлег остановились на большой поляне. Юрту поставили на всякий случай среди поляны, чтобы дикари не могли напасть неожиданно из-за кустов. Караулили поочередно. Кроме того собаки повидимому узнали юрту и расположились на снегу по соседству; к самой юрте Генерал их еще не допускал.

Во время дежурства Каштанова Генерал встревожился, заворчал, потом начал лаять, не переставая. Каштанов заметил, что вокруг всей поляны кусты слегка шевелятся и потрескивают. Он немедленно разбудил товарищей, которые выскочили с ружьями.

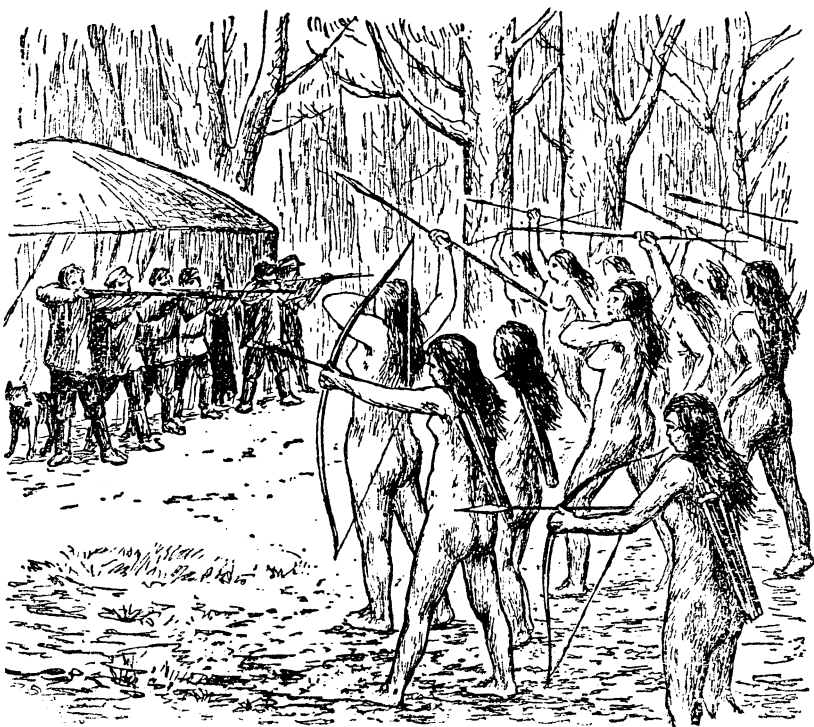
Убедившись, что неожиданное нападение не удалось, дикари вышли из леса. Окружили всю поляну и стали теперь медленно и нерешительно сходить к юрте. Это были исключительно женщины, вооруженные копьями и державшие в зубах ножи. За ними видны были девочки с луками и стрелами. Но пустить оружие в дело дикари не решались; они, видимо, надеялись взять колдунов голыми руками, как в первый раз, чтобы заставить их вернуться в стойбище. Поэтому Иголкин удержал товарищей от немедленной стрельбы, собираясь поговорить с ордой, но на всякий случай предложил заменить пулю в одном стволе каждого ружья патроном с мелкой дробью.

— Дробью по ногам с них будет достаточно, — сказал он. — А если, паче чаяния, это не подействует, тогда уж угостим их пулями.

Когда дикари приблизились шагов на шестьдесят, Иголкин замахал руками и закричал:

— Стойте, слушайте! Я запретил вам преследовать нас. Вы не послушались. Наши огненные стрелы готовы, и кто посмеет подойти ближе, будет поражен ими! Уходите назад!

Остановившиеся дикари выслушали слова матроса и стали

Одна из оруженосиц с юношеской дерзостью быстро приложила стрелу к луку и спустила тетиву.

переговариваться. Потом одна из женщин крикнула что-то, а остальные в знак согласия с ней замахали руками.

— Они приглашают нас двоих вернуться к ним, орда не может без нас жить. А остальные колдуны пусть уходят, — перевел Иголкин, а потом закричал:

— Колдуны не могут жить долго с людьми. Мы уходим на

зиму в свои шалаши на больших льдах, а весной вернемся. Уходите скорее!

Но часть дикарей подвинулась на несколько шагов вперед, а одна из оруженосиц с юношеской дерзостью быстро приложила стрелу к луку и спустила тетиву. Стрела пронеслась мимо правого уха Каштанова и вонзилась в юрту.

— Ну, делать нечего, надо стрелять, пока они не осмелели, — вскричал Боровой. — Дробью по ногам в разные места круга, там, где они стоят кучкой! Раз, два, три!

Грянуло шесть выстрелов, и в ответ на них из разных частей кольца дикарей раздались крики и вопли раненых. Повернувшись кругом, все бросились бежать к лесу; многие хромали, оставляя на снегу капли крови. Девушка же, пустившая стрелу в Каштанова, после нескольких шагов упала и осталась лежать неподвижно.

— Ну, что же дальше? — спросил Громеко, когда последние беглецы скрылись в кустах. — Ждать еще нападения или они больше не посмеют?

— Я думаю, с них достаточно, — заметил Иголкин. — На всякий случай зайдем в юрту, чтобы стрела какой-нибудь шальной девчонки не попала в нас.

Предосторожность эта оказалась излишней. Дикари с воем удалялись все дальше, и скоро все затихло. Собаки перестали лаять, устремились к упавшей дикарке и жадно лизали теплую кровь, лившуюся из раны. Иголкин, а вслед за ним и другие побежали туда же, чтобы отогнать одичавших собак.

Осмотрев упавшую, путешественники увидели, что рана только одна на правой ляшке, но кровь льется сильно.

— Странно, мелкая дробь не могла сделать такую рану, — заметил Папочкин.

— Кто-нибудь из нас по ошибке выстрелил из ствола, заряженного пулей.

— Это я целился в нее! — заявил Каштанов.

— Бедняжка жива, — сказал Громеко, исследовав лежавшую, — она только лишилась сознания от испуга и боли. Пуля прошла через мягкую часть ноги, не задев кость, но здорово разорвала ей мускулы.

— Что же мы будем делать с ней? Остальные ведь убежали.

— Придется взять ее с собой, как пленницу. А когда поправится, отпустим на волю.

— Отпускать! — возмутился Папочкин, — ни в коем случае! Мы ее доставим на «Полярную Звезду», как великолепный экземпляр первобытного человека, близкого к обезьянам. Какой это будет клад для антропологов!

Громеко сходил в юрту за перевязочными материалами, оставил кровь, забинтовал рану. Во время этой операции девушка открыла глаза и, увидя себя окруженной колдунами, вся затряслась от страха.

Она была высокого роста, но стройная, еще не обладавшая ни массивными формами, ни крепкой мускулатурой, как взрослые женщины. Тело ее сзади было покрыто короткими, но довольно густыми черными волосами. На лице, ладонях и подошвах волос не было. Голова была покрыта недлинными, слегка волнистыми волосами. Форма ступни являлась как бы промежуточной между человеческой и обезьяньей, с сильно развитыми пальцами и далеко отстоявшим от остальных большим пальцем.

Рассмотрев лицо девушки, Боровой воскликнул:

— Да ведь это Капу, моя приятельница!

— Вы разве различали их друг от друга? — спросил Каштанов. — Насколько я мог заметить, они все похожи одна на другую.

— Это только на первый взгляд, а если присмотреться, то разница есть, и мы многих знали по именам, особенно подростков и детей. Капу мне часто приносила мясо, корешки и вообще лакомые, по ее мнению, кусочки, выказывая этим свое расположение.

— Поэтому-то она и осмелилась пустить стрелу в одного из похитителей ее милого! — засмеялся Макшеев.

— Да, на четыре сантиметра левее — и я остался бы без глаза, — заявил Каштанов.

После перевязки Капу хотели перенести в юрту; но она стала рваться из рук и выть, выкрикивая что-то. Иголкин разо-

брал, что она просит оставить ее умереть на месте, а не унести для съедения в шалаше.

— Почему для съедения? — удивился Громеко, — разве они людоеды?

— Да, убитых или тяжело раненых на охоте или в драке они преспокойно съедают.

— Так вы ее успокойте, скажите, что мы ее не съедим, а положим в шалаше спать. А когда она поправится, отпустим к своим.

Матрос с трудом убедил ее, а Боровой взял ее руку, после чего она успокоилась и позволила себя унести. В юрте ее положили на постель, она вскоре уснула, не выпуская руку Борового.

Так как время, назначенное на ночлег, уже кончалось, то стали собираться в путь; развели огонь, поставили чайники, стали завтракать. Иголкин, выходявший из юрты набивать чайники снегом, заметил, что по опушке леса бродят еще собаки, очевидно прибежавшие с дикарями и отставшие теперь от них. Может быть вид юрты напомнил им о той вкусной юколе, которой их когда-то кормили, и они стали вспоминать своих прежних хозяев. На свист матроса собралось еще двенадцать собак, так что, считая Генерала и первых пять примкнувших к путешественникам, можно было с грехом пополам запрячь все три нарты.

— Чем же мы будем кормить их? — спросил Иголкин. — Ведь удержать их при юрте и приручить можно только кормом.

— У нас было взято провизии на месяц, — сказал Громеко. — Дней через семь-восемь мы доберемся до холма. Следовательно есть запас ветчины, который можно уделять им.

— Много давать им не нужно! — прибавил Боровой. — Они побегут порожняком вслед за нами, в расчете на обед и ужин.

Собакам после завтрака уделили обрезки, кости и по кусочку мяса, а затем стали укладываться. На одну нарту с войлоком и жердями юрты положили Капу, а на вторую — все остальное. Снег позволил уже пользоваться лыжами, так что

несмотря на увеличившийся груз, можно было двигаться быстрее, чем накануне. Когда поезд тронулся и Капу увидела, что ее увозят не в ту сторону, где находилось стойбище дикарей, а в противоположную, она вскрикнула, соскочила с нарты и бросилась бежать, но, сделав несколько шагов, упала. Когда ее окружили и хотели поднять на нарту, она начала сопротивляться, дралась кулаками и пыталась укусить колдунов.

Из объяснений Иголкина она повидимому поняла, что ее отвезут назад к стойбищу и там отпустят, а между тем колдуны хотели увезти ее с собой к большим льдам. Пришлось связать ей руки и привязать к нарте, чтобы предотвратить новые попытки к побегу. Бедная Капу тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ей не миновать съедения.

В этот день с обеда уже перешли на русло реки, где снег лежал менее толстым слоем и был уплотнен ветрами, так что нарты и лыжи зарывались меньше, чем на тропе в лесу. Поэтому движение шло достаточно быстро, и за день прошли опять пятьдесят километров.

На ночлеге караулили поочередно, но дикари не появились. Капу целый день отказывалась от пищи, и на ночлеге ее пришлось оставить связанной под надзором караульного. При виде блестящих ножей, которыми белые колдуны резали ветчину во время обеда и ужина, она вся дрожала и с ужасом глядела на движения рук, очевидно ожидая, что вот-вот настанет ее черед быть зарезанной.

Так продолжалось путешествие на север, и на восьмой день пути вышли в тундру, а к обеду достигли холма. Капу постепенно успокоилась за свою участь, привыкла к колдунам и начала принимать сырую пищу. Есть что-нибудь вареное или жареное она с отвращением отказывалась. На третий день пути ей развязали руки, а на пятый и ноги, когда она обещала, что не убежит.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ У ДИКАРЕЙ

Во время этого путешествия Иголкин и Боровой постепенно рассказывали о своей жизни с дикарями, а Каштанов записывал их рассказ.

Со дня ухода экспедиции на юг оставшиеся в юрте Иголкин и Боровой занялись устройством метеорологической будки для установки инструментов и прочной двери в складе-леднике для защиты его от своих собак и других хищников. Покончив с этой работой, они приступили к устройству новой галереи во льду холма, ниже по склону, чтобы дать собакам приют от жары, которая постепенно усиливалась и заставляла собак убежать к окраине льдов, мало-по-малу отступавшей на север. Пока не были окончены эти срочные работы, на охоту ходили только изредка, для пополнения запаса пищи, но потом стали охотиться ежедневно, чтобы накопить запасы мяса на зиму и в сушеном виде для собак и в копченом для людей. Возвращаясь из лесу с нартой, прихватывали всегда и дров, так что постепенно накапливался запас дров для холодных месяцев.

На охоте попадались мамонты, носороги, первобытные и мускусные быки, исполинские и северные олени. На речках и в тундре били гусей, уток и других птиц, которыми главным образом и питались. Мясо крупных животных сушили и коптили. Дела было по горло, и в хлопотах часто недосыпали. На охоте бывали разные приключения, которые впрочем кончались благополучно.

Первое время после отъезда товарищей на юг, погода все улучшалась, покров туч все чаще разрывался, и Плутон светил по несколько часов сряду, так что температура повышалась до 20° в тени, и в тундре настало полное лето. Но с половины августа начался поворот к осени, Плутон стал чаще скрываться в тучах, по временам шел дождь, после которого в тундре поднимались туманы. Температура постепенно понижалась, и в начале сентября, иногда при сильных северных ветрах, падала до нуля. Листья стали желтеть, и к половине сентября

вся тундра уже лишилась зеленой летней одежды, оголилась, побурела. Изредка перепал снег.

Готовясь к зиме, Иголкин и Боровой пересмотрели всю провизию, консервы и вещи в складе и часть их перенесли в юрту. Они были заняты этим второй день, и только-что заперли склад, собираясь обедать, как внезапно на них напали дикари, подкравшиеся с другой стороны холма. Боровой и Иголкин, не помышлявшие о возможности существования людей в Плутонии, кроме ножей не имели при себе оружия; дикари же были вооружены копьями, ножами, стрелами, так что сопротивление было невозможно. Но дикари, рассмотрев белых людей, юрту и метеорологическую будку, отнеслись к невиданным пришельцам с уважением и повели их в свое стойбище.

Последнее оказалось недалеко — километрах в десяти от юрты, среди мелкого леса (потом пленники узнали, что орда только накануне прикочевала с востока). Когда пленников привели, дикари долго совещались, что с ними делать; мужчины предлагали принести их в жертву богам, но большая часть женщин решила иначе. Они повидимому думали, что присутствие необыкновенных пришельцев в орде сделает последнюю могущественной, принесет им успех на охоте, в столкновениях с другими ордами, и потому решили не отпускать пленных, не делать им зла, а поселить их в отдельном шалаше посреди стойбища.

Орда в это время собирала разные ягоды и какие-то съедобные корешки в тундре для зимних запасов и провела несколько дней на одном месте. Но затем большой снег заставил дикарей откочевать километров на сорок на юг, где более высокий лес защищал их от холодных ветров.

Первое время пленники чувствовали себя очень скверно. Им давали есть только сырое мясо, ягоды и корешки. Спать приходилось на грубо выделанных звериных шкурах и такими же шкурами укрываться от холода. Объясняться с дикарями они могли только знаками и все еще не знали, какая участь их ожидает. Убежать не было возможности, потому что их караулили зорко.

После перекочевки на новое место, — большую поляну среди густого леса, — дикари стали рубить из сухих тонких деревьев жерди для своих шалашей. Всюду валялись сухие ветки, кора, обрубки жердей, и при виде их Иголкин вспомнил, что у него в кармане сохранилась коробка спичек, так как в складе он зажигал фонарь. Набрав сухого материала, он сделал себе костер. При виде огня все дикари бросили работу и сбежались к костру. Они были поражены этим невиданным явлением, а когда пламя обожгло им руки, костер сделался предметом их поклонения, и к пришельцам, владевшим огнем, дикари почувствовали еще большее уважение. С тех пор костер горел у шалаша пленников непрерывно, и они стали жарить на палочках мясо, которое им приносили.

Вскоре пленники научились понимать язык дикарей, очень несложный. Круг понятий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, и язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями. Считать дикари умели только до ста по пальцам рук и ног.

В каждом шалаше жили пять или шесть женщин со своими детьми и общим мужем. Женщины делили свое время между охотой, едой и сном. Мужчины смотрели за детьми, прибирали шалаша, обслуживали женам. Старухи, не ходившие на охоту, выделяли звериные шкуры, добывали и строга́ли жерди для копий и палочки для стрел, раскалывали и обтачивали кости для наконечников и привязывали их тонкими ремешками, которые нарезали из выделанных кож костяными ножами.

Непрочное оружие часто ломалось и портилось на охоте, так что починка и возобновление его занимали все время старух.

Охотились дикари за всякими животными, попадавшимися им, и ели как мясо, так и все внутренности, а также червей, улиток, гусениц и жуков. Охотники наедались теплым мясом и пили кровь только-что убитых животных, а остатки и шкуры уносили домой для мужчин и детей. Крупных животных — мамонтов и носорогов — они окружали и загоняли в волчьи ямы,

вырытые на звериных тропах в лесу, и там добивали камнями, стрелами и копьями.

На охоту ходили группами по семьям или соединялись по две-три семьи, а на крупного зверя, которого нужно было загонять облавой, шла вся орда, кроме двух-трех женщин, остававшихся караульными при пленных. Эти женщины кормили грудных младенцев всех шалашей, матери которых долго не возвращались с охоты.

На охоте были несчастные случаи. Хищники, а также мамонты и носороги наносили иногда раны и повреждения своим преследователям. Своих убитых или тяжело раненых охотники съедали, равным образом стариков и старух, которые не в состоянии были работать на орду. Поэтому дряхлых дикарей в орде не было совсем.

Среди детей значительно преобладали девочки, которых уже подростками брали на охоту в качестве оруженосцев и постепенно приучали к женской работе. Возмужалые девушки принимались в число охотников и тогда имели право, соединившись по пять или по шесть, добыть нужное количество звериных шкур для отдельного шалаша и выбрать себе мужа из числа юношей орды.

Если болезнь или несчастный случай на охоте уменьшали число женщин одного шалаша, т. е. одной семьи, ниже пяти, то эта семья могла взять к себе возмужавшую девушку в качестве младшей жены. Если умирал муж, вдовы немедленно брали нового из юношей орды. Иногда женщина со своими детьми переходила из одного шалаша в другой, где ей больше нравилось общество, меняясь местом с одной из женщин этого шалаша или пополняя в нем убыль.

Дикари поклонялись Плутону и наиболее крупным и хищным животным — мамонту, носорогу, медведю, исполинскому оленю и сабельному тигру. Но, несмотря на поклонение, они охотились на них. Только перед тем, как добыть свою жертву, они преклонялись перед ней и просили прощения, а после удачной охоты приносили жертвы ее духу в виде грубого деревянного изображения, находившегося в каждом шалаше; его мазали кровью и салом убитого животного.

Огонь, разведенный пленниками, дикари называли маленьким Плутоном и также поклонялись ему. Благодетельное действие огня они испытали во время большой перекочевки на юг, на которую их вынудило начало зимы в поясе северного леса. Тащить с собой жерди для шалашей было слишком тяжело, а вырубать новые на месте каждого ночлега — слишком долго, поэтому во время перекочевки ночевали прямо под кустами в лесах, где холодный ветер сильно чувствовался. Подсаживаясь к костру пленников, они скоро убедились в его согревающем действии, и скоро вся орда стала ночевать вокруг костра и ревностно собирать для него дрова. Но разводить отдельный костер для себя никто из них не решался, и пленники не наводили дикарей на эту мысль, чтобы оставаться единственными хозяевами огня и не уменьшать свое обаяние в глазах орды. Они предвидели, что со временем, если освобождение затянется, положение делается трудным.

Пленники с усиливавшейся тревогой считали уходящие дни осени и гадали, скоро ли могут вернуться товарищи с юга и освободить их. Зима постепенно надвигалась с севера, и в недалеком будущем предстояла новая перекочевка, еще дальше от холма на краю льдов. Поэтому можно себе представить, с каким восторгом они услышали выстрелы, известившие их о близости освобождения.

55

ОПЯТЬ В ЮРТЕ

К своему холму на краю льдов путешественники прибыли к последней неделе декабря и решили отдыхать, празднуя Новый год, успех экспедиции на юг и освобождение пленников. Провизии и дров было запасено достаточно, и пока не было необходимости отлучаться в лес или тундру.

Расчистили площадку, поставили юрту и провели по снегу, достигшему глубины более метра, траншею к складу, собачьей галлерее и метеорологической будке. Затем можно было отдыхать. В юрте горел небольшой костер, было тепло и уютно. Все

шестеро в промежутках между трапезами, прогулками и сном беседовали, рассказывая о своих приключениях и вспоминая разные эпизоды из путешествия на юг или из жизни у ди-карей.

Капу была безмолвной участницей этих бесед и проникалась все большим уважением к белым колдунам, которые имели в своем распоряжении столько странных вещей. Ее нога начала подживать, и она могла уже понемногу ходить. Часто заставляли ее возле юрты, сидящей на корточках, с взором, устремленным на юг, где на горизонте виднелась темная полоса лесов. Ее очевидно тянуло к своему племени.

Иголкин уговаривал Капу остаться с ними и потом уехать вместе через льды в теплую страну, где она увидит все чудеса, созданные белыми людьми. Но она упрямо качала головой и твердила:

— Я лес, шалаш матери, сестры, мясо, кровавое мясо, охота, весело!

Путешественники надеялись, что постепенно она привыкнет к ним и наконец согласится ехать. Каким триумфом для экспедиции был бы живой экземпляр обезьянообразного первобытного человека!

Поэтому, когда нога у пленницы поправилась и она начала ходить свободно, ее стали караулить строже и не позволяли отдаляться от юрты, угрожая ружьем, действие которого она уже испытала. На ночь одну ее ногу привязывали цепочкой к большому ящику с инструментами.

Когда морозы усилились, она начала мерзнуть, но отталкивала одежду, которую ей предлагали. Выходя из теплой юрты на воздух, она куталась только в свое одеяло. В работах по уборке юрты, мытью посуды, возобновлению траншеи в снегу, подноске дров она не принимала никакого участия, считая это делом мужчин. Она спрашивала у Иголкина, сколько у него жен, ходят ли они на охоту, большая ли орда, к которой принадлежат белые колдуны и с недоверием качала головой, когда ей рассказывали о жизни европейцев, о городах, морях, кораблях и т. п. Единственным ее занятием в промежутках между едой и сном было строгание палочек для стрел и вырезывание из

мягкого дерева тальниковых дров очень грубых фигурок мамонтов, носорогов, медведей и тигров. Она сделала себе целую коллекцию этих идолов, поклонялась им и все просила у Иголкина крови, чтобы вымазать их. Но путешественники на охоту не ходили, в тундре не видно было ни зверей, ни птиц, и ее желание нельзя было удовлетворить.

В январе начали делать небольшие экскурсии на нартах, чтобы приучить к упряжке собак, которые уже прикормились, привыкли к прежним хозяевам и жили в ледяной галлерее под холмом, кроме Генерала, оставшегося при юрте в качестве караульного. Когда собаки привыкли к упряжке, стали делать более далекие экскурсии по тундре, к краю лесов, за дровами, запас которых был на исходе. В эти экскурсии ходили поочередно впартером с тремя нартами, оставляя кого-нибудь одного в юрте сторожить Капу.

Однажды в конце января очередь остаться караульным в юрте выпала Папочкину. Капу всегда внимательно следила за уезжавшими в сторону леса и не могла дожидаться их возвращения; она надеялась, что они встретят какую-нибудь дичь и привезут ей свежего кровавого мяса, по которому она тосковала. Но надежды ее постоянно обманывались, так как никакой дичи не встречалось.

Просидев часа два после отъезда остальных в юрте у огня, Папочкин со скуки задремал и вероятно проспал довольно долго. Когда он проснулся, Капу в юрте не было. Он выбежал наружу и увидел уже далеко на юге, среди белоснежной равнины черную точку, все более удаляющуюся. Пленница взяла его лыжи, на которых научилась ходить, и он не мог преследовать ее без лыж по глубокому снегу. Она захватила также свое одеяло, начатый окорок ветчины, висевший в юрте, большой нож и коробку спичек, с которыми выучилась обращаться.

Вернувшись к вечеру, товарищи узнали о бегстве Капу и были очень раздосадованы. Папочкину пришлось выслушать не мало упреков за свое ротозейство. Но преследовать беглянку нечего было и думать: она успела уйти слишком далеко и нужно было снаряжать в погоню за ней целую экспедицию, с риском все-таки не догнать. Капу бежала налегке и привыкла

во время охоты делать до ста километров в день; экспедиция же с нартами могла делать едва ли половину этого расстояния. Итти же отвоевывать девушку у ее родичей, вопреки ее желанию, не имело никакого смысла.

К счастью, до побега успели сфотографировать Капу несколько раз спереди, сбоку и сзади, а также обмерить по всем правилам антропологии, снять гипсовую маску с ее лица и сделать оттиски рук и ног.

Пуститься в обратный путь по льдам, чтобы застать наверху уже достаточно длинный день и добраться к началу лета до южного берега земли Нансена, можно было не раньше конца марта или даже начала апреля. До отъезда оставалось еще почти два месяца. Это время решено было употреблять на тренировку людей и собак в более продолжительных экскурсиях с нартами. В последние дни на окраине лесов стали замечать свежие следы оленей, вероятно северных, а также мускусных быков и волков. Поэтому, удалившись на расстояние одного-двух дней пути от юрты, можно было рассчитывать на охоту. Свежее мясо было очень нужно и людям и собакам: ветчина сильно надоела, да и количество ее вследствие прожорливости Капу очень поубавилось. Приходилось беречь запас ветчины для дороги, а до отъезда для пропитания добывать дичь.

На эти экскурсии ходили поочередно, вдвоем с двумя нартами и палаткой, тогда как трое людей и одна упряжка собак оставались в юрте, отдыхая от предыдущей поездки.

56

В ГЛУБЬ ЛЬДОВ

В конце марта путешественники решились тронуться в обратный путь через льды. Метеорологическая будка была оставлена на месте, и в ней, а также в складе под холмом были помещены в запаянном ящике краткие сведения о составе экспедиции, открывшей Плутонию, и главных результатах поездки на юг. Для того, чтобы дикари, посещение которыми холма следовало ожидать с наступлением лета, не унесли ящики и не

разорили будку, на полочке в последней была расставлена часть деревянных идолов, вырезанных Капу, а на полу будки в качестве жертвоприношения сложены все накопившиеся кости, пустые жестянки от консервов и тому подобный хлам. До всего этого додумался Иголкин, ближе сошедшийся с дикарями, чем ученый Боровой.

Нарты, порядочно нагруженные коллекциями, провизией и имуществом экспедиции, потянулись через белоснежную тундру к подножию льдов.

Этот обратный путь через Землю Нансена затянулся на целый месяц: преодоление ледяного хаоса, длинный подъем на хребет Русский и спуск с него по ледопадам глетчера, упорные ветры, дувшие навстречу, перегруженность нарт, недостаточное количество собак — задерживали движение и требовали напряжения всех сил. Частые метели также задерживали движение, но зато давали людям и собакам лишние часы отдыха. За ледяным хаосом началась уже смена дня и ночи, которую давно не наблюдали путешественники. Из складов провизии, оставленных на пути, некоторых не удалось найти, но на мысе Труханова нашли новый склад с годовым запасом провианта, сооруженный «Полярной Звездой» и в нем записку, сообщавшую, что судно остановилось на зимовку в десяти километрах восточнее мыса. С высоты последнего судно было видно вдаль, и на половине пути к нему произошла радостная встреча. Даже Труханов выехал на нарте, которую тащили молодые собаки, родившиеся на «Полярной Звезде» во время плавания. Приветствиям и расспросам не было конца. Труханов просиял, услышав, что его предположения о внутренности земли блестяще оправдались.

57

НАУЧНАЯ БЕСЕДА

Через несколько дней по возвращении экспедиции на «Полярную Звезду» разыгралась обычная для этих широт сильнейшая пурга, прекратившая всякие прогулки и работы на свежем воз-

духе. Коротали время в кают-компании, обмениваясь впечатлениями о зимовке среди льдов и путешествии в Плутонию. Труханов особенно интересовался подробностями спуска в подземный мир, который сопровождался различными непонятными для экспедиции явлениями.

— А знаете ли, Николай Иннокентьевич, — сказал Каштанов, — что ваше письмо, вскрытое в тот день, когда мы увидели мамонтов в тундре, сменившей льды, объяснило нам, куда мы попали, но не удовлетворило нас. Мы хотели бы знать, на чем было основано ваше предположение, что земной шар пустотелый, предположение, которое так блестяще оправдалось.

— Если хотите знать, — ответил Труханов, — идея эта не моя и даже не новая. Ее высказывали больше ста лет тому назад некоторые ученые Западной Европы, и я наткнулся на нее, просматривая старые журналы, заинтересовался и занялся ее проверкой, которая убедила меня в ее правдоподобности.

— Не поделитесь ли вы с нами вашими доказательствами?

— С удовольствием. Если хотите, сделаю вам сегодня же вечером подробный доклад.

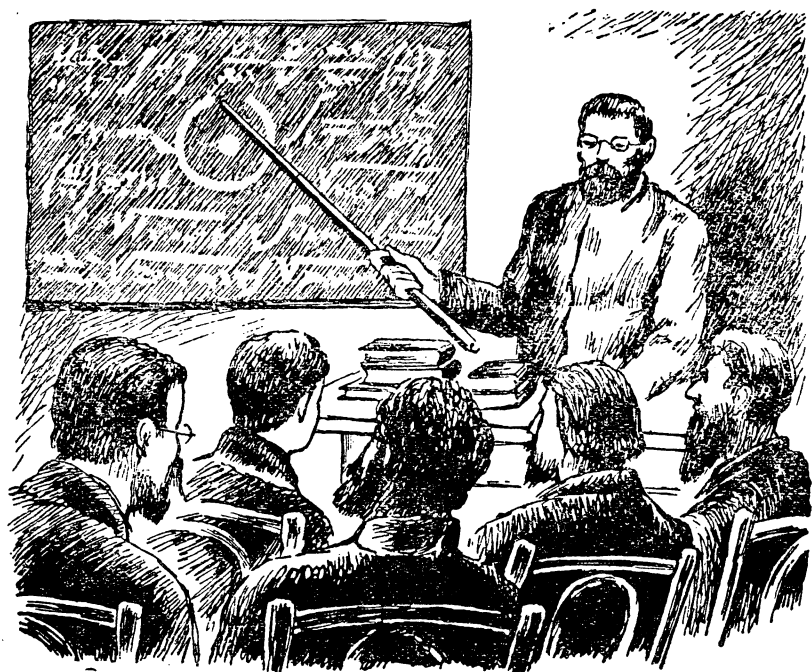
Вечером в кают-компании состоялась интересная научная беседа.

— Предположения пытливого человеческого ума, — начал Труханов, — о том, что находится внутри земли, начали возникать уже в глубокой древности. Сначала землю воображали себе плоской, плавающей на первичном океане. Таковы были воззрения вавилонян, древних греков и древних евреев. Только Аристотель признал землю шаром, но по аналогии с животным организмом он предполагал, что внутри земли находится как бы очаг, вырабатывающий постоянно воду, ветер, воздух и огонь; поэтому оттуда и берут начало ключи и реки; оттуда же вырывается ветер, а вулканы, — отдушины этого подземного мира, — выбрасывают огонь.

— Но это учение было забыто вместе с падением античной культуры, и христианские учителя в течение ряда веков проповедывали древние воззрения евреев, говорили о плоской земле, плавающей в океане.

— Только арабы сохранили учение Аристотеля, от них оно

перешло к ученым средневековой Европы. Они полагали, что внутри земли находится центральный огонь, созданный для согревания земли и, в качестве ада, для обитания душ грешников. Вулканы являются входами в этот ад. Поэтому монахи показывали богомольцам в кратере Этны вход в ад, а шум, исходящий из глубины, объясняли стонами и криками терзае-

— Предположения пытливого человеческого ума, — начал Труханов, — о том, что находится внутри земли, начали возникать уже в глубокой древности.

мых грешных душ. Вспомним, что Данте, величайший итальянский поэт XIII века, в своем бессмертном творении «Божественная комедия» изображает свой спуск в ад по кратеру Этны.

— Философ Декарт решился отступить от этих взглядов, освященных авторитетом церкви, и попытался разрешить вопрос с точки зрения естественного образования земли. По его мнению земля произошла от сгущения атомов мировой мате-

рии на поверхности мирового вихря, на которой образовалась твердая земная кора, под которой, при дальнейшем охлаждении, вещества группировались по своей плотности слоями вокруг еще не остывшего огненного ядра, именно: сначала тяжелая металлическая оболочка, вокруг нее водяная оболочка и над ней воздушная оболочка. Таким образом, кора окружала воздух и воду. Но эта кора, высыхая, стала трескаться, проваливаться, вытесняя воздух и воду на поверхность металлической оболочки. Так образовались горы и материки, вода собралась в океаны, а воздух окружил земной шар. Эту катастрофу и представлял всемирный потоп.

— Но смелые воззрения Декарта не нашли себе последователей и возродились в измененной форме в учении Канта-Лапласа в конце XVIII века, тогда как учение Аристотеля продолжало господствовать и в течение XVIII века.

— В конце XVIII века ученый Лесли утверждал, что внутренность земли заполнена воздухом, самосветящимся вследствие давления. В этом воздухе движутся две планеты — Прозерпина и Плутон...

— Плутон? — не удержался Боровой. — Мы, следовательно, не придумали ничего нового для внутреннего светила!

— Да, это имя у вас предвосхитили, — продолжал Труханов. — И некоторые ученые даже высчитали пути этих планет, приближение которых к земной коре будто бы производит магнитные бури и землетрясения. По мнению Лесли, на внутренней стороне земли, освещаемой мягким электрическим светом, царствует вечная весна и поэтому там существует чудная растительность и своеобразный мир...

— И он был совершенно прав! — воскликнул изумленный Папочкин.

— Вход в земную внутренность, по учению Лесли, должен находиться около 82° северной широты...

— Но ведь это же изумительно! — всплеснул руками Максеев. — Как он мог указать так точно? Мы нашли южный край этого входа под 81° с чем-то.

— Лесли определил его по месту наибольшей интенсивности северных сияний, так как предполагал, что последние ис-

ходят именно изнутри земли, представляя электрические лучи, освещающие внутренность земли. Учение Лесли нашло многих сторонников, и даже вполне серьезно разбирали вопрос о снаряжении экспедиции внутрь земли.

— Вот так-так, — улыбнулся Громеко, — и в этом отношении у нас чуть не явились предшественники!

— Но экспедиция не состоялась, потому что авторитетные ученые того времени — Бюффон, Лейбниц, Кирхер — высмеяли гипотезу Лесли, назвав ее фантазисй. Они отстаивали огненно-жидкое ядро земли, одно общее или с многочисленными второстепенными очагами, которые назывались п и р о ф и л а ц и я м и. В конце XVIII века стройная гипотеза Канта-Лапласа об образовании всей нашей планетной системы из газообразной раскаленной туманности завоевала почти все умы и отодвинула на задний план все другие.

— Но Кормульс в 1816 году доказывал, что земля внутри пустая и кора ее имеет не более трехсот английских миль толщины. Он полагал, что многие разрушения поверхности, например впадину между Довером и Кале, невозможно объяснить иначе.

— Галлей, Франклин, Лихтенберг и Кормульс старались объяснить явления земного магнетизма и его вековые изменения с точки зрения существования гипотетической внутренней планеты. Немецкий профессор Штейнгаузер в 1817 году считал существование этой планеты, которую он называл Минервой, почти несомненным. Он построил глобус, внутри которого был укреплен короткий магнит в наклонном и эксцентрическом положении. Когда на поверхность глобуса ставили магнитную стрелку, она принимала такое положение, т. е. показывала такое склонение, которое наблюдается в соответствующем месте земного шара. На основании этого казалось несомненным, что склонение стрелки компаса на земле зависит от притяжения какого-то магнитного тела, находящегося внутри земли. Но ведь склонение стрелки, как известно, не является постоянным, а подвержено суточным, годовым и вековым, наиболее значительным, изменениям. Штейнгаузер произвел ряд вычислений, пользуясь данными о вековых изменениях склонения, которое

можно было объяснить только медленным движением внутренней планеты. Оказалось, что последняя движется по круговой орбите и имеет период обращения в четыреста семьдесят шесть-четыре-ста восемьдесят лет.

— Возникли опять проекты экспедиции внутрь земли. Отставной пехотный капитан Симмес, живший в Сен-Луи в штате Миссури, в апреле 1818 года напечатал в газетах письмо и разослал его во многие учреждения Америки и Европы, адресованное «всему миру», с девизом «свет дает свет, чтобы открыть свет до бесконечности».

Вот что он писал:

Земля внутри пустая и обитаемая. Она содержит ряд концентрических сфер одну в другой и имеет у полюсов отверстия, шириной от 12 до 16°. Я готов прозакладывать свою жизнь за истинность этого и предлагаю исследовать эту пещеру, если мир поможет мне в этом предприятии. Я приготовил к печати трактат об этом предмете, в котором привожу доказательства вышеуказанных положений, даю объяснения различных явлений и разгадываю «золотую тайну» доктора Дарвина. Мое условие — патронаж этого и новых миров. Я посвящаю (завещаю?) его моей супруге и ее десяти детям. Я избираю доктора Митчель, сэра Дэви и барона Александра фон-Гумбольда в качестве своих покровителей. Мне нужно только сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными оленями на санях по льду Северного моря.

Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть и людьми, как только минуем 82° северной широты. В следующую весну мы вернемся.

— Что же, состоялась эта экспедиция? — спросил Каштанов.

— К несчастью или, если хотите, к нашему счастью, она не состоялась. Письмо Симмеса обратило на себя внимание, и в редакции газет и журналов, а также к ученым посыпались вопросы заинтересованных читателей. Предложение отважного капитана, не боявшегося оставить после себя вдову и десять сирот, обсуждалось в печати, но ни ста смелых спутников, ни денег на экспедицию не собралось. Ученые, избранные покровителями, вероятно сочли бедного Симмеса просто фантазером или сумасшедшим. Дело в том, что многие были убеждены в существовании пустоты внутри земли и нахождении там плане-

ты, но в существование отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь, не верили.

— Так, физик Хладни в статье о внутренности земли, вызванной письмом Симмеса и напечатанной в ученом журнале (*Annalen der Physik*, 62, 1819), указал, что отверстие невозможно: если бы таковое когда-либо существовало, оно бы неминуемо наполнилось водой. Крайне медленное движение планеты, обнаруженное Штейнгаузером, Хладни объясняет тем, что оно происходит в весьма плотной среде сдавленного воздуха, может быть под влиянием притяжения солнца и луны. Он строит еще следующие интересные предположения, не выдавая их конечно за бесспорные: так как при сильном сжатии воздуха выделяется тепло, а сильно нагретое тело должно светиться, то в центре земной пустоты, где давление со всех сторон наибольшее, страшно сжатый воздух должен образовать светящую и согревающую массу, нечто в роде центрального солнца. Размеры последнего должны зависеть от пределов сжимаемости воздуха.

— Обитатели внутренней поверхности земли, если таковые существуют, видят это солнце всегда в зените, а вокруг себя всю внутреннюю поверхность, освещенную им, что должно дать очень красивую панораму. Но о силе тяжести эти обитатели должны иметь совершенно иное представление, чем мы, так как эта сила действует там иначе. Крайне плотный воздух должен прижимать к внутренней поверхности, подобно тому, как картезианский чортик в баночке с водой падает на дно под давлением пальца. То, что у нас тяжело, должно казаться там легким, так как оно может проникать глубже в слои уплотненного воздуха; легкие же предметы должны прижиматься к поверхности. Поэтому, если там есть реки и озера, они могут располагаться только в самых глубоких долинах, а на высотах могли бы состоять только из ртути. Если там есть облака, они должны состоять из самых тяжелых веществ, например из ртути, из зерен золота и платины. И если эти металлы имеют там ценность, то их не извлекают из почвы, как у нас, а выуживают из воздуха.

Слушатели не мало смеялись над соображениями Хладни

о золотых и платиновых облаках и о ртутных озерах на вершинах гор.

— Эти предположения совершенно правильны, — заметил Труханов, — если принимать замкнутую пустоту с сильно сжатым воздухом. Но будем излагать дальше. Гипотезы о внутренней планете еще держались некоторое время. Бертран в тридцатых годах прошлого века также полагал, что земной шар пустой, и в этой пустоте находится магнитное ядро, которое перемещается под влиянием комет от одного полюса земли к другому. Благодаря этому перемещается центр тяжести земли и масса воды морей, которая и наводит попеременно то одно, то другое полушарие. Этим он объяснял трансгрессии и регрессии моря, констатированные геологами в течение многих геологических периодов.

— Позже гипотеза о внутренней планете постепенно стала забываться, и много десятилетий о ней не вспоминали.

— В XIX веке наибольшее число приверженцев имела гипотеза об огненно-жидком ядре земли, согласно учению Канга-Лапласа. Ее защитники спорили только по вопросу о том, какую толщину имеет твердая земная кора; одни находили достаточной кору в сорок-пятьдесят километров толщины, другие же вычисляли ее в сто километров, а третьи даже от тысячи двухсот семидесяти пяти до двух тысяч двухсот двадцати, т. е. от одной пятой до одной трети земного радиуса. Такую толстую кору они находили необходимой, чтобы объяснить современную величину прецессий и нутаций, т. е. колебаний оси вращения земли под влиянием притяжения солнца и луны, и чтобы объяснить, почему огненно-жидкая масса ядра не уничтожает приливов и отливов морей на поверхности земли. Но такая толщина коры противоречит вулканическим и геотермическим явлениям земли, как противоречит им гипотеза, предполагающая, что земля представляет совершенно остывшее твердое тело. Поэтому в качестве корректива защитники толстой коры принимают, что среди нее еще сохранились отдельные бассейны расплавленной массы, которые и являются вулканическими очагами. Но это произвольное предположение доказать

трудно, а согласовать его с закономерным распределением вулканов по земле еще труднее.

— Поэтому во второй половине XIX века больше сторонников получила четвертая гипотеза, гласящая, что земля имеет твердую нетолстую кору, твердое ядро и в промежутке между ними более или менее толстый слой расплавленных пород, так называемый оливиновый пояс.

Твердое ядро допускается на том основании, что ближе к центру земли, вследствие громадного давления, существующего там, все тела, несмотря на высокую температуру, превышающую во много раз их точку плавления (при нормальном давлении), должны быть в твердом состоянии.

— Поэтому притяжению солнца и луны может подвергаться только сравнительно нетолстая расплавленная масса оливинового пояса, да и та, согласно этой гипотезе, представляет густое вязкое вещество вследствие огромного давления. Земная кора состоит из более легких пород, а в оливиновом поясе сосредоточены более тяжелые, богатые оливином и железом; в самом ядре преобладают наиболее тяжелые вещества, например металлы. Полагают, что железные метеориты, которые состоят преимущественно из никелевого железа, представляют обломки планетных ядер, а каменные метеориты, состоящие из оливина и других богатых железом минералов с вкраплениями никелевого железа, дают нам понятие о составе вещества оливинового пояса.

— Эта гипотеза и сейчас еще имеет много сторонников, но на ряду с ней за первенство борется и другая, именно гипотеза Цеприца, которая воскресила в новой форме учение Лесли, Франклина, Хладни, Штейнгаузера и других ученых конца XVIII и начала XIX веков.

— Эта гипотеза исходит из того физического закона, что при высоких температурах, которые непременно должны существовать в недрах земли, все тела должны быть в газообразном состоянии, несмотря на огромное давление.

— Вам известно, что существует так называемая критическая температура газов, при которой они не сжимаются и не переходят в жидкость ни при каком давлении. Несомненно,

что в центре земли эта критическая температура превзойдена во много раз. Поэтому самое ядро должно состоять даже из так называемых одноатомных газов, потерявших уже свои характерные химические свойства, так как молекулы их уже распались на атомы под влиянием высокой температуры. Это ядро окружено слоем газов в перегретом надкритическом состоянии, в свою очередь окруженным слоем обыкновенных газов.

— Далее следует слой жидкости, вещества в расплавленном состоянии, затем слой жидкости густой, вроде лавы или смолы, и еще слой, переходный от жидкости к твердому телу, в так называемом скрыто-пластическом состоянии, сравниваемый по консистенции с сапожным варом.

— Наконец, сверху находим твердую кору. Все перечисленные слои конечно не отграничены резко друг от друга, но связаны постепенными переходами, вследствие чего при движении земли эти слои не могут перемещаться друг относительно друга, влиять на приливы и отливы, на перемещения земной оси. Относительно толщины земной коры существует разногласие. Шведский геофизик Аррениус предполагает, что газообразное ядро занимает 95 % земного диаметра, огненно-жидкие слои 4 %, а твердая кора только 1 %, т. е. имеет около шестидесяти четырех километров толщины.

— Другие же дают коре мощность более значительную — в восемьдесят, сто и даже тысячу километров. Но более тонкая кора, шестьдесят-сто километров, не больше, лучше согласуется с явлениями вулканизма, горообразования, геотермическими и т. п.

— Вы видите, что эта гипотеза воскресила учение Лесли и других, правда без внутренних планет и наружных отверстий, оправдала даже мнение капитана Симмеса о концентрических сферах. Но об обитаемости недр земли при температуре, разлагающей даже атомы газов, конечно не могло быть и речи.

— А между тем, они обитаемы! — воскликнул Каштанов. — И снаряжая туда экспедицию, вы ведь предполагали эту обитаемость?

— Совершенно верно, и теперь я перехожу к изложению своей гипотезы, — ответил Труханов. — Я давно уже являюсь

сторонником гипотезы Цеприца и производил наблюдения и вычисления для ее дальнейшего развития и подтверждения. Наблюдения касались определения силы тяжести, явлений геомагнетизма и распространения землетрясений.

— Как известно, волны землетрясений распространяются не только по твердой земной коре, но и по прямому пути через недра земли. Поэтому, если случится землетрясение у наших антиподов, то чувствительные инструменты уловят две серии ударов — сначала идущие по кратчайшему пути земного диаметра, а затем уже распространяющиеся по земной коре, т. е. по периферии шара. Скорость распространения сотрясений зависит от плотности и однородности среды, и по этой скорости можно судить о состоянии среды.

— И вот целый ряд наблюдений на разных сейсмических станциях земли и в особенности моей обсерватории на Мунку-Сардыке, где я установил новые, чрезвычайно точные и чувствительные инструменты на дне глубокой шахты, у подножия горного хребта, обнаружили факты, не согласные с гипотезой Цеприца. Оказалось, что земное ядро должно состоять не из страшно уплотненных давлением газов, а наоборот, из разреженных, немного разве плотнее нашего воздуха, занимающих около трех четвертей диаметра. Иными словами, это газообразное ядро должно иметь примерно восемь тысяч километров в диаметре, так что на долю жидких и твердых слоев остается не более двух тысяч четырехсот километров толщины с каждой стороны. Мало того, среди газообразного ядра приходилось допустить существование твердого или почти твердого тела, т. е. внутренней планеты, диаметром не более пятисот километров.

— Как вы могли определить диаметр этого невидимого тела? — поинтересовался Боровой.

— Очень просто. Это тело попадалось на пути ударов только тех землетрясений, которые случались прямо на антиподах моей обсерватории, именно в Тихом океане к востоку от Новой Зеландии; если же землетрясение случалось в самой Новой Зеландии или в Патагонии, то на прямом пути его распространения твердого тела не оказывалось. Целый ряд наблюдений

позволил определить максимальные размеры этого тела, конечно с приближительной только точностью.

Итак, получились результаты, не только не подтверждающие гипотезу Цеприца, но вообще более согласные не с ней, а с гипотезами старых ученых. Сейчас же возникло сомнение: если внутри земли такое большое пространство занято не страшно сдавленными, а следовательно тяжелыми газами, то как же объяснить большую среднюю плотность земли, достигающую, как известно, 5,5? Так как плотность пород, господствующих у поверхности земли, только 2,5—3,5 и даже меньше, если принять во внимание большие массы воды океана, плотность которой равняется единице, то для получения средней плотности всей земли 5,5 необходимо, чтобы по направлению к центру земли залегали тела с плотностью все более и более высокой, а у самого центра даже таковые с плотностью 10—11, т. е. примерно серебра. А тут у меня получается не сдавленный, а разреженный газ. Даже твердое тело у центра диаметром в пятьсот километров, будь оно хоть сплошь из золота, не восполнит этого недостатка.

Я проверял все свои вычисления, но не нашел ошибок. Произвел ряд определений плотности земли разными способами и не нашел существенной разницы; величина 5,5 была близка к средней из моих данных. Тогда мне пришло в голову: не преуменьшаем ли мы плотность самой коры, принимая ее за 2,5 и меньше? Хотя такова средняя плотность горных пород, однако при вычислениях упускают из виду массы тяжелых руд, которые мы встречаем так часто и добываем целые горы железа на Урале, в Сибири, Северной Америке, Германии, Франции... Не так ли, Петр Иванович?

— Совершенно верно, — ответил Каштанов, — но эти скопления так малы сравнительно с площадью земной коры, что их едва ли можно принимать во внимание.

— Вы правы, — продолжал Труханов, — они сами по себе слишком малы, чтобы повлиять на результат вычислений. Но не свидетельствуют ли эти и все другие металлические массы, встречаемые так часто у самой поверхности земли на благо человечества, что тяжелый слой, богатый металлами или даже

сплошь состоящий из железа, меди, серебра, золота и т. д., залегает вовсе не так глубоко, как полагают геологи. Если бы он залегал на глубине сотен или тысяч километров ниже оливинового пояса, то как могли бы изверженные породы, происходящие, как известно, не из столь больших глубин, выносить так много металлов к самой поверхности?

— Гораздо более вероятно, по моему мнению, что оливинный пояс, а под ним пояс сплошных тяжелых металлов залегают не глубоко, например на глубине всего 15—25 километров. Возьмем даже 50—77 километров, если хотите. При толщине коры, окружающей газообразное ядро, в 2 377 километров, на долю металлического слоя остается еще 2 300 километров, так как радиус земли равен 6 377 километрам.

— Теперь произведем некоторые вычисления, — сказал Труханов, подходя к доске, устроенной из линолеума. — Я предполагаю, что в центре находится шарообразное твердое тело диаметром в 250 километров, состоящее из никкелевого железа, плотность которого можно принять в 8, так как плотность железа 7,8, а никкеля 8,6. Почему я считаю это тело состоящим из никкелевого железа, вы узнаете немного позже. Вычислим объем A этого тела по известной формуле $\frac{4}{3} \pi R^3$ или $4,19 R^3$. A будет равно 8 183 594 кубическим километрам.

— Помножим эту величину на плотность 8 и получим массу этого тела 65 468 752.

— Определим теперь объем внутренней полости земли B , принимая ее радиус в 4 000 километров; B будет равно 268 160 000 000 кубическим километрам. Но так как часть полости занята твердым телом, то из B нужно вычесть A , полученное выше: получим $B - A$ равно 268 151 816 406 кубическим километрам. Плотность чистого воздуха, как известно, равна 0,0013 при температуре 0° , давлении 760 миллиметров под широтой в 45° . Положим, что во внутренней полости он немного плотнее, и примем величину 0,002. Умножим на эту величину вычисленный объем $B - A$ и получим 536 303 633 для массы этой полости.

— Объем нашей земли, как известно, равен 1 084 872 000 000

кубическим километрам. Из этого объема нужно вычесть объем внутренней полости, конечно вместе с твердым телом, чтобы получить объем коры $Y-B$; он составит 816 712 000 000 кубических километров. Принимаем, что легкая поверхностная часть коры вместе с водой океанов имеет только 77 километров толщины, а остальные 2 300 километров представляют тяжелую металлическую кору, состоящую главным образом из железа. Если среднюю плотность легкого слоя коры примем всего за 2,0, то при плотности железа в 7,8 мы имеем полное основание принять среднюю плотность всей коры в 7,3. Умножим на эту величину полученный объем $Y-B$; находим 5 961 997 600 000 для массы всей коры.

— Теперь сложим все полученные величины наших масс: $A + (B-A) + (Y-B)$ и получим: 5 962 599 371 385. Если мы разделим эту величину на известный нам объем земли, то мы получим среднюю плотность последней. Она оказывается 5 496, т. е. почти равна 5,5 выведенной разными учеными разными способами. Если мы прибавим к толщине коры за счет внутренней полости 1—2 километра или примем среднюю плотность коры не 7,3, а примерно 7,32, то этого будет вполне достаточно, чтобы получить нужную величину 5,5.

— Итак, — продолжал Труханов, — вы видите, что большая средняя плотность земли вовсе не требует, чтобы земля являлась сплошным тяжелым телом с массами серебра, свинца и тому подобным в центре или же телом, ядро которого состоит из страшно сдавленных, а следовательно тяжелых газов. Внутри земли может быть пустота весьма солидных размеров, наполненная воздухом почти такой же плотности, как на земной поверхности. Вы видели, что величина массы центрального твердого тела небольших размеров в общей сумме играет ничтожную роль. Если мы примем диаметр этого тела вместо 250 километров только 125, или, наоборот, 500 километров, то общий результат вычислений почти не изменится.

— Он зависит главным образом от толщины твердой коры и ее большой плотности.

— Будем рассуждать дальше. Если внутри земли имеются не сильно сдавленные газы, а нечто в роде воздуха, то вполне

правдоподобно допустить отверстие, которым эта полость сообщается с земной поверхностью. Как же это отверстие образовалось? Нельзя допустить, что оно существовало искони, потому что первоначально полость должна была быть заполнена сдавленными и страшно нагретыми газами, согласно гипотезе Цеприца, так как иным образом мы не можем себе представить образование земли из первичной туманности.

— Предположить, что газы сами когда-то прорвали кору и вырвались в мировое пространство, также нельзя: в таком случае не было бы центрального твердого тела, на существование которого указывают сейсмические наблюдения.

— Приходится прибегнуть к другим предположениям. Вы конечно знаете, что на нашу землю из мирового пространства попадают метеориты разнообразной величины. Допустим, что когда-то на землю упал колоссальный метеорит диаметром в 250 километров, т. е. целая маленькая планета, в поперечнике меньше луны в 13 с лишком раз, а по объему даже в 2 200 раз. Такой метеорит должен был пробить земную кору и ворваться внутрь земли, подобно артиллерийскому снаряду, пробивающему стену, которая в несколько раз толще его длины. Газы внутренней полости вырвались через пробойину наружу, а метеорит остался внутри. Он раскалился уже в пределах нашей атмосферы, а сопротивление коры при страшном ударе еще подняло его температуру; в довершение всего он попал в сферу накалившихся газов, где находился известное время, пока они не вышли все наружу. Естественно, что он превратился в самосветящееся тело, которое может быть теперь уже значительно уменьшилось в объеме вследствие горения. Можно себе представить, какая это была катастрофа на земле — падение такого метеорита и затем выход газов. Результатом ее могло быть перемещение оси вращения земли, что вполне совпадает с данными геологии, затем, может быть, изменение наклона эклиптики и скорости вращения земли вокруг солнца и вокруг своей осн.

— Но метеориты, падающие на землю, имеют небольшую величину, какие-нибудь десятки сантиметров, редко метр в диаметре, — заметил Боровой. — Имеем ли мы основание полагать,

что бывают очень большие, особенно такой гигантский — в 250 километров? Не слишком ли это смелое предположение?

— Конечно смелое. Но относительно размеров метеоритов вы ошибаетесь, Иван Андреевич, — ответил Груханов. — В Северной Америке, недалеко от глубокой долины Дьябло в штате Аризона известна круглая котловина диаметром в 1 200 метров и глубиной в 180 метров, врезанная в горизонтальные пласты и окруженная валом из обломков величиной в хороший дом. Иные глыбы весом до 150 — 300 килограммов отброшены на расстояние в один — пять километров. Не так ли, Петр Иванович?

— Вы говорите о Метеорном кратере, Николай Иннокентьевич? Он действительно представляет геологическую загадку, — сказал Каштанов.

— Которая еще не совсем разъяснена. Эту огромную впадину считали кратером взрыва, но вулканический материал нигде не нашли, зато нашли вокруг кратера множество метеоритов, от крошечных до сотен килограммов весом. Предположили, что главная масса углубилась в породу на дне впадины, но буровые скважины показали, что на глубине 240 — 270 метров залегают нормальные породы, выше — оплавленные, пемзовидные, а до глубины 180 метров — содержащие в изобилии кушочки никелевого железа.

— Странно! Как же образовалась эта выбоина? — спросил Боровой.

— Полагают, что здесь упал целый рой метеоритов, один из которых имел до 150 метров в диаметре. Выбоина создана потоком раскаленного воздуха, двигавшимся впереди роя и рассеившимся при встрече с земной поверхностью с силой страшного взрыва, во все стороны разбрасывая пласты.

— А куда же девался большой метеорит?

— В этом и состоит загадка. Он мог рассыпаться на куски; но полагают, что он отскочил, подобно гигантскому мячу, и упал в Тихий океан. Во всяком случае образование этой огромной выбоины связано с падением метеорита или целого роя метеоритов, поэтому мое предположение не является невозможным, что один раз в длинной истории земли случилась встреча

земли с громадным метеоритом. А при соответствующих размерах этого гостя из вселенной и выбоина могла проникнуть через всю твердую кору. Вы представьте себе силу удара ядра в 250 километров в диаметре, несущегося со скоростью нескольких сот километров в секунду!

— Хорошенькая катастрофа!

— Все это были мои предположения, которые и заставили меня снарядить экспедицию для их проверки, прежде всего для поисков отверстия, пробитого метеоритом. Я не думал, что в это отверстие можно будет спуститься. Вы блестящим образом разрешили задачу, и теперь мою гипотезу можно считать теорией.

— Но скажите, пожалуйста, Николай Иннокентьевич, — спросил Каштанов, — почему вы снарядили экспедицию в Северное полярное море? Почему вы думали, что метеорит упал именно там?

— Вы слишком высокого мнения о моих способностях, — улыбнулся Труханов, — а ответ прост до-нельзя. Поверхность всех пяти материков в настоящее время уже настолько исследована, что отверстие диаметром в 250—300 километров не могло бы ускользнуть от внимания путешественников. Если бы оно существовало в населенных странах, мы давно знали бы о нем, даже если оно было где-нибудь в пустыне Гоби или в Тибете. Единственные значительные неизвестные площади, на которые никогда не ступала нога человека, сохранились только в обеих полярных областях. Итак, только там и можно было искать отверстие. Я выбрал сначала Арктическую область и ту именно ее часть, где по всем данным, о которых я вам докладывал при нашем первом знакомстве в Москве, можно было предполагать существование достаточно большой земли. Вот и все. Если бы вы не нашли отверстия, а обнаружили только обычную полярную землю, — я бы немедленно снарядил экспедицию в Антарктику, где простор для поисков гораздо больше, так как там большой материк. И посылал бы одну экспедицию за другой, пока вся площадь не была бы обследована.

— Но метеорит мог упасть в море, — заметил Каштанов, — площадь морей на земле гораздо больше площади суши.

— Если бы он упал в море и пробил отверстие на дне его, то после выхода газов вода устремилась бы во внутреннюю полость, заполнила бы ее и оправдалась бы старая гипотеза Удварда. Но это не согласовалось с моими сейсмическими наблюдениями, показавшими, что внутри земли не вода, а газ. Следовательно метеорит упал на сушу или в мелкое море, в котором из обломков коры, нагроможденных вокруг пробойны, создал большой остров, который и не позволил воде устремиться в пробоину.

— Когда же могло произойти падение? — поинтересовался Макшеев. — Можно ли определить время?

— Благодаря вашим трудам это вполне возможно. Вы встретили во внутренней полости в качестве наиболее древних представителей жизни юрскую фауну и флору. Поэтому можно думать, что метеорит упал на землю раньше юрского периода, например в триасовое время. В юрский период, как показали исследования геологов, в полярных странах климат был теплый, субтропический.

— Почему это так было, еще не разъяснено; может быть благодаря падению метеорита переместилась ось вращения земли, и Ледовитый океан очутился недалеко от тропиков. Так или иначе, но через отверстие, пробитое метеоритом, юрская флора и фауна постепенно распространились по внутренней полости.

— Вы обнаружили, что климат этой полости, в части ее, более близкой к отверстию, находится в известной зависимости от климата земной поверхности вследствие проникающих внутрь холодных ветров, туманов и туч. Естественно, что когда вокруг отверстия юрская жизнь уступила место меловой, последняя распространилась и во внутреннюю полость, оттесняя представителей юрской флоры и фауны дальше на юг, где ухудшение климата не произошло.

— В третичный период произошел аналогичный процесс, и меловая жизнь в свою очередь была оттеснена на юг, оставив в распоряжении юрской только узкую полосу на обоих берегах моря Ящеров.

— Наконец в начале послетретичного периода через отверстие распространились внутрь представители флоры и фауны

холодного пояса — мамонт, длинношерстый носорог, северный олень и тому подобные и вместе с ними первобытный человек, появившийся в это время на поверхности земли. Эти новые климатические условия оттеснили третичную жизнь внутренней полости более к югу. Затем началось великое оледенение северного полушария, околополярные земли покрылись снегом и льдом, оттеснившими жизнь и на земной поверхности далеко к югу. Всякое сообщение с внутренней полостью прекратилось, льды проникли в нее и оттеснили мамонтов в тундру на некоторое расстояние. По окончании великого оледенения околополярные страны не освободились от снега и льда, и ледяная пустыня, окружающая отверстие на сотни километров, попрежнему составляет непреодолимую преграду для животных и растений.

— Пока Земля Нансена скована льдами, внутренняя полость гарантирована от проникновения в нее представителей современной флоры и фауны с земной поверхности. И только человек XX века в вашем лице отважно преодолел эту преграду и проник в таинственную страну, где чудесно сохранились, благодаря постоянному климату и жизненным условиям, представители флоры и фауны, давно исчезнувшие на земле. Вы открыли этот палеонтологический музей, о существовании которого я не мог и думать.

— Вы прекрасно обрисовали заселение внутренней поверхности, — заметил Каштанов, — хотя палеонтологи могут быть найдут и спорные пункты в ваших предположениях. Но я хотел еще спросить, куда же исчезли обломки земной коры, получившиеся при образовании пробоины?

— Я полагаю, что более мелкие были выброшены обратно вырвавшимися из недр газами, а более крупные могли частью сплавиться вместе с метеоритом в светящееся тело Плутона, частью могли упасть на внутреннюю поверхность и образовать там холмы и целые плоскогорья.

— Может быть те большие холмы из оливиновой породы, богатой железом, которые вы открыли на берегах реки Макшеева в ее среднем течении, представляют такие обломки. Может быть и все плато черной пустыни на южном берегу моря

Ящеров состоит из подобного огромного обломка, — все это требует дальнейшего изучения.

— А вулканы, потухшие и действующие, которые мы нашли на этом плато, — как объясните вы их существование?

— Мне кажется это нетрудно. Согласно гипотезе Цеприца, поверх слоев или поясов, состоявших из газов, располагался слой огненно-жидкий. После образования пробойны, когда газы устремились в нее и давление внутри земли начало резко ослабевать, часть этого слоя должна была превратиться в пары и газы, а остальная представляла кипящее огненное море. Пары и газы постепенно вышли через стверстие, температура и давление во внутренней полости все более понижались, и лавовое море начало покрываться твердой корой. Сначала последняя была тонка и слаба, часто разрывалась под напором газов и паров, продолжавших еще выделяться из расплавленной массы. Но постепенно она окрепла, прорывы случались все реже и реже, — как на поверхности земли в первый период ее жизни. Вулканы показывают только, что на некоторой глубине под этой корой сохранились еще бассейны с огненно-жидкой лавой, которая и производит извержения, как на земной поверхности, с той разницей, что продукты представляют сплошь очень тяжелые переполненные железом породы, каких мы на земле не знаем.

— Но ведь если внутренняя поверхность представляла сначала огненное море, как вы сказали, — заметил Макшеев, — то обломки коры, упавшие в него, должны были утонуть в нем или расплавиться.

— Это не обязательно, — вступился Каштанов. — Мелкие обломки конечно расплавились, но крупные благодаря своим размерам, — ведь они могли достигать нескольких километров в диаметре, — подверглись расплавлению только отчасти. Что же касается их погружения в глубь огненного моря, то это зависело от их удельного веса. Если они были легче расплавленной массы, — а это вполне допустимо для части обломков, — то они плавали на ее поверхности, подобно льдинам на море, и, подобно льдинам, по краям и снизу таяли.

— Я не настаиваю на своей мысли, — заявил Труханов, —

это было первое предположение, которое пришло мне в голову при вашем вопросе. Все это требует дальнейшего исследования. Мы знаем теперь только узкую полоску Плутонии вдоль реки Макшеева и по берегам моря Ящеров, а что представляет эта огромная страна в обе стороны от реки? Далеко ли уходит черная пустыня на юг? Что лежит за этой пустыней? Нет ли там опять оазисов жизни?

— Мне кажется, что нет, — заметил Папочкин, — и вот почему. Влагу, без которой жизни быть не может, приносят ветры, дующие с севера, из отверстия. Эта влага — продукт главным образом земной поверхности. Как мы убедились, дожди не распространяются дальше южного берега моря Ящеров. Ветры оставляют всю свою влагу на этом сравнительно небольшом расстоянии от отверстия, а за морем, на всем остальном пространстве внутренней поверхности, залегает безводная и бесплодная пустыня застывшей лавы. Я думаю даже, что первоначально юрская жизнь распространялась на очень близкое расстояние от отверстия, и только постепенно, по мере того, как количество влаги в виде речек и озер увеличилось благодаря постоянному притоку ее через отверстие, эта жизнь продвигалась все дальше и дальше на юг. Может быть и море Ящеров образовалось сравнительно недавно, и потому вода его не так солона, как вода океана.

— Ну, с этим нельзя согласиться, — сказал Каштанов. — Если бы это море образовалось недавно, в нем не могли бы жить представители юрской фауны, подобно рыбам, ихтиозаврам и плезиозаврам. Ни рыбы, ни ихтиозавры не могли переселиться с земной поверхности внутрь посухи, подобно муравьям, или по воздуху, подобно птеродактилям. Из этого следует, что в пробоину все-таки проникло море, хотя бы на непродолжительное время, и узким проливом.

— Но позвольте! — воскликнул Папочкин. — Как могло море проникнуть вслед за метеоритом внутрь? Оно встретило бы раскаленные газы и огненную поверхность, и все завры и рыбы дали бы только колоссальную уху, но не потомство.

Все рассмеялись, но Каштанов возразил:

— Вы делаете слишком поспешные выводы из моих слов,

Семен Семенович. Я же не говорил, что море проникло вслед за метеоритом. Последний упал, как предполагает Николай Иннокентьевич, в триасовый период, а фауна моря юрская. Следовательно мы имеем достаточный промежуток времени для выхода газов и охлаждения внутренней полости. Может быть метеорит упал даже раньше, в конце палеозоя. И нет ничего невозможного в том, что в юрское время вследствие размыва части берега того большого острова или материка, на котором была пробоица, море проникло во внутреннюю полость, но не надолго, иначе оно бы всю ее затопило. Может быть в другой части Плутонии море Ящеров тянется значительно дальше на север, указывая тот путь, по которому морская фауна переселилась когда-то внутрь.

— Вот видите сколько вопросов, крайне интересных и важных, возникает тотчас же, как мы начинаем рассуждать о природе Плутонии, — сказал Труханов. — И каждый из нас может наметить их целый ряд по своей специальности. А в итоге — необходимо снарядить вторую экспедицию для дальнейшего исследования Плутонии. Не так ли?

ЭПИЛОГ

Наступил и прошел май, но не принёс еще долгожданной весны. Хотя солнце уже не сходило с горизонта, только немного спускаясь на севере и поднимаясь на юге, но грело оно слабо, и снег таял только на южной стороне корпуса судна и на крутых береговых утесах. Кроме того солнечные дни часто сменялись пасмурными; поднимался ветер, крутился снег, нередко разыгрывалась настоящая пурга, и казалось возвращалась зима. Этот свежий снег постоянно задерживал таяние старого, уже осевшего и готового превратиться в воду при первых же достаточно теплых днях. Они случились только в первой половине июня и принесли наконец долгожданную весну.

С утесов стекали бесчисленные ручейки, на маленьких оголившихся площадках появились крошечные цветы, распускавшиеся на глазах; в лужицах, согретых солнцем, копошились какие-то водяные насекомые, неизвестно откуда явившиеся. Но

море, крепко скованное льдами еще дремало. Впрочем, в тихие дни с верхушки мачты можно было различать далеко на юге темную полосу воды.

— В этом году весна здесь запоздала! — заметил как-то Нордстрем собравшимся на палубе путешественникам, которым из-за воды, покрывавшей лед почти всюду, теперь приходилось большую часть дня проводить на судне.

— Да, в прошлом году мы в это время уже подплывали к берегу этой земли.

— Потому что сильные ветры разволновали море и разбили лед. А теперь вот уже десять дней как тихо или дует слегка южный ветер.

— Не придется ли зимовать второй раз, если море не вскрыется? — заинтересовался Папочкин, которому становилось скучно.

— Ну, нет! В июле, самое позднее в августе, море очистится, даже если ветров не будет.

— В июле или августе! — воскликнули Громеко и Макшеев. — Половину лета просидим еще здесь?

— Да, в полярных плаваниях с этим нужно считаться. В плохие годы только один или полтора месяца остается для навигации; в хорошие — два-три месяца.

Терпение населения «Полярной Звезды» действительно подверглось долгому испытанию. Июнь простоял тихий, но во второй половине пасмурный и холодный. По ночам подмерзало, иногда шел снег, и в такие дни казалось, что лето уже кончилось. Наконец в начале июля налетевшая с востока буря хотя и засыпала все снегом, но разломала лед, и судно, давно уже обколотое, готовое к плаванию, простилось салютом с печальной Землей Нансена и направилось на юг.

Однако погода все еще стояла пасмурная и сырая, часто шел дождь или снег; иногда туманы заставляли стоять целые часы.

Только в начале августа «Полярная Звезда» вырвалась из плена и полным ходом пошла по Берингову проливу. Все вздохнули свободно. Оставались две-три недели плавания до Владивостока.

В половине августа плыли на широте устья реки Камчатки;

берега полуострова, конусы вулканов и дымящаяся Ключевская сопка хорошо виднелись вдали. День выпал на редкость тихий и ясный, и бурное Берингово море расстиралось, словно зеркало, до горизонта. Благодаря прозрачности осеннего воздуха на юго-востоке чуть виднелись вершины острова Беринга, ближайшего из группы Командорских. С этой стороны полным ходом шло большое судно, как будто направлявшееся в Нижне-Камчатск.

— Вероятно русский крейсер, который дежурит в этих водах, — сказал Макшеев на вопрос собравшихся на палубе товарищей, находившихся в самом радужном настроении по случаю спокойного моря и успешного плавания.

— Кого же тут караулить? — поинтересовался Каштанов.

— Хищников — американцев и японцев. Командорские острова известны, как лучшее, если не единственное в мире лежбище ценного морского котика, количество которого вследствие беспощадного истребления стало быстро уменьшаться. Поэтому наше правительство допускает бой котика только в определенное время года и с разными ограничениями относительно самок и молодняка. Но жадные промышленники стараются обойти запрещение. Поэтому острова часто посещаются судами военного флота, имеющими право останавливать подозрительные суда, плавающие в этих водах.

— Пожалуй, что и нас осмотрят! — воскликнул Труханов. — Крейсер держит курс прямо на нас.

Действительно, крейсер, крупное трехмачтовое судно, шел полным ходом наперерез «Полярной Звезде». На нем уже можно было различить блестящие дула орудий, группу людей на капитанском мостике. И вдруг из одного из орудий вырвался клуб дыма, прокатился гром выстрела, и одновременно на мачте взвился сигнал: «Остановитесь или буду стрелять».

«Полярная Звезда» послушно застопорила машину. По морским правилам капитан, как только заметил крейсер, отдал приказ поднять русский флаг. Но крейсер не последовал этому примеру.

Пассажиры столпились у борта, рассматривая быстро приближавшееся красивое судно.

— Что такое? Это не русский крейсер, он называется «Фердинанд», и название сделано латинскими буквами! — воскликнул Нордстрем, наблюдавший в подзорную трубу.

— Какое же право он имеет останавливать русское судно в русских водах? — удивился Каштанов.

— Какой национальности этот «Фердинанд»? Германский вероятно?

— Сейчас узнаем! — ответил Нордстрем, просматривавший карманный морской календарь.

— Нашел! «Фердинанд» — крейсер австро-венгерского военного флота, построен в 1909 году, столько-то тонн водоизмещения, 10 орудий такого-то калибра и т. д., 250 человек команды, скорость хода и т. д.

В это время крейсер совсем приблизился, замедлил ход и остановился в кабельтоне от «Полярной Звезды»; с него тотчас же спустили шлюпку, и можно было видеть, как человек двадцать матросов, вооруженных ружьями, и два офицера сошли по трапу. Шлюпка направилась к «Полярной Звезде», пассажиры которой, капитан и вся команда столпились у борта в полном недоумении. Но для приема непрошенных гостей пришлось волей-неволей спустить трап.

На палубу поднялись оба офицера и десять матросов.

— Это русский судно? — спросил старший из гостей, поднося правую руку к козырьку фуражки.

— Русское. Яхта «Полярная Звезда», частная собственность, — ответил Труханов.

— Ви сам капитан?

— Нет, я владелец судна. Капитан и команда норвежцы.

— Норвежски подданы? Зо-оо! А зачем на русский судно норвежски команда? Торговый судно или китобой?

— Ни то, ни другое. «Полярная Звезда» везет научную экспедицию из плавания по Ледовитому океану. Но я хотел бы знать, на каком основании вы останавливаете русское судно в русских водах и подвергаете нас допросу?

— На основании военно-морской прав и военной положений.

— Что такое? Какое военное положение? В чем дело? — посыпались вопросы встревоженных до-нельзя пассажиров.

Офицер улыбнулся.

— Ви ничего не знаете? Ви давно плавайте на Ледовитый океан?

— С весны прошлого года.

— Diese Russen sind wie vom Himmel gefallen (эти русские словно с неба свалились!), — обратился австриец к своему товарищу, который видимо плохо понимал по-русски, а теперь тоже улыбнулся и ответил:

— Sie wissen gar nichts vom Kriege (они ничего не знают о войне)?

Затем старший продолжал:

— Так я вам объявляйт, что Австро-Венгерская империя и Германская империя уже целый год ведут война с Россией, и ми, крейсер императорски флот «Фердинанд», будем взять ваш судно, как военный приз. Понимайт?

— Но моя яхта не военное судно, а научное, мирное. Частные суда не конфискуются.

— Мирный судно? А это что такое? — австриец указал на маленькую пушку на носу, служившую для салютов и сигналов. — Это орудий!

Труханов только улыбнулся.

— Всякий мирный судно, — продолжал австриец, — можно вооружайт, привозить десант, военный груз, военный почта. Мирный судно нужно забирайт, нишего не поделайт!

— Нельзя ли мне переговорить с командиром крейсера?

— А ви немецкий язык говорить, понимать?

— Нет, но говорю по-французски и по-английски.

— Карато! Поедем крейсер.

Офицер сказал что-то вполголоса своему товарищу и затем спустился с Трухановым в шлюпку, понесшуюся к крейсеру. Второй офицер и вооруженные матросы остались на «Полярной Звезде».

Каштанов, хорошо говоривший по-немецки, вступил в беседу с офицером, который охотно отвечал на вопросы и познакомил пассажиров с главными событиями, приведшими в июле 1914 года к европейской войне. Некоторые норвежцы завели разговор с матросами крейсера, и незаметно прошло время до

возвращения Труханова. Последний прибыл с двумя офицерами и еще несколькими невооруженными матросами.

— Нам предстоит высадка на берег Камчатки, — заявил он. — Пойдем в каюты укладываться, пока «Полярную Звезду» поведут под конвоем к берегу. Ее конфискуют безусловно со всем грузом.

В каюте без присутствия австрийцев, которые остались распоряжаться на палубе, Труханов рассказал следующее:

— Командир крейсера объявил мне то же, что и этот офицер. Сначала он, посоветовавшись со своими помощниками, хотел высадить норвежцев, а нас увезти в качестве пленных. Я ведь прекрасно говорю и понимаю по-немецки, — пояснил Труханов, — но нарочно скрыл это, чтобы узнать, о чем они будут говорить между собой по поводу своих намерений. И вот я узнал, что у них мало провианта, и они рассчитывают поживиться нашими запасами. Поэтому лишние рты в виде пленных им не нужны. Хотя один из помощников настаивал, что они должны увезти по крайней мере всех, кто моложе 45 лет, как военно-обязанных, т. е. всех, кроме меня, но командир успокоил его тем, что пока мы доберемся из Камчатки в Москву, война наверно будет кончена разгромом России и Франции.

— Похоже на то, — заметил Каштанов, — мы узнали, что германцы уже недалеко от Парижа, а Варшава накануне сдачи.

— Итак, — продолжал Труханов, — они решили высадить всех, но позволяют взять с собой только необходимую одежду, немного припасов и принадлежащие каждому деньги, но не экспедиционную кассу. Она и все прочее подлежит конфискации.

— Как, и все коллекции, все результаты экспедиции? — воскликнул Папочкин с негодованием.

— Да, все безусловно! Дневники мы конечно спрячем по карманам, но фотографии, черепа, шкуры, гербарии и т. д. придется оставить. Они обещают, что все это в целости и сохранности будет доставлено в Вену и выдано нам по окончании войны.

— Если по дороге туда их не пустит ко дну французская или русская подводная лодка или мина! — возмущенно заметил Боровой.

— Это вполне возможно! — продолжал Труханов, — тем более, что в войну вмешалась Англия. . .

— Словом, экспедиция ограблена дочиста, как тогда, когда нас обчистили муравьи, — грустно усмехнулся Макшеев.

— Есть некоторая возможность вернуть наше имущество, — сказал Труханов. — Из их намеков я догадался, что у них где-то поблизости есть база, скорее всего на Командорских островах, откуда шел к нам крейсер. Они отведут туда «Полярную Звезду». По прибытии во Владивосток, мы сообщим это нашим военным судам и базу накроют.

— Ну, когда-то мы доберемся туда!

— Во всяком случае это единственная надежда. А теперь давайте укладываться.

Все разошлись по каютам. «Полярная Звезда» шла уже полным ходом к Камчатке под конвоем крейсера, держа курс на Усть-Камчатск, единственное жилое место к северу от Петропавловска на берегу моря. Вскоре приунывшие пассажиры собрались со своими чемоданами и узлами на палубе, где австрийцы подвергли багаж легкому осмотру, но не рылись в нем и не лазали в карманы. Поэтому Макшеев избег опасности лишиться своего золота, которое он пересыпал в широкий кожаный пояс золотоискателей, представляющий длинный и узкий мешочек. Навьючив на себя целый пуд, инженер сделался очень неповоротливым. Но колбаса, начиненная золотом, которой он опоясался, была скрыта под кухлянкой, и австрийцы не обратили внимания на неуклюжесть ее носителя. Коллекция и все экспедиционное имущество, давно упакованные в ящики для перевозки по железной дороге, были сданы австрийцам по описи. О том, где в действительности побывала экспедиция, им конечно не сообщили.

— Мы побывали в Чукотской земле, зимовали на острове Врангеля, — заявил Труханов офицеру, принимавшему имущество, который сочувственно закивал головой и сказал:

— Мой отец бил в полярной экспедиция, земля Франц-Иосиф, австрийский корвет Тегетгоф, ви, конечно, читаль?

— О, да! — улыбнулся Труханов.

Под вечер оба судна остановились у длинной косы в устье

реки Камчатки, за которой находится небольшой рыбачий поселок. Быстро сгрузили пассажиров, норвежцев и их багаж на три шлюпки и свезли на берег. Иголкин и Нордстрем немедленно отправились в поселок добывать средства передвижения. Остальные стояли на берегу и с грустью смотрели, как подняли на борт шлюпки и как оба судна повернулись и полным ходом ушли в море. Уже в сумерки, прежде чем пришли из поселка люди с лошадью — единственной в поселке — суда скрылись в вечерней мгле.

Нашим путешественникам пришлось прожить в Усть-Камчатске целых десять дней в виду отсутствия средств передвижения. Редкое население по реке Камчатке было усиленно занято рыболовством вследствие начавшегося осеннего хода рыбы, и бросать промысел, дающий людям и собакам пищу на всю зиму, ради перевозки многочисленной компании в батах (долбленых лодках) вверх по реке, никто конечно не имел никакого желания. Только Иголкин, торопившийся к жене в Петропавловск, взяв с собой Генерала, отправился этим путем и повез письмо губернатору. В этом письме Труханов сообщал о конфискации «Полярной Звезды», о вражеской базе на Командорских острогах и просил помощи.

В конце августа японская рыболовная шхуна зашла в Усть-Камчатск и согласилась доставить, за большие деньги, всех высаженных в Японию. Чтобы очистить место для пассажиров, ей пришлось оставить часть своего рыбного груза.

Это путешествие, продолжавшееся три недели, было далеко не из приятных. Одни разместились на палубе, другие в трюме между бочками с рыбой. Питались по-японски — рыбой, рисом и чаем, испытали сильную качку, туманы, дожди и метели. Возле Курильских островов чуть не потерпели крушение на рифах во время бури; в заливе Терпения японцы хотели всех высадить под предлогом, что японский Сахалин — та же Япония, и согласились везти дальше лишь за добавочную плату.

В Вакканан, на северной оконечности Хоккаидо, северного из японских островов, измученные пассажиры сами покинули шхуну, так как дальше, в порт Хакодате, можно было ехать по железной дороге, скорее и удобнее.

Из Хакодате — на южном конце острова и почти на широте Владивостока — сообщение с последним было довольно частое и правильное. После ряда опросов и формальностей, вызванных тем, что и Япония присоединилась к воюющим державам на стороне Антанты, почтовый пароход быстро доставил всю компанию во Владивосток.

Велико было изумление путешественников, когда они, подъезжая к пристани, заметили среди судов на рейде «Полярную Звезду», на палубе которой маячил часовой. Быстро навели справки, и оказалось, что губернатор Камчатки, получив письмо Труханова, но не располагая судами достаточной величины для нападения на австрийский крейсер, телеграфировал во Владивосток. Посланный отсюда быстроходный крейсер нашел на Командорских островах «Полярную Звезду», но австриец, имевший наблюдательные посты на высотах, успел заблаговременно скрыться.

Командир порта, сообщивший эти сведения, тут же разочаровал наших путешественников, уже рассчитывавших на возврат своих коллекций. «Полярная Звезда» была обобрана австрийцами дочи́ста — коллекции, снаряжение, припасы, даже обстановка кают и ценные части машины были увезены, так что судно пришлось тащить на буксире. Без солидного ремонта оно не могло уже плавать, и Труханову пришлось согласиться на предложение морского ведомства отдать его на время войны для вестовой службы.

Удрученные путешественники сели в сибирский экспресс и направились на родину. Обсудив создавшееся положение, они решили, что до окончания войны, на близость которого все еще рассчитывали, и до возвращения коллекций и фотографий, об экспедиции в Плутонию нужно молчать. Чем могли они доказать, кроме своих слов, что Плутония с ее чудесами существует, и что в нее можно проникнуть? Всякий здравомыслящий человек признал бы их доклад сплошной фантазией, а докладчиков — вря́ями или помешанными.

Но война затянулась, за ней последовала революция и другие события... Миновало десять лет, участники экспедиции рассеялись; одни были убиты на фронтах, другие умерли. Кол-

лекция и документы неизвестно где находятся. На их возврат Труханов, возвратившийся в свою обсерваторию на Мунку-Сардыке и живущий там отшельником, уже не надеется.

Случайно в руки автора попал дневник и рисунки одного из умерших участников экспедиции. По этим материалам и составлена настоящая книга в виде фантастического романа для пытливого юношества. Может быть кто-нибудь из вас, молодые читатели, возмужав, решится отправиться на поиски входа в чудесную Плутонию среди полярных льдов? А других, быть может, заинтересует изучение остатков исчезнувшей фауны и флоры минувших периодов жизни нашей земли.

БИБЛИОГРАФИЯ

Молодым читателям, которые заинтересуются наукой о земле и о населявших ее вымерших животных, можно указать нижеследующие популярно-изложенные сочинения:

Алексеев Ю. О происхождении животных и человека. ГИЗ.

Бельше В. Материки и моря в смене времен. «Природа», М., ц. 60 к.

Вальтер И. Первые шаги в науке о земле. ГИЗ, ц. 40 к.

Гаазе Е. Земная кора. Введение в изучение геологии. М., изд. «Космос».

Гейки А. Геология. ГИЗ.

Гетчинсон. Вымершие чудовища. ГИЗ.

Готан В. Ископаемые растения. М., изд. «Природа», ц. 1 р.

Елаич Е. О вымерших животных (пресмыкающиеся). ГИЗ, 2-е изд., ц. 35 к.

Его же. О происхождении птиц и о вымерших птицах.

Ланкестер Э. Вымершие животные. ГИЗ.

Лебазейль. Чудеса полярного мира. ГИЗ.

Максвелл Рид. Следы на камне. История Земли и жизни на ней.

Переработка Л. Савельева, под ред. акад. В. А. Обручева.

Неймайр М. Корни животного царства. М., 1919.

Нечаев А. И. Что говорят камни. ГИЗ.

Осборн Г. Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство.

Перевод с английского, под ред. антрополога Академии наук Б. Н.

Вишневского. С дополнительной статьей «Доисторический че-

ловек в России». Л., изд. «Путь к знанию».

Павлова М. В. Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи. «Современные проблемы естествознания». ГИЗ, ц. 1 р. 20 к.

Шульга-Нестеренко. Вулканы и землетрясения. ГИЗ.

Редактор *И. Ф. Романов.*

Техн. редактор *Р. В. Эмдина.*

Корректор *А. Н. Кузьмин.*

ОНТИ № 67. Тираж 30 000. Слано в набор 27/IX 1935 г. Подп. в печать 23/XII 1935 г. Формат бумаги 62 × 94. Уч.-зв. лист. 22,6 Бум. лист. 103/4. Печати, знак. в бумажн. листе 101 000 Заказ № 1558. Ленгортит № 30750. Выход в свет декабрь 1935 г.

3-я тип. ОНТИ им. Бухарина. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>Поч- товой вине</i>
237	подпись под рис.	Пронтозавры	Бронтозавры	Типо- гра- фии

Обр^учев—Плутония

4р. Пер. 1р.
ИП-6-4